

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФГБОУ ВО «КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Х.М. БЕРБЕКОВА»**

На правах рукописи

Мурзаканова Милана Юрьевна

**КАТЕГОРИЗАЦИЯ СЕМЬИ И РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА В СВЕТЕ ЛАКУНОЛОГИИ
(на материале русского, английского и кабардинского языков)**

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание
ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Кимов Рашад Султанович

Нальчик
2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ	11
1.1. Концептуализация и категоризация как ключевые понятия когнитивной лингвистики.....	11
1.2. Языковая картина мира как специфический способ представления мира	26
1.3. Основные проблемы лакунологии в теоретическом освещении	30
1.3.1. Происхождение термина лакуна. Использование термина в разных науках	30
1.3.2. «Лакуна» как лингвистическое понятие	39
1.3.3. Безэквивалентная лексика, реалии и лакуны	52
1.4. Понятие семьи в социально-гуманитарных науках	57
Выводы	71
Глава 2. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ СЕМЬИ И РОДСТВА В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ	75
2.1. Русско-кабардинский билингвизм как основа формирования ономазиологических средств категоризации семьи и родственных отношений в кабардинской лингвокультуре ...	75
2.1.1. Специфика лексикализации родства в свете типологических характеристик кабардинского языка	79
2.1.2. Категоризация семьи и родственных связей в кабардинском, русском и английском языках	81
2.2. Эпидигматическое развитие семантической структуры лексемы <i>family</i> и ее коррелятов в русском и кабардинском языках	88
2.3. Когнитивная категоризация терминов родства <i>отец</i> , <i>мать</i> , <i>сын</i> , <i>дочь</i> и их коррелятов в английском и кабардинском языках	114
2.4. Классификация конститuentов лексической микросистемы «семья» в свете лакунологии	126
2.4.1. Лакунарные единицы и лакунофоры	126
2.4.2. Абсолютные и относительные лакуны	132
2.4.3. Векторные лакуны в анализируемых языках	134
2.4.4. Стилистические лакуны	140
2.4.5. Этнографические лакуны	143
Выводы	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	151
БИБЛИОГРАФИЯ	155

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая работа посвящена многоаспектному изучению языкового осмысления (= категоризации и концептуализации) семьи как важнейшего лингвокультурного феномена.

Актуальность реферируемой диссертации обусловлена, прежде всего, особой значимостью теоретических установок когнитивной лингвистики с конца XX века, что создало возможность новых лингвокультурологических исследований, в центре внимания которых находятся вопросы этнокультурной специфики «оязыковления» мира и его фрагментов. В русле заявленной темы диссертационной работы существует еще ряд актуальных вопросов общетеоретического плана: проблемы человеческой обработки информации, поступающей к субъекту познания извне, и связанные с ними проблемы категоризации и концептуализации феноменов объективной и рефлексивной реальности. Кроме этого, ждут своего решения и узкоспециальные задачи, направленные на выявление специфики языковой вербализации онтологически тождественных понятий, явлений и ситуаций, в частности, категоризации семьи, семейных ценностей, родственных отношений, обычаев и традиций, связанных с созданием семьи, в разных лингвокультурах. Отсюда изучение языковых единиц, обозначающих эти понятия в разносистемных языках, является особенно актуальным. По мнению Е.В. Рахилиной, на современном этапе развития науки особую значимость приобретает необходимость восполнения серьезной лакуны семантики – «практически полное отсутствие работ по теме, которую можно было бы назвать «лексической типологией» и сравнить весь объем сведений, необходимых для употребления семантически близких слов в разных языках» [Рахилина, 2000: 27]. В этой связи выявление специфики формирования универсальных и идиоэтнических принципов представления фрагментов картины мира является актуальной проблемой для таких языков, как кабардино-черкесский (далее – кабардинский или КЯ), который входит в число языков, находящихся на грани исчезновения. Рассмат-

риваемые в диссертации категории традиционно находятся в сфере интересов многих наук, в том числе и смежных с лингвистикой.

Степень разработанности проблемы. Семья в философском, социокультурном, историческом и педагогическом осмыслении представлена в работах: М.В. Гурджиан (2015), Т.С. Гончарова (2013); А.М. Егорычев (2022); А.В. Верещагина (2012); С.В. Омелянчук (2010); Д. Я. Райгородский (2002), Е.А. Селезнева (2021); А.А. Сомкин (2018); С.А. Узакова (2007); А.Г. Харчев (2003); концептуальный анализ семьи / family, отдельных терминов родства и их отражение в языковой картине мира рассмотрены в работах: Р.А. Аюпова (2020); Е. О. Атрощенко (2014); И.А. Батанова (2017); Э.В. Гарипова (2020); Н. Л. Дружина (2020); М.В. Крюков (1973); Т.А. Павлова (2011); А. Рахмат (2005); М.А.Терпак (2006); Д. В. Шведова (2011); отношениям родства в этнолингвистическом плане посвящены работы: Н.И. Толстой, С. М. Толстая (2013); О.Н. Трубачев (2009). В адыгском языкознании среди известных работ по данной теме отметим: Б. Х. Бгажноков (2010); Х.М. Думанов (1971); Д.А. Калашаова (2016); М.Ю. Езаова (2017); З.Х. Коблева (2021).

Вместе с тем до конца нерешенными остаются лингвокогнитивные аспекты формирования категории родства в разных лингвокультурах, а также особенности функционирования терминов родства в условиях кабардино-русского билингвизма.

Отсюда цель исследования состоит в выявлении лингвокультурно специфичных и универсальных способов категоризации и концептуализации представлений о семье, родстве, родственных связях и отношениях. Особое место в работе уделяется анализу материала под углом зрения теории лакун. Проблема лакун – многоаспектна, свидетельством чего является повышенный интерес представителей многих наук, смежных с лингвистикой, к этому феномену, как-то: философии, культурологии, этнопсихологии, этнолингвистики и этнологии. При этом очевидно, что общая направленность работы требует особого внимания к собственно лингвистическим аспектам пробле-

мы, в частности асимметрии концептуальных и языковых картин мира, которые служат основным источником межъязыковой лакунизации.

Объектом исследования служит фрагмент языковой картины мира, содержащий языковые единицы тематического поля «семья», в аспекте формирования лакун.

Предметом исследования являются этноспецифические механизмы языковой категоризации семьи, родственных связей и отношений, ритуалов, связанных со становлением семьи, а также специфика расширения семантики основных терминов родства,

Материалом исследования послужили словарные статьи толковых и энциклопедических словарей кабардинского, русского и английского языков; различные интернет-ресурсы, результаты опроса информантов-носителей КЯ. Кроме этого, в некоторых случаях нами были использованы отрывки художественных произведений, фольклорных текстов. Всего анализу подвергнуто около 300 единиц во всех трех языках, отобранных методом сплошной выборки: 180 единиц русского, 70 – английского и 50 - КЯ.

Цель работы, определенная выше, потребовала решение ряда задач:

- 1) проанализировать базовые теоретические понятия когнитивной лингвистики, как-то: концептуализация и категоризация, языковая и концептуальная картина мира, их соотношение;
- 2) рассмотреть проблемы теории лакун в отечественной и зарубежной лингвистике;
- 3) провести семантический анализ русской лексики семья и ее коррелятов в исследуемых языках;
- 4) выявить специфику категоризации феноменов семьи, родственных отношений сквозь призму разносистемных языков и культур;
- 5) определить общие и идиоэтнические принципы формирования изучаемого фрагмента ЯКМ в каждой из лингвокультур, приводящих к возникновению межъязыковых лакун.

Методы исследования. Ведущим методом является лингвокогнитивный анализ языковых единиц; в частных случаях использованы методы компонентного анализа, интроспективный метод. При теоретическом осмыслении эмпирического материала в работе использованы два взаимодополняющих направления анализа, а именно от формы к содержанию и от содержания к форме. Первый подход – семасиологический – предполагает ответ на вопрос о том, для обозначения чего используются в языковой картине мира анализируемые лексемы семья, отец, мать и т.д. и их корреляты в кабардинском и английском языках, какие значения «приписываются» языковым единицам, подвергаемым анализу: какое концептуальное расширение (= семантическое, эпидигматическое) получают или не получают анализируемые лексемы. Другое направление анализа – ономасиологическое – позволило выявить, какие содержательные единицы из концептосферы того или иного народа попадают в языковую картину мира, т.е. получают языковое означивание или лексикализируются. Так, в русской лингвокультуре сын тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям осмысляется в терминах категории брат (ср. англ. brother). В кабардинском языке для передачи значения брат существуют две самостоятельные лексемы: брат по отношению к сестре осмысляется в терминах категории *дэльху*; брат по отношению к брату – *кьуэш*.

Теоретической основой исследования послужили работы в области *общей теории языка*: Н.Д. Арутюнова, 1987, 1999; Ю.Д. Апресян, 1999, 2006; Л.С. Бархударов, 1969, 1975; Э. Бенвенист, 1974; Н.Н. Болдырев, 2000, 2001, 2014; А. Вежбицка, 1996; В.Г. Гак, 1977, 1989; В.З. Демьянков, 2001, 2007; В.И. Карасик, 2013; Ю.Н. Караулов, 1976, 1981; В.В. Красных, 2013; М.А. Кронгауз, 2005; Е.С. Кубрякова, 1988, 1997, 2004, 2005; А.А. Леонтьев, 1983; Д.С. Лихачев, 1993; З.Д. Попова, И.А. Стернин, 2001, 2007; Е.В. Рахилина, 1998, 2000; Б.А. Серебренников, 1988; Ю.С. Степанов, 1965, 2007; О.Н. Трубачев, 2009; А.А. Уфимцева, 1986 и др.; *лакунологии*: Л.К. Байрамова, 2011; Г. В. Быкова, 1999; М. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин, 1982; В.Л. Му-

равьев, 1975, 1980; О.А. Огурцова, 1979; Vinay J.-P. and Darbelnet, 1958, 1995; и др.; *адыгского языкознания*: Б.Х. Бгажноков, 2005, 2010; З.Х. Бижева, 2000; М.Ю. Езаова, 2017; Г.В. Рогава, З.И. Керашева, 1966; Р.С. Кимов, 2010, 2010а; Х.Ш. Урусов, 1980; А.К. Шагиров, 1977.

Положения, выносимые на защиту:

– семья во всех трех лингвокультурах имеет статус универсальной когнитивной модели и в общем случае категоризируется как группа близких родственников, живущих вместе; результаты такой категоризации находят языковое выражение в коррелирующих лексических единицах – базовых номинантах концепта (семья, *family* и *унагъуэ*);

– в английском и русском языках соответствующие лексемы являются полисемантами: ср. лексема *family* – 10 значений; семья – 3 значения; в КЯ лексема *унагъуэ* ‘семья’ является моносемантом.

Концептуальное расширение английской и русской лексем и создание условий для их дальнейшего использования во вторичной (метафорической) номинативной функции (*семья бобров, грибов; family of wolves*) предопределяется первоначальной формой и значением слова (= этимомом), который в общем случае может быть определен как «группа»; в КЯ, в отличие от других языков, категоризация семьи изначально основывается на сложном понятии (здание + люди), что делает невозможным использование лексем *унагъуэ* в метафорической функции;

– во всех трех языках, вовлеченных в анализ, родственные отношения осмысляются в коррелирующих терминах, как-то: *родство* (по крови) /*свойствó* (родство в результате брачного союза), *kinship/affinity* и *Лыхьлы/благъэ*; русский термин *родство* и его коррелят *kinship* одновременно выступают в соответствующих языках в качестве обобщающих терминов (родство служит для обозначения как кровной связи, так и отношений, возникающих в результате брака); в КЯ языке обобщающего термина для обозначения этих видов родства, не существует; подобная переkreщи- вающаяся категоризация для КЯ принципиально не-возможна (в категорию

Лыхьлы входят только родственники по крови; под категорию *благъэ* подводятся любые другие отношения «родства»);

– религиозная принадлежность и социокультурный уклад общества – важнейшие факторы, которые создают условия или блокируют возможность расширительной категоризации основных терминов родства. В кабардинском языковом сознании *адэ* – это мужчина по отношению к своим детям (ср. *анэ* – женщина по отношению к своим детям): никакой иной концептуализации и категоризации в обыденной картине мира КЯ, кроме как «родитель мужского или женского пола», их денотаты не подвергаются. Отсюда невозможность в КЯ таких клишированных метафор, как *отец космонавтики*, *father of modern art* и т.д.

– в ходе анализа выявлено отсутствие словообразовательных средств выражения эмоциональности в КЯ вообще, в том числе в сфере родства и родственных отношений, что, на наш взгляд, связано с социальным укладом и культурными традициями лингвосоциума, которые определяют языковое сознание и коммуникативное поведение этноса;

– английский и русский языки располагают разветвленным (английский в меньшей степени) набором диминутивов для создания синонимов в системе терминов родства; обладая разным стилистическим статусом эти вторичные единицы номинации используются, как правило, в апеллятивной функции; диминутивные аффиксы, а также единицы, которые создаются в этих языках при их участии (ср. *nanулечка*, *daddy*) не имеют универсальных лексических соответствий в КЯ и образуют тем самым лакуны;

– сопоставительный межъязыковой анализ позволил установить, что векторная лакунизация в системе терминов родства наблюдается при категоризации свойства, т.е. родства, основанного на брачных отношениях; возникновение этнографических лакун в КЯ определяется, главным образом, спецификой обрядовой культуры и конфессиональной принадлежностью этноса.

Общая гипотеза работы заключается в том, что семья – важнейший индикатор социального, экономического и культурного процессов, которые

происходят в обществе, что с неизбежностью находит отражение в языковой картине мира любой лингвокультуры.

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в том, что:

– впервые системному анализу и сравнительному описанию подвергаются важнейшие принципы формирования ЯКМ на примере концептуализации и категоризации семьи, внутрисемейных и родственных отношений в английском, русском и кабардинском языках;

– впервые с использованием кабардинского языка исследуется лакунарность при заполнении ономаσιологического пространства «семья».

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней подвергнуты анализу и авторскому осмыслению многие важные проблемы теоретической лингвистики – категоризация и концептуализация, проблемы соотношения концептуальной и языковой картин мира, универсальных и лингвоспецифических оснований формирования концептосферы народа, его коммуникативное и речевое поведение.

В работе предложен и введен термин *лакунофор*, который обозначает языковую единицу, создающую пустое место, белое пятно, пространство на семантической карте мира другого языка (ср. например, русский *лакунофор* крестный/крестная и лакуну (= пустое место) в КЯ; англ. термин *лакунофор siblings* и «пустое» место, т.е. отсутствие универбального термина в русском языке; кабардинский лакунофор *щыкъу*, который служит в качестве родового имени (гиперонима) для обозначения всех родственников жены, и отсутствие его универбального коррелята в английском и русском языках.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты предложенного исследования могут быть использованы для дальнейших исследований в области лингвокультурологии, теории концептов и концептуального анализа, ономаσιологии, теории лакун, а также в качестве исследовательского материала в теоретических и практических курсах по теории языка и межкультурной коммуникации, лекционных курсах по лингвистической типологии, в особенности лексической типологии.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования прошли апробацию на всероссийских и международных конференциях, в докладах и сообщениях на кафедре английского языка, а также в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по соответствующему профилю.

Объем и структура работы. Основной текст диссертационного исследования в количестве 176 машинописных страниц состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Концептуализация и категоризация как ключевые понятия когнитивной лингвистики

Как известно, господствующим направлением в лингвистике XX века стал структурализм, который был вызван к жизни благодаря идеям Ф. де Соссюра. Он предложил разграничить лингвистику на внешнюю и внутреннюю и определил цели и задачи каждой: в основу внутренней лингвистики было положено представление о языке как о системе взаимосвязанных единиц различных уровней, в то время как предметом исследования внешней лингвистики были объявлены социальные, исторические, культурные, географические факторы, неразрывно связанные с развитием языка. Не отрицая важности исследования внешелингвистических или экстралингвистических факторов, Соссюр настойчиво провозгласил общеизвестный тезис о том, что «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» [Соссюр, 1977: 269], что на многие годы определило теоретическое осмысление языковых фактов в XX веке.

Примерно с 1980-х годов начала происходить смена научных парадигм в лингвистике: на смену структурализму, в рамках которой внимание исследователей было направлено на изучение языка как особой самодостаточной или, как принято говорить, имманентной структуры, пришел когнитивный подход к языку. Отдавая должное определенно положительному вкладу структурной лингвистики в развитие лингвистической науки, ученые осознали, что знание о системном устройстве языка, т.е. сферы сугубой внутренней лингвистики недостаточно для понимания подлинного устройства и функционирования естественного языка.

В связи с этим когнитивная лингвистика во главу угла поставила необходимость изучения языковых форм не просто как автономных сущностей, а с точки зрения того, «как они отражают определенное видение мира человеком и способы его концептуализации в языке, общие принципы категориза-

ции и механизмы обработки информации, с точки зрения того факта, как в этих формах передается весь познавательный опыт человека, а также влияние окружающей среды» [Болдырев, 2014: 13]. Это обстоятельство вызвало к жизни появление новой парадигмы научных исследований – антропоцентрической лингвистики – которая, будучи ориентированной на человека, «обращается от простого описания научных проблем и явлений к пониманию роли человека и его сознания в их решении» [Болдырев, 2014: 18].

Представляется уместным привести здесь справедливое мнение Н.В. Арутюновой о том, что «путь к осмыслению феномена человека лежит не столько через естественные науки, сколько через естественные языки» [Арутюнова, 1999: 6]. В связи с этим приведем рассуждения Ю.С. Степанова со ссылкой и комментариями метафоры Паскаля, которая звучит как «граница мира – нигде, а его центр – везде». Интерпретируя эту метафору, ученый указывает на то, что «представлять себе это лучше всего в виде именно шара, сферы, она не ограничена в пространстве нигде, но центр этой сферы – внутренний мир человека, там, где он, то есть везде» [Степанов, 2007: 15]. Известный типолог Бернд Хайне [Heine, 1997: 40] также отмечает, что «везде, где только возможно, мы исходим из устройства человека для описания и понимания всего того, что находится вне нас» – «whenever possible we use human categories to describe and understand non-human ones» [цит. по: Кимов, 2010 б: 23].

Таким образом, особый ракурс рассмотрения языка как уникального объекта исследования, в котором центральная роль в процессах познания и речевой деятельности отводится человеку как наблюдателю, как носителю определенного опыта и знаний, делает когнитивную лингвистику принципиально отличной от предшествующих подходов (более подробно о принципиальных отличиях когнитивного подхода к изучению языка от традиционного см: [Болдырев, 2011; Кубрякова, 2004; Попова, Стернин, 2007; Кронгауз, 2007; Evans, 2007]).

Как справедливо отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, «вся проблематика когнитивной лингвистики вращается вокруг ее основных категорий –

концепт, концептуализация, категоризация, концептосфера (или картина мира)» [Попова, Стернин, 2007: 8].

В когнитивной лингвистике, по мнению Н.Н. Болдырева, центральное место отводится когнитивной семантике как общей теории концептуализации и категоризации, определяемой тем, «как человек воспринимает и осмысливает окружающий мир и как его опыт познания реализуется в значениях языковых выражений» [Болдырев, 2011: 33]. В связи с этим кратко рассмотрим эти понятия в свете теоретических построений ведущих отечественных и зарубежных ученых.

Находясь в каждодневном контакте с окружающей средой, человек, будучи наделенный разумом, должен быть в обязательном порядке вовлечен в познавательную деятельность, которая заключается в восприятии, осмыслении, переработке информации, поступающей к нему извне, а также формировании и развитии умения ориентироваться в этом мире. Все эти процессы приводят, естественно, к образованию концептов, концептуальных структур. Это определяет особую классификационную деятельность, связанную с выделением, сравнением и сопоставлением, отождествлением или различением объектов и событий. Как указывает Н.Н. Болдырев, «без этой классификационной деятельности не обходится ни один человек» [Болдырев, 2002: 22], поскольку именно эта деятельность человека определяет центральное место в ней процессов концептуализации и категоризации.

Концептуализация – это понятийная классификация, отмечает Е.С. Кубрякова [Кубрякова, 1996: 93] со ссылкой на [Кликс, 1983: 97 и сл.]. Обобщая сказанное, можно определить концептуализацию как осмысление и обработку информации, поступающей к человеку извне, что приводит «к образованию определенных представлений о мире в виде концептов (т.е. фиксированных в сознании человека единиц знания), например, концепт дома, времени, пространства, вечности, движения и т.д.» [Болдырев, 2014: 37]. При этом основная часть концептов, т.е. самые важные единицы и структуры знаний, особо значимые для человека, объективируются и закрепляются в виде языковых значений за

определенными лексическими единицами, которые служат для них хранилищем и средством обмена между людьми.

Вместе с тем, как известно, концепты не могут храниться в памяти человека в индивидуальной форме: человеческая память не смогла бы вместить всю информацию о каждом отдельном объекте из мира действительного, что создавало бы определенные трудности при обработке новой, поступающей извне информации, а также для извлечения необходимой информации из нашей памяти в течение очень короткого времени. В связи с этим все полученные и обработанные нашим сознанием структуры знаний хранятся в виде объединений концептов, т.е. в обобщенной или категориальной форме. Например, лексическая единица *дом* служит для обозначения не конкретного дома, а дома вообще, безотносительно к его индивидуальным характеристикам, большому количеству индивидуальных ощущений, которых могут быть десятки.

З.Д. Попова, И.А. Стернин в работе «Когнитивная лингвистика» [2007] дают следующее определение концептуализации и концепта. «Сознание человека – подчеркивают они, выделив в объективной или субъективной (мысленной) действительности некоторую отдельную область, сферу, осмысляет ее, выделяя ее отличительные признаки и подводя ее под определенный класс явлений» [Попова, Стернин, 2007: 85]. Таким образом ученые полагают, что в результате концептуализации образуется концепт, под которым они понимают «мысленное отражение выделенных признаков данной области, выступающей денотатом концепта, то есть той реальной сферой, которая нашла в концепте мыслительное отражение» [Попова, Стернин, 2007: 85].

Один из основоположников российской версии когнитивного направления в языкознании Е.С. Кубрякова [Кубрякова, 2007: 9] считает, что расширение термина «концепт» в отечественной лингвистике связано с исследованием Р.И. Павлениса, который определяет концепт как «часть концептуальной системы – то, что индивид думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира». При этом концептуальная система в понимании Р.И. Павлениса – это «непрерывно конструируемая система информации

(мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире» [Павилёнис, 1983: 279–280].

В связи с этим Е.С. Кубрякова считает, что логико-философская концепция когнитивного анализа, предложенная этим ученым, стала ведущей в фундаментальной серии изданий о роли человека в языке [Кубрякова, 1988а: 143], в которой авторы впервые в отечественном языкознании определили правомерность использования термина «концепт» (вместо привычного – понятие) на том основании, что они «характеризуют разные аспекты человеческого сознания и мышления» [Кубрякова, 1988а: 143]. Так, под термин «концепт» ученые подводят «разносубстратные единицы оперативного сознания», как: представления, образы, понятия [Кубрякова 1988а: 143]. Все эти концепты, по мнению Е.С. Кубряковой, образуют единую «концептуальную систему» или же «концептуальную модель мира».

Убедительно, на наш взгляд, демонстрируется правомерность разграничения понятия и концепта в работах Н.Н. Болдырева [2000, 2001, 2014]. Так, известный ученый выдвигает идею о том, что «различия между понятием и концептом обусловлены самим различием обыденного и теоретического познания» [Болдырев, 2014: 40]. В результате теоретического познания мы как бы получаем некую совокупность основных существенных признаков объектов, предметов или явлений. Эти признаки помогают субъекту отличить один класс объектов от другого (ср. класс лошадей и коров; класс столов и стульев; класс кораблей и воздушных судов). Разницу теоретического и обыденного познания можно, на наш взгляд, продемонстрировать на примере того, как денотат лексемы *собака* проецируется в русский язык. С одной стороны, он обладает определенным универсальным (характерным практически для всех лингвокультур) набором понятийных признаков, как-то: *животное, домашнее, четвероногое, плотоядное, семейство псовых* (ср. англ. *animal domestic, quadruped, four-legged, carnivorous*) и набором концептуальных признаков – порой противоречивых и взаимоисключающих, – предопределяемых конкретной лингвокультурой. Ср., например, лексему *собака*

в значении «охранник, верный друг, преданный помощник» и признаки, которые создают основу использования этой же лексемы (с отрицательной коннотацией) во вторичной ономаσιологической функции — метафорической. Ср. категоризацию собаки в обыденном сознании русских согласно Викисловарю [Викисловарь – электронный ресурс]. Приведем два ЛСВ с примерами, взятыми из этого же словаря: 3. *перен., прост., бран.* то же, что негодяй, мерзавец, поганец и т. п. — Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьёт, собака, в первом кабаке. А. С. Пушкин, «Капитанская дочка», 1836 г.; 4. *перен., прост.* в предикативной функции как выражение одобрения, восхищения кем-либо; знаток, ловкий в каком-либо деле человек. *Он у нас плясать собака.*

Вот этот набор признаков (который идентифицируется в текстах ЛСВ 3 и 4) и есть то, что называют концептуальными признаками, которыми наделяется искомое животное в обыденном сознании. Любопытно, что в кабардинской культуре, благодаря влиянию ислама, собака считается запретным, т.е. грязным животным, ее разрешается держать в качестве охраны или охоты, но строго во дворе, а не в помещении.

Поскольку наша работа посвящена категоризации семьи в широком смысле, в данном случае можно также сравнить понятие «семья» и концепт СЕМЬЯ. При этом семья как понятийная категория определяется по словарю С.И. Ожегова как «группа живущих вместе близких родственников» [<https://gufo.me/dict/ozhegov/семья>]. В то же время практически наша работа посвящена этноспецифике концептуализации и категоризации семьи в разных лингвокультурах, в каждой из которых денотат этой лексемы осмысляется в терминах большого количества идиоэтнических концептуальных признаков: категоризация семьи, принятая в одной лингвокультуре (обществе) неприемлемо для другой. Так, КЯ даже не имеет коррелятов следующих терминов: *ср. полная, неполная семья; однополая семья, однополый брак, гражданский брак* и т.д.

Нетрудно заметить на основании приведенных примеров, что логические признаки в общем смысле универсальны, они обеспечивают взаимопонимание и общение людей на естественном языке, в то время как концептуальные признаки национально отмечены и варьируются при переходе от языка к языку. В этой связи В.З. Демьянков указывает, что понятия необходимы людям, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем. Эта мысль является, на наш взгляд методологически плодотворной: если бы каждый народ вкладывал в понятие семьи свое понимание, то общение было бы невозможно. Что же касается концептов, то «их люди реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности, – отсюда диффузность, гипотетичность, размытость таких реконструкций» [Демьянков, 2007: 27].

Схожие идеи содержатся в теоретических воззрениях Ю.С. Степанова, который предлагает следующее разграничение рассматриваемых явлений: он отмечает, что понятие – это «мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности посредством фиксации их свойств и отношений; последние (свойства и отношения) выступают в понятии как общие и специфические признаки, соотнесенные с классом предметов и явлений... Понятие (концепт) – явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей; значение – в системе языка, понятие – в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике» [Степанов, 1990: 383–384].

Сузив данное определение, получим: значение – категория языковая, понятие – логическая (ср. с определением в [Болдырев, 2014: 86–87]). Продолжая рассуждение о концептах, Ю.С. Степанов подчеркивает, что «концепты не только мыслятся, они переживаются», т.е. испытываются и ощущаются, поскольку они – «предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Степанов, 2007: 33 и далее]. Иллюстрируя данное положение, он проводит тонкую грань между понятием *закон* и концептом *закон*, которые имеют разные характеристики и разные составляющие признаки: ср. «постановление», «юридический акт», «текст закона», «разделение властей» – логические состав-

ляющие понятия «закон» и «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово *закон* [Степанов, 2007: 40].

Отсюда, по его мнению, концепт выполняет двоякую роль: с одной стороны, он представляет собой набор культурных признаков в сознании человека и в таком виде входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт является, по его определению, «основной ячейкой культуры в ментальном мире человека». В этой связи он представляет собой особую сущность, посредством которой рядовой человек – «сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее». При этом структуру концепта составляет «все то, делает его фактом культуры – его исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки, коннотации» [Степанов, 1997: 40–41].

В теоретических построениях И.М. Кобозевой концепт определяется «как понятие наивное, обыденное, повседневное» [Кобозева, 2000: 48]. Различные средства репрезентации (вербализации) концептов в языке являются, как известно, одним из ключевых объектов лингвистики. Как отмечает Н.Н. Болдырев, «языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта [Болдырев, 2001: 26], поэтому в языке концепт может быть представлен отдельными словами, словосочетаниями, фразеологическими единицами, предложениями и даже целыми текстами. Концепты в начале своего появления, будучи неанализируемыми сущностями, затем, оказавшись частью <концептуальной> системы, подпадают под влияние других концептов и сами видоизменяются [Кубрякова, 1996].

При этом как само содержание (объем) концептов, так и их число постоянно меняется, поскольку, как справедливо замечает американский психолог и когнитивист Л.В. Барсалоу, окружающий человека мир постоянно меняется, поэтому человеческое знание должно иметь такую форму, которая быстро приспосабливается к изменениям в мире [Barsalou, 1992: 67]. «Жизненный опыт человека постоянно обогащает содержание концептов, которые составляют его концептосферу, причем обогащается как образный компо-

нент концепта, так и рациональная составляющая – информационный минимум и интерпретационные признаки» [Попова, Стернин, 2007а: 88].

В процессе исторического развития концептосфера человека может переживать и обратный процесс – как бы обеднение концептосферы, поскольку многие концепты претерпевают изменения, редуцируются, иногда и вовсе исчезают. В связи с этим В.И. Карасик вводит понятие *угасание* значимости концепта [Карасик, 2004]. Так, например, в русской концептосфере, на наш взгляд, исчезают (угасают) концепты *шурин, свояк, кумовья* и т.д.

Здесь необходимо, как мы полагаем, представить наше понимание термина концептосфера. Он введен в научный обиход академиком Д.С. Лихачевым, который пишет: «В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, мы можем назвать концептосферами. Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации <> отдельных вариантов концептосферы национального языка очень много, они по-разному группируются, по-разному себя проявляют <> понятие концептосфера особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но и неким центратом культуры – культуры нации и ее воплощений в разных слоях населения вплоть до отдельной личности» [Лихачев, 1993: 5; 9]¹.

Термин концептосфера и концептуальная система употребляются Е.С. Кубряковой синонимично: под концептуальной системой или структурой автор понимает «тот ментальный уровень или ментальную (психическую) организацию» [Кубрякова, 1996: 94], где сконцентрированы все концепты, которыми оперирует человек.

Известный ученый Р.И. Павилёнис трактует концепт как «часть концептуальной системы – то, что индивид думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира» [Павиленис 1983:279]. В свою очередь сама концептуальная система в концепции Р.И. Павилениса есть непрерывно конст-

¹ Подробный комментарий сущности терминов *биосфера* и *ноосфера*, по аналогии с которыми Д.С. Лихачев ввел термин *концептосфера* в лингвистический обиход, см. [Прохоров, 2005].

рулируемая система «информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире» [Павилёнис, 1983: 280].

Здесь важно отметить, что концепты, которые представляют собой так называемые ментальные сущности, являются чувственно невоспринимаемыми. Тем не менее наука располагает неопровержимыми данными, которые «убедительно подтверждают реальность существования концептосферы и концептов, а именно, реальность мышления, не опирающегося на слова (невербального мышления)» [Попова, Стернин, 2001: 18]; см. об этом также [Болдырев, 2000; 2001; 2014; Кубрякова, 1996; 1997; 2004; 2007; Серебренников, 1988].

Известный советский лингвист и психолог Н.И. Жинкин в связи с этим ввел в научный обиход понятие универсального предметного кода (УПК), который определяется им как «стык речи и интеллекта», своего рода код «чистого мышления» [цит. по: Глухов, 2005]. При этом УПК имеет принципиально невербальную природу и представляет собой систему знаков, имеющих характер чувственного отражения действительности в сознании. Интерпретируя теоретические концепции известного ученого, психолингвист В.П. Глухов отмечает, что универсальный предметный код сложился в опыте поколений, его правила являются общими и одинаковыми для всех людей, что и обеспечивает «переводимость» речевой деятельности с одного языка на другой [Глухов, 2005: 230]. Отсюда получается, что мышление человека невербально, поскольку оно осуществляется при помощи универсального предметного кода. При этом основу данного кода составляют концепты, как считают З.Д. Попова, И.А. Стернин [Попова, Стернин 2001: 14], со ссылкой на работы отечественных ученых: [Выготский, 1982; Жинкин, 1958, 1982; Горелов, 2003]. Разнообразие интерпретаций концепта в разных школах, по справедливому замечанию З.Д. Поповой и И.А. Стернина, требует, естественно, такого же разнообразия приемов и методик их обнаружения [Попова, Стернин, 2007].

Покажем некоторые наиболее распространенные подходы к их выявлению. В соответствии с одной из методик задается ключевое слово, обозначающее концепт, затем из разных источников (разнообразных текстов, в том

числе национального корпуса) выявляются единицы, с которыми сочетается заданное ключевое слово. Анализ этих единиц помогает выявить наиболее важные, существенные черты концепта: ср. лексические единицы – названия концептов *стыд, совесть* [Арутюнова, 1997].

Сквозь призму глагольных предикатов иногда осуществляется попытка описания концептосферы в [Рахилина, 1998]; ср. также исследование этого же автора на материале базы данных по русской предметной лексике «Лексикограф» [Рахилина, 2000: 243–262]. Характеристики концепта могут выявляться на основе анализа словарных дефиниций ключевого слова с использованием данных большого количества словарей [Гончарова, 1999; цит. по: Попова, Стернин, 2001].

В соответствии с другим подходом для выявления концептуального расширения лексем анализируется поочередность появления значений, т.е. развитие ее семантической структуры. Для выявления национальной специфики концепта плодотворным представляется контрастивный анализ лексем, которые являются эквивалентами по своему прямому (основному значению), что продемонстрировано на материале русского, английского и венгерского языков в [Бибок, 1996].

По мнению З.А. Харитончик, концепт представляет собой набор признаков, необходимых и достаточных для его включения в некоторый логический класс, например, класс деревьев или класс птиц [Харитончик. Цит.по: Попова, Стернин 2001: 14]. Здесь, как видно, ставится знак равенства между понятием и концептом. Для выявления особенностей культурных концептов, в частности русского концепта «трудовая деятельность», Г.В. Токарев привлекает разнообразный спектр языковых средств, как: семантическая структура слова; парадигматика, синтагматика, этимология слова; деривационные сети слова; частеречные реализации ключевых слов концепта, их частотность и др. [Токарев, 2000]. Некоторые приемы и методы выявления концептов приведенных авторов будут использоваться нами при анализе практического материала.

После того, как мы рассмотрели литературу вопроса и теоретические построения ученых относительно интерпретации соотношений терминов *понятие* и *концепт*, оправданно, на наш взгляд, рассмотреть, что думают лингвисты о соотношении терминов *концепт* и *значение*.

В настоящее время наблюдается смешение этих понятий: иногда значения языковых выражений, по мнению Е.С. Кубряковой, приравниваются к выражаемым в них концептам или концептуальным структурам, как это делает, например, R. Jackendoff [Jackendoff. Цит. по: Кубрякова, 1996:92]. Анализируя его точку зрения, Е.С. Кубрякова отмечает, что «такой взгляд считается отличительной чертой когнитивного подхода в целом» [Кубрякова, 1996: 92]. По меткому определению Е.С. Кубряковой «значением слова становится концепт, «схваченный знаком»» [Кубрякова, 1991. Цит. по Кубрякова, 1996: 92].

В нашей работе мы следуем за теоретическими воззрениями ученых, в которых четко проводится разграничение терминов *концепт* и *значение*. Так, по мнению Н.Н. Болдырева, «языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта» [Болдырев, 2001: 26 и далее], то есть значением слова, по его справедливому мнению, становится лишь некоторая часть содержания концепта. Концепт является единицей концептуальной системы, в то время как значение является единицей семантической системы языка: концепт – единица концептосферы.

Значение своими системными семами, – пишут З.Д. Попова и И.А. Стернин, – передает определенные признаки концепта, которые составляют лишь часть смыслового содержания концепта» [Попова, Стернин, 2007а: 65]. Поэтому для экспликации концепта нужно большое количество лексических единиц, представленных соответственно многими значениями (ср. с концепцией Н.Н. Болдырева).

После того, как мы кратко рассмотрели понятия *концепт*, *концептуализация*, оправданно перейти к рассмотрению понятий *категория* и *категоризация*.

Категоризация наряду с концептуализацией относится к центральным, основополагающим понятиям когнитивной лингвистики и когнитивной семантики, поскольку она является одним из аспектов проблемы соотношения языка и мышления. Категоризация представляет собой «подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории» [Кубрякова, 1996: 42].

С процессом категоризации тесно связан процесс концептуализации, поскольку оба являются разновидностью классификационной деятельности человеческого разума. Вместе с тем, они различаются по цели деятельности: в результате концептуализации выделяются минимальные содержательные единицы человеческого опыта, т.е. структур знания, в процессе же категоризации сознание человека «сводит бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм ее движения в определенные рубрики, т.е. классифицирует их и подводит под такие объединения – классы, разряды, группировки, множества, категории» [Кубрякова, 1996: 45–46].

Категоризации мы обязаны нормальным функционированием нашего мышления, мы имеем категории для всего, о чем можно подумать: мы имеем категории для биологических видов, физических предметов, артефактов, цветов, родственников, коллег, чувств, эмоций и даже категории предложений, слов и их значений (см. об этом [Болдырев, 2014; Lakoff, 1990: 5–6; 9]).

Говоря о теоретической значимости категорий, необходимо кратко упомянуть, что в настоящее время в лингвистике существует три подхода к формированию категорий. Первый подход называется классическим, поскольку он связан с именами Аристотеля и Платона. Второй – с именем Л. Витгенштейна и считается прямо противоположной классическому подходу. Третий подход представляет собой, по мнению Н.Н. Болдырева, «компромисс между двумя этими крайними точками зрения» [Болдырев, 2014: 116]. Он основывается на теории прототипов, который разработан в когнитивной психологии, в рамках которой категоризация стала «главной областью исследований» [Лакофф, 2004: 21]. Данная теория, по всеобщему при-

знанию, вызвана к жизни в первую очередь благодаря пионерским работам Элеоноры Рош [Rosch, 1973; 1978], посвященным проблемам категоризации.

При первом подходе считается, что все члены категорий, например, обязательно должны обладать определенным набором существенных признаков, поскольку границы категории строго определены. Так, рассматривая категорию «человек», Аристотель выделял два обязательных признака данной категории «двуногое» и «животное». Согласно его подходу, если какое-либо существо не разделяет этих признаков, его нельзя отнести к категории «человек». Однако, как справедливо отмечает В.Б. Гольдберг, аристотелевский, т.е. классический подход к формированию категорий, касается так называемых закрытых категорий. Например, категория «пальцы» в русском языке состоит из пяти терминов – большой, указательный и т.д. [Гольдберг, 2003].

Второй подход к формированию категорий лингвисты и представители смежных наук связывают с именем известного австрийского философа Л. Витгенштейна, который в своем труде «Логико-философский трактат» опровергает принципы классического подхода (см. об этом [Болдырев, 2000, 2014; Кубрякова, 2006]). Так, на примере категории «игра» ученый демонстрирует, что границы этой категории достаточно размыты и в противовес классическим категориям не имеют четких границ, поскольку не представляется возможным установить тот набор признаков, по которым можно было бы противопоставить игры не-играм. Существует множество видов игр: карточные игры, настольные игры, Олимпийские игры, которые имеют разное предназначение и разные сущностные характеристики: некоторые из них носят чисто соревновательный характер, другие игры основаны на выигрыше или проигрыше, игра актеров и т.д. В адыгской лингвокультуре, например, концепт «игра» включает такие концепты, как «пляски», «игрища», «танцы» [Ахаминова, 2010: 23]. Как видно, границы этой категории подвижны, что существенно размывает саму категорию, которая не имеет фиксированных границ (ср. категорию «пальцы»). Такая категория, как игра, не соответствует классическому определению, поскольку не существует общих признаков, разделяемых всеми играми [Лакофф, 2004:

32]. Это была, по словам Дж. Лакоффа, обнаруженная Л. Витгенштейном «первая серьезная трещина в классической теории» [там же: 32]. Взгляды ученого получили дальнейшее развитие, в результате чего было обосновано существование категорий открытого типа, которые представляют собой нежесткую – вероятностную – модель классификации.

И, наконец, рассмотрим прототипический подход к формированию категорий, истоки которого уходят в американскую антропологистику. По свидетельству Дж. Лакоффа, большое влияние на развитие теории прототипов оказала когнитивная антропология, начиная с исследования Флойда Лансбери [Lounsbury, 1964] (цит. по: [Лакофф, 2004]), посвященного анализу систем родства у американских индейцев, языки которых демонстрируют вариативность категорий «отцов», «матерей», «сыновей», «дочерей», что помогло выявить центральные члены категории и менее центральные члены.

Значительным вкладом когнитивной антропологии в теорию прототипов также стало, по мнению Дж. Лакоффа, исследование цвета Б. Берлина и П. Кея, которое не только подвергло сомнению устоявшийся взгляд, согласно которому разные языки могут делить цветовой спектр произвольными способами, но и выявили принципы категоризации цветового пространства. Первая закономерность, которую они обнаружили, было наличие *базисных наименований цвета*. Например, вокруг базисного красного цвета группируются разнообразные оттенки красного (малиновый, алый, розовый и т.д.). Вот этот базисный красный цвет назван ими фокусным. Фокусы служат ориентиром, образцом соответствующей категории цвета [Лакофф, 2004].

Подводя итог сказанному, приведем емкую мысль о том, что теория концептуализации и категоризации – это «теория того, как человек воспринимает и осмысливает окружающий мир, и как его опыт познания реализуется в значениях языковых выражений» [Болдырев, 2000: 18].

1.2. Языковая картина мира как специфический способ представления мира

На протяжении последних двух столетий взаимосвязь и взаимозависимость языка народа и его национального сознания, как отмечается в литературе, так или иначе становились предметом размышления многих лингвистов (работы Ф.Ф. Фортунатова, Г. Шухардта, А.А. Шахматова, К. Фосслера, А. Мартине, У. Вайнрайха, Ш. Балли, В. Матезиуса, В.И. Абаева, Б.А. Серебренникова и мн. др.) [Попова, Стернин, 2015:3]. Вместе с тем, по мнению большинства ученых, «традиция изучения связей языка с мышлением, культурой и вообще духовной жизнью восходит к работам немецкого философа и лингвиста В. фон Гумбольдта» [Кронгауз, 2005: 85].

Для нашего исследования особенно актуальным является положение В. фон Гумбольдта о том, что различия в представлении мира в разных языках заключаются, в частности, в том, что одни и те же понятия выражаются в одном языке при помощи отдельных лексем, а другой язык опирается на описательные средства [Там же]. Идеи выдающегося немецкого ученого нашли развитие в особом направлении в лингвистике и философии языка, распространенном в основном в Германии и получившем название **неогумбольдтианство**.

Наиболее ярким представителем последнего является немецкий лингвист Л. Вайсгербер, идеи которого берут начало в учении Э. Кассирера о символах и символьном познании. Исследователи традиционно апеллируют к важным тезисам Л. Вайсгербера о том, что способ мышления народа, говорящего на том или ином языке, детерминируется этим языком. Данный тезис с неизбежностью приводит к другой, не менее важной, мысли о том, что «способ мышления каждого народа уникален» [Баранов, Добровольский, 1990; Вайсгербер, 1993; Радченко, 1997].

Таким образом, обобщая сказанное, отметим, что основополагающая идея неогумбольдтианцев основывается на примате языка, который «определяет мышление и познание, а тем самым и картину мира, и культуру, и цивилизацию. В результате этого носители разных языков создают разные карти-

ны мира, культуры и цивилизации» [Кронгауз, 2005: 86]. Здесь уместно отметить важные мысли известного отечественного лингвиста Г.В. Колшанского, который справедливо, на наш взгляд, отмечал, что «ни на одном этапе своего становления или развития язык не выступает в качестве самостоятельной креативной силы» [Колшанский, 1990: 32]. Это предопределяется тем, как полагает ученый, что функция естественного языка состоит в фиксации концептуального мира человека, в то время как первоначальным источником выступает реальный мир, окружающий человека.

Параллельно европейской традиции в Америке сформировалось сходное лингвистическое направление, утверждающее ограниченность человеческого познания рамками того конкретного языка, на котором говорит и думает человек, т.е. язык, мышление и культура народа, его мировидение детерминированы его родным языком [Кронгауз, 2005]. Это направление получило название **этнолингвистика** как определенный подход к языку сквозь призму его духовной культуры.

Историки языкознания, по мнению Н.И. Толстого [Толстой, 2013: 20], обнаруживают некоторые идеи еще у И.Г. Гердера (XVIII в.) и В. Гумбольдта (начало XIX в.), но этнолингвистика возникла в первой трети XX в. и была связана с именами этнографа Ф. Боаса, лингвиста и этнографа Э. Сэпира, изучавших языки, лишённые письменной традиции, языки и культуру американских индейцев [Толстой, 2013: 20]. Спустя десятилетия идеи ученых развил их соотечественник Б. Уорф, который вместе с Э. Сэпиром «придали этнолингвистике тот характер, который она в общем языкознании сохраняет по сей день» [Толстой, 2013: 20].

Теоретические установки Э. Сэпира и Б. Уорфа породили гипотезу о том, что человек находится под сильным влиянием родного языка и вылились в большую философскую теорию, которая до настоящего времени имеет столько же оппонентов, сколько и пропонентов. Мы, будучи оппонентами этой теории, считаем, что появление большого количества исследований национальных языков свидетельствует о том, что «воздействие языка на чело-

века имеет вторичный и частный характер», в то время как «воздействие национального сознания, национальной картины мира на язык народа» имеет первичный характер [Стернин, 2007: 3].

При этом, однако, по справедливому мнению И.А. Стернина, осознание того, что «связь между историей и культурой народа и его языком устанавливается в мышлении народа, пришло только после появления когнитивной лингвистики в последние десятилетия XX века», поскольку, как он отмечает, именно в теоретических построениях когнитивной лингвистики впервые были использованы такие термины и понятия, как *концептуализация*, *категоризация* и другие, с помощью которых «стало возможным говорить о процессе усвоения и обработки информации с помощью языковых знаков» [Стернин, 2007: 3].

Вместе с тем стоит отметить, что еще до появления когнитивных исследований известный отечественный лингвист Л.С. Бархударов в других терминах определил когнитивную функцию языка. Так в небольшой статье «Двенадцать названий и двенадцать вещей» он подчеркнул, что «язык есть не только средство общения между людьми – он также дает человеку возможность определенным образом организовать свой опыт, определенным образом классифицировать и упорядочивать его, причем каждый язык делает это по-своему, на основе присущих только ему специфических единиц, форм и категорий» [Бархударов, 1969: 82]. Интересно, что эти мысли Л.С. Бархударова встречаются на просторах Интернет в лингвистических работах 21 века, но поисковые системы приписывают авторство другим источникам.

Интерес к проблемам ЯКМ вполне оправдан, считает В.В. Красных, поскольку сегодня достаточно очевидным является тот факт, что, изучая ЯКМ, мы можем понять и объяснить «многое в нашем мировидении», так как за языковыми знаками стоят наши знания о мире, которые закрепляются в знаках языка [Красных, 2013: 122]. По свидетельству А.А. Уфимцевой, обсуждение проблематики ЯКМ в отечественной лингвистике было начато философами [Брутян, 1973; 1976; 1979; Павилёнис, 1983], затем под углом зрения лингвистики проблема ЯКМ подверглась серьезному обсуждению в работах известного отечественного лингвиста Ю.Н. Караулова в связи с тезаурусным

подходом к изучению лексики и обоснования принципов составления идеографических словарей [Караулов, 1976; 1976 а; 1981]. При этом ученые в своем большинстве указывают на методологически важную мысль о том, что ЯКМ имеет ряд существенных отличий от концептуальной (когнитивной) картины мира (*образ мира* [Леонтьев, 1983]), что неоднократно подчеркивалось как отечественными философами, так и лингвистами [Караулов, 1976; Колшанский, 1965; Рамишвили, 1981; Леонтьев, 1983 и др.].

Сравним также разыскания и теоретические построения отечественных составителей классического труда – коллективной монографии «Язык и картина мира», входящие в серию «Роль человеческого фактора в языке» [Кубрякова, 1988; Постовалова, 1988; Уфимцева, 1988; Серебренников, 1988; Телля, 1988]. В предисловии к этому изданию ответственный редактор академик Б.А. Серебренников подчеркивает, что авторы книги **резко отмежевываются** (выделено нами – М.М.) от ученых, отождествляющих язык и мышление, поскольку, будучи тесно связанными между собой, они представляют собой две самостоятельные области.

В связи с этим принято различать две модели мира: собственно языковую модель мира (ЯММ) и концептуальную (КММ). Говоря иными терминами – концептуальную и языковую модель мира. Первая, как отмечает известный лингвист, богаче языковой картины мира, поскольку в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные [Серебренников, 1988]. Далее следует, на наш взгляд, основополагающий тезис, предопределяющий роль ЯКМ и ее главное отличие от КММ. Так, последняя выполняет две основные функции: «означивание основных элементов концептуальной картины мира» и «экспликация средствами языка концептуальной картины мира» [Там же, 1988].

Довольно емким и прозрачным нам кажется понятие ЯКМ, которое определяется в энциклопедии «Кругосвет» следующим образом: «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный

способ концептуализации действительности» (А. Зализняк); см. об этом также [Арутюнова, 1987].

На принципиальное отличие ЯКМ и ККМ обращает особое внимание В.В. Красных, которая считает, что тем важнее изучать ЯКМ, поскольку для филолога именно язык – «вход» и «выход» на поле «ментального» [Красных, 2012: 123]. Подчеркивая эту разницу между двумя моделями мира – ЯММ и КММ, Н.Д. Арутюнова вслед за авторами указанной коллективной монографии [Серебренников, 1988 а: 6] особо подчеркивает, что человек воспринимает больше, чем может выразить язык, поскольку за «его пределами остается несказанное, невыразимое, ненареченное, неизреченное» [Арутюнова, 2000: 433]. Отсюда, как справедливо указывает известный ученый, «понятийная парадигма – концептуальная картина мира – несоизмеримо объемнее, чем ресурс материалов, способный ее выразить» [Арутюнова, 2000: 433].

1.3. Основные проблемы лакунологии в теоретическом освещении

1.3.1. Происхождение термина лакуна. Использование термина в разных науках

В англоязычной литературе сосуществуют два конкурирующих синонимичных термина – *lacuna* и *gap*, за которыми стоят близкие понятия. Поскольку термин *лакуна* является одним из ключевых для нашего исследования, представляется необходимым рассмотреть историю возникновения и функционирования этих терминов в английском языке и их появление в русском. Начнем с краткого франкоязычного термина, поскольку он более распространен в отечественной литературе и фигурирует в ней как *лакуна*.

Согласно этимологическому словарю английского языка [<https://www.etymonline.com/word/lacuna>], термин *lacune* – *лакуна* впервые появился в латинском языке в значении *яма, углубление* (ср. *hole, pit*); с 1600-х гг. он стал использоваться для обозначения интервала, пробела в манускрипте, а затем в фигуральном смысле стал обозначать такие понятия, как *пустота, ва-*

куум, недостаток, нехватка (ср. *void, want, gap*). В английском языке это слово стало использоваться с XVII века, причем в значении, аналогичном прямому значению латинского *lacuna* (ср. *яма, углубление*), в качестве термина в трех науках – анатомии, зоологии и ботанике. Адъективные формы (*lacunary, lacunose, lacunal, lacunar*) появились гораздо позже и в естественно-научных дисциплинах распределились следующим образом: (математика – *lacunary* (ср. лакунарная сумма, лакунарное множество, лакунарный коэффициент, лакунарная функция и т.д.); биология – *lacunose* (ср. *having lacunae, having cavities or gaps*)).

По некоторым данным, термин *lacuna* впервые начал использоваться для характеристики архитектоники текста, т.е. его внешней композиции намного позже, в 1884 году. В связи с этим в качестве примера можно привести переписку двух видных государственных деятелей Великобритании сэра Роберта Морая (англ. Robert Moray) с графом Лодердейлом (Earl of Lauderdale), в которой первый, характеризуя внешнюю композицию писем графа, сообщает ему (орфография приводится по оригиналу): *You do well to leave Lacunas in your letters* (замечательно, что Вы оставляете пустые места (пробелы) в Ваших письмах – перевод наш М.М.).

Подробный анализ происхождения терминов *лакуна, лакуникон* и их кросскультурное семантическое развитие изложено в [Anokhina, 2013]. Согласно этимологическому словарю [<https://www.etymonline.com/word/gap>], лексема *gap* восходит к протогерманскому языку и уже в начале XIV века используется в значении *пролом, проход в изгороди, заборе, стене*. В конце XIV столетия она уже употребляется в английском языке в значении *горный проход, ущелье* и лишь в самом конце XVI века, расширив сферу номинации, приобрел более абстрактное значение *интервал, промежуток, расстояние, незаполненное пространство, пустота*.

Нетрудно видеть, что оба термина в английском языке не имеют строгой денотативной привязки, т.е. не служат для обозначения одного денотата (как класса объектов окружающей действительности, который можно под-

вести под одно имя: ср. денотаты слова *дерево*; *гора*; *голова* и т.д.). Все лексемы, которые используются для идентификации значений терминов *lacuna* и *gap*, как то: *яма*, *углубление*, *пустота*, *проход*, *ущелье*, *пролом*, *брешь* и их англоязычные эквиваленты используются как синонимичные. Денотаты этих лексем в лингвистике именуется как «отрицательные» объекты, т.е. объекты, «не имеющие субстанции» (работы [Herskovits, 1986]; [Hoffman, Richards, 1984]; [Landau, Jackendoff, 1993: 222], обстоятельный анализ которых представлен в [Филиппенко, 2000: 22]. Они концептуализируются как недостающие, вынутые части объектов.

Отсутствие строгой денотативной привязки перечисленных существительных, которые обозначают отрицательные объекты, создает, на наш взгляд, достаточные условия для использования существительных из перечисленного ряда в целях метафорической номинации. Поясним, что мы имеем в виду и возьмем, например, из этого ряда в качестве иллюстративного материала лексему *пустота*. В Словаре русского языка А.П. Евгеньевой (МАС) она представлена 4 значениями (ЛСВ). Нас интересует значение 2, которое определяется как «*пустое, ничем не заполненное пространство*» [<https://azbyka.ru/>]. Воспользовавшись методом подстановок, раскрываем семантическую структуру слова *пространство*, одно из значений которого определяется в этом же словаре (МАС) как *место, способное вместить что-л.* Нетрудно видеть, что под эту дефиницию с определенной долей уверенности можно подвести любые полые, незаполненные части многих объектов, которые изучаются в разных областях знания. Иными словами, «отрицательные» части можно обнаружить у бесчисленного количества объектов, как конкретных, так и абстрактных.

Именно это обстоятельство послужило широкому метафорическому использованию этого термина и его функционированию в столь разнообразных и отдаленных друг от друга науках – математике, химии, биологии, физиологии, ботанике, юриспруденции, теории музыки, филологии и, наконец, в лингвистике. Из наших рассуждений следует, что термин *лакуна* (как и,

впрочем, термин *gap*) представляет собой особый теоретический конструкт, в связи с чем мы полагаем, что будет полезным рассмотреть интерпретацию термина *конструкт* в философском словаре. Так, в Новейшем философском словаре конструкт определяется как *понятие, вводимое гипотетически (теоретическое) или создаваемое по поводу наблюдаемых событий или объектов (эмпирическое) <> и правильно выраженное в определенном языке, не предполагающее обязательного установления его онтологического статуса, т.е. не требующее указания на конкретный денотат* (выделено нами – М.М.) [https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/613/КОНСТРУКТ].

Прежде чем приступить к анализу собственно лингвистического понимания лакун, необходимо, на наш взгляд, рассмотреть еще один англоязычный термин, *gap*. Этот термин нас заинтересовал по следующим причинам. В тексте толкования значения английской лексемы *lacune* часто встречается лексема *gap* как синонимичная. Эти лексемы в понятийном отношении очень близки. Более того, *gap* в английском языке употребляется в виде термина практически в тех же областях знания, что и *lacuna*, и даже в том же значении.

В соответствии с тенденцией засилья англоязычных терминов, наблюдаемой нами в русскоязычной научной литературе, мы ожидали, что когда возникнет необходимость заимствовать один из них в качестве лингвистического термина, то русский язык должен отдать предпочтение английскому термину *gap*, а не галлицизму, под которым мы понимаем, слово или выражение, заимствованное из французского языка. Однако в русском языке в области лингвистики термин *гэн* (об этом термине см. ниже) в том же значении, что и *лакуна*, не используется. Видимо, причина кроется в том, что термин *лакуна* появился в русском языке достаточно давно¹ и стал использоваться в филологии как науке, а оттуда «перешел» в собственно лингвистику.

¹ В Словаре галлицизмов русского языка (<https://gufo.me/dict/gallicisms>) лакуна представлена в двух значениях: *перерыв* с пометой (устар.). Примечательно при этом, что в качестве иллюстративного примера приводится выдержка из письма П.А. Вяземского А.И. Тургеневу, русскому поэту и переводчику, датированного 1825 годом: *Нет ли lacunes между первым отправлением и нынешним? Этот*

Первоначально мы были склонны полагать, что именно непривычный фонетический облик лексемы *гэп* стал причиной его игнорирования в русском языке. Вместе с тем данный термин имеет широкое хождение в финансовой сфере. Ср. *гэп* – разрыв в котировках. Возникает в случае изменения рыночной ситуации за то время, пока торги не проводились. Обычно случается между ценой утреннего открытия и предыдущего вечернего закрытия рынка [<https://crypto.slovaronline.com/>].

Нетрудно видеть, что *гэп* выступает здесь в значении, синонимичном термину *лакуна*. Более того, термин *гэп* в русском языке настолько «освоился» в данной области знания, что практически вписался в грамматическую парадигму русского существительного. Ср. словарную статью *гэп* в финансовой энциклопедии: *определение гэпа, виды и причины возникновения гэпов, проведение анализа и торговля на рынке Форекс с использованием гэпов, графики гэпов* [<https://investments.academic.ru>]. Любопытно, однако, что в структурном синтаксисе используется узкоспециализированный термин *гэппинг*, который представляет собой разновидность эллипсиса (ср. примеры гэппинга *Петя любит Машу, а Маша – Петю*) [цит. по: Богданов, 2012].

Поскольку данная глава как в теоретической, так и в практической части основывается на лингвистической теории лакун или *лакунологии*, представляется необходимым рассмотреть определение термина *лакуна* в справочной литературе – словарях и энциклопедических изданиях.

В известном труде *A dictionary of linguistics and phonetics* [Crystal, 2008]¹ термин *lacuna* (*лакуна*) упоминается единственный раз, при этом для обозначения нарушения симметрии в фонетической системе (например, отсутствие одного из членов оппозиции огубленный/неогубленный гласный. Любопытно

транспорт не так хорош. Очевидно, что в середине XIX века термин был не в достаточной степени освоен, а значит, и ассимилирован (ср. написание на латинице).

¹ Известный американский лингвист Н. Хомский в рецензии на эту книгу, кстати, высоко отозвался о ней: *It cannot fail to be of great value to professionals, students, and the general interested public* (это издание представляет несомненную ценность для профессионалов, студентов, а также для всех тех, кто интересуется этими вопросами [<https://www.amazon.com/Dictionary-Linguistics-Phonetics-David-Crystal/dp>]).

также, что в Collins English Dictionary [<https://www.thefreedictionary.com/lacuna>] *lacuna* представлена 4 ЛСВ: **1.** (*Printing, Lithography & Bookbinding*) *a gap or space, esp. in a book or manuscript.* **2.** *A gap or space, esp. in a book or manuscript.* **3.** (*Biology*) *biology a cavity or depression, such as any of the spaces in the matrix of bone.* **4.** (*Architecture*) *another name for coffer.*

Как видно, дефиниции 3 и 4 относятся к области биологии и архитектуры, в то время как 1 и 2 толкуются практически одинаково (ср. «пробел, пустое место, особ. в книге или рукописи»). При этом текст дефиниции значения 1 снабжен одновременно тремя пометами – *Printing, Lithography & Bookbinding* (книгопечатание, литография и переплетное дело – перевод наш – М.М.), которые имеют весьма отдаленное отношение к лингвистике, если вообще имеют.

В словаре Д.И. Ушакова 1935–1940 гг., одном из первых толковых словарей советского времени, лексема *лакуна* приводится в двух значениях: *углубление* как анатомический термин и *пробел, пропуск, недостающее место в каком-нибудь тексте* с пометой *филол.* Само понятие филологии этот же словарь определяет как *совокупность наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве* (ср. иллюстративные примеры: славянская филология, античная филология, романская филология).

Как видно, ко времени издания словаря Ушакова термин *лакуна* еще не был введен в лингвистику как науку, хотя *лингвистика* как общепринятый термин уже существовала (*наука о языке, языковедение, языкознание*) [<https://gufo.me/dict/ushakov/лингвистика>].

В одном из самых популярных справочников – энциклопедии «Русский язык» 1997 года (практически самый конец XX века) термин *лакуна* используется в трех **разных значениях**. Так, в словарной статье «гипонимия» отмечается, что в парадигматических структурах *гипоним–гипероним* «существуют многочисленные случаи лакун, асимметрии и неопределённости (например, в русском языке нет гиперонима для слов *квадратный, круглый, прямоугольный*). Очевидно, что в данном контексте речь идет не о лакунах в общелингвистическом смысле как пробелах или белых пятнах в лексической

системе языка (см. определение Ю.С. Степанова), а о так называемых *векторных лакунах*, которые фигурируют под разными названиями в специальной литературе, одно из которых – *родо-видовые лакуны* (об этом см. ниже).

Второй случай использования данного термина – словарная статья лексемы *многоточие*. В соответствии со словарем – это «*одиночный разделительный знак препинания*», который употребляется как «*знак позиции начала предложения (абзаца) для обозначения лакуны* (выделено нами – М.М.) в изложении». Отсюда лакуна понимается как пробел или пропуск в тексте.

Третий случай использования этого термина мы обнаружили в том же словаре под рубрикой «русистика», где под *лакуной* понимаются малоизученные периоды в истории этой науки. Но при этом составители почему-то не посчитали нужным представить термин *лакуна* под отдельной рубрикой, хотя первый контекст представляет собой частный случай использования лакуны в собственно лингвистическом смысле. Другие же случаи использования термина не являются удовлетворительными для нашего исследования, как мы увидим ниже.

Далее обращение к самому полному Лингвистическому энциклопедическому словарю под ред. В.Н. Ярцевой 1990 года (ЛЭС) показало, что термин *лакуна* используется для обозначения асимметрии при дешифровке древних билингв [<http://tapemark.narod.ru>]. При этом отметим, что термин *лакуна* не обнаружен нами ни среди терминов, являющихся заголовками словарных статей и получивших отдельное словарное описание в соответствующем месте, ни среди терминов, служащих заголовками «отсылочных» словарных статей этого словаря. Нам показалось важным подчеркнуть, что год выпуска словаря – практически самый конец 20 века. Трудно сказать, почему эта лексема не оказалась в словнике этого справочника: к тому времени термин *лакуна* практически уже два десятка лет с лишним в отечественной теоретической литературе [Степанов, 1965, Бархударов, 1975, Гак, 1977].

Интересно еще и то, что в первом издании Советского энциклопедического словаря под ред. А.М. Прохорова (М., 1981; 1993) *лакуна* представлена в 4 значениях: 1) у животных и человека – пространство между органами, не

имеющее собственной стенки; 2) у человека – разветвленные углубления на поверхности органа (например, в миндалинах); 3) у растений – листовая щель; 4) в лингвистике и литературоведении – пробел, пропуск, недостающее место в тексте. Хотя этот словарь указывает на то, что в последнем значении термин принадлежит двум гуманитарным дисциплинам, текст толкования – достаточно общий и размытый, лишен конкретики, неясным остается, что понимается под недостающим текстом: либо это опущение каких-либо слов, либо имеется в виду внешняя композиция текста.

С таким же успехом этот термин можно использовать применительно к книгоиздательскому делу, полиграфии: ср. *пробел – это пустое пространство, контрформа, которая отделяет буквы, слова, строки друг от друга; известны спусковые, абзацные, межстрочные, межсловные и межбуквенные пробелы* [<https://type.today/ru>]. Легко заметить, что толкование, представленное в [Прохоров, 1981], практически является репликой этой же лексемы в словаре Д.И. Ушакова, но без пометы *филол.* Рассмотрим теперь искомый термин в онлайн-версии «Словаря иностранных слов» Т.В. Егоровой, 2014 [<http://uchitel-slovesnosti.ru>].

Итак, в этом источнике *лакуна* характеризуется 4 ЛСВ: 1) пространство между органами без собственной стенки, заполненное лимфой у животных (анат.); 2) углубление небольших размеров на поверхности какого-либо органа; 3) участки основной ткани (паренхимы), расположенные в цилиндре стебля и чередующиеся с листовыми следами (бот.) на листьях растений; 4) недостающее место или пропуск в тексте (филол.). В качестве иллюстративного примера приводится – *В тексте образовалась лакуна*. Нас в большей степени интересует ЛСВ 4 и его толкование, которое также повторяет искомые дефиниции в двух предыдущих словарях.

Судя по дате появления этих справочников, первенство принадлежит словарю Д.И. Ушакова. Здесь уместно заметить, что в предисловии к словарю Т.В. Егоровой авторы указывают на то, что это издание представляет собой один из самых полных и современных источников такого типа, и пере-

чень «его слов значительно пополнился за счет неологизмов, в большом количестве появившихся в русском языке за последние годы» [Словарь Егорова]. Тем не менее составители по какой-то причине не посчитали нужным представить значение лексемы *лакуна* в собственно лингвистическом смысле.

Итак, анализ справочной литературы: этимологических словарей английского языка, толковых словарей общеупотребительной лексики русского и английского языков, словарей иностранных слов, универсальных узконаправленных энциклопедий и т.д. показал, что искомая лексема представлена в этих источниках, как правило, в нескольких значениях, что свидетельствует о том, что данный термин имеет широкое распространение в разных науках.

Чаще всего он используется в анатомии, биологии, в частности, ботанике, генетике, книгопечатании, литографии, переплетном деле. Во всех справочниках *лакуна* зачастую используется в значении, которое можно обобщенно представить как *пропуск, пробел, недостающее место в тексте*.

При этом составители не соблюдают единых принципов лексикографического представления этого термина: обобщенная дефиниция подается (см. выше) в разных вариациях: без каких-либо помет, сопровождается пометой (филол.), (книжн.), либо указывается, что термин принадлежит к области литературоведения. В самом полном справочнике по лингвистике *лакуна* используется для обозначения: 1) пробелов при дешифровке древних билингв; 2) асимметрии в системе языка [Ярцева, <https://tapemark.narod.ru/les/>].

Использование данных этимологических словарей показало, что *lacuna* имеет латинское происхождение и, появившись в этом языке от слова *lacus* – *озеро* со времени возникновения служило для обозначения так называемых отрицательных объектов, как то: ямы, впадины, проемы, канавы, углубления, пустоты и т.д. Естественно, лексемы, обозначающие такие объекты, не имеют конкретной денотативной привязки, и поэтому они легко метафоризируются: ср. широкое использование одноименных лексем в разных областях знания от полиграфии до лингвистики. При этом, однако, в отличие от других

областей, для лингвистики лакуна – это особый теоретический конструкт, который оказался чрезвычайно плодотворным.

Рассмотрим теперь, как интерпретируется термин *лакуна* в собственно лингвистическом смысле в справочной литературе. Представление термина *лакуна* с точки зрения теории перевода находим у Л.Л. Нелюбина в Толковом переводоведческом словаре (далее - ТПС) [Нелюбин, 2003], в котором искомый термин определяется как *отсутствие лексических эквивалентов в одном языке обозначений, преимущественно национальных реалий, в другом*. Как видно, данное определение предполагает два условия: а) наличие двух соотносимых языков; б) наличие двух культур. Непонятным при этом остается то, какой смысл вкладывается автором в понятие *реалий*. В этом же словаре, раскрывая значение лексемы *реалия*, находим такое определение: *«слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке»* [Нелюбин, 2003: 179].

Судя по определению под термином автор понимает **не предметы, понятия и ситуации**, а слова или словосочетания, которые обозначают соответствующие понятия. Сказанное свидетельствует о том, что проблема соотношения лакун, реалий, безэквивалентной лексики – сложна и требует подробного обсуждения в дальнейшем изложении (см. 1.3.3.).

В следующем разделе обсудим разные подходы и точки зрения отечественных и зарубежных ученых на явление лакунарности с позиции собственно лингвистики.

1.3.2. «Лакуна» как лингвистическое понятие

Считается, что первыми в научный оборот термин «*lacune*» ввели в конце 1950-х гг. французские лингвисты Ж.П. Вине, Ж. Дарбельне в известной работе «*Stylistique comparee du francais et de l'anglais. Methode de traduction*» [1958] (ср. более позднее издание на англ. языке «*Comparative stylistics of French and English: a methodology for translation*» [1995]) Эта книга, как явствует из названия,

представляет собой контрастивный стилистический анализ двух языков под углом зрения проблем теории перевода.

В своей известной работе авторы подчеркивают, что с явлением *лакунарности* или *лакуной* мы имеем дело каждый раз, когда сталкиваемся с тем, что какое-либо понятие исходного языка (*signifié*) не имеет общепринятого обозначения, т.е. лексического соответствия (*signifiant*) в другом языке. При этом в качестве примера ученые приводят отсутствие универбального соответствия во французском языке английскому *shallow* (неглубокий, мелководный).

Так, на французском языке значение этого слова передается через словосочетание *peu profond* (неглубокий, букв. *не очень <сильно> глубокий*).

По свидетельству ученых [см., например, Т. Anokhina, 2013], позже лакунология из франко-канадской школы (Париж/Монреаль) переместилась в Россию, где лакуны подверглись глубокому изучению в ряде работ Ю.А. Сорокина и И.Ю. Марковиной [Сорокин, Марковина, 2010]. При этом справедливо указывается на то, что первенство в создании и развитии современной теории лакун, или лакунологии, принадлежит отечественной лингвистике в лице указанных ученых [Anokhina, 2013].

Не оспаривая это мнение, хотелось бы добавить, что использованию русскоязычного термина «лакуна» в специальных работах по этому направлению лингвистики, вслед за Ж.П. Вине, Ж. Дарбельне, мы обязаны Ю.С. Степанову [Степанов, 1965]. Анализируя факты французской стилистики в сравнении с русской, известный ученый выявил словарные пробелы, существующие в каждом языке. Впоследствии он назвал их «белыми пятнами на семантической карте языка», а также «лакунами», которые четче выявляются при сопоставительном анализе фактов двух языков, т.е. человек, владеющий только одним языком, может на них не обратить внимание [Степанов, 1965]. Опираясь на эти идеи, он далее вводит понятие *абсолютных* и *относительных* лакун. При этом абсолютные лакуны сравнительно редко «ощущаются в норме»: они осознаются лишь при составлении переводных словарей «как слова, не имеющие эквивалента в виде слова» [Степанов, 1965: 120]. «Так, – продол-

жает известный ученый, – если идти от русского, то во французском не находится эквивалента для слов *вообще*, *уютный*, *ровесник*. Причем это характерная черта французского, т.к. в других европейских языках такие эквиваленты имеются: лат. *omnino* – вообще, *coetaneus* – ровесник, нем. *überhaupt* – вообще, *gemütlich* – уютный, *gleichaltig* – ровесник; англ. *cosy* – уютный и т.д.» [Степанов, 1965: 121].

Однако, по мнению В.Л. Муравьева, трактовка лакун в теоретических построениях Ю.С. Степанова представляется чисто формальным, поскольку такое понимание «не связывает наличия лакун в языке с отсутствием у носителей данного языка соответствующих лексически фиксированных понятий» [Муравьев, 1975: 4]. Развивая свою мысль, ученый подчеркивает, что при интерпретации понятия лакун правильнее говорить об отсутствии не просто аналога «в виде слова слову другого языка», но также и «в форме устойчивого словосочетания слову (фразеологизму) другого языка» [Муравьев, 1975: 6]. Отсюда он рекомендует расширительное толкование лакун, под которыми предлагается понимать не только иноязычные слова или устойчивые словосочетания, «которые выражают понятия, не закрепленные в языковой норме данного языка, но и те, для передачи которых в этом языке требуются более или менее пространные перифразы – свободные словосочетания, создаваемые на уровне речи» [Муравьев, 1975: 6]. Рассуждая в этом направлении, В.Л. Муравьев полагает, в отличие от Ю.С. Степанова, что слова «кипяток», «сутки» лишь с большой натяжкой можно интерпретировать как лакуны во французском языке, поскольку понятия, выражаемые ими, также зафиксированы вполне нормативно в этом (французском) языке, хотя при этом они закреплены не за словами, а за устойчивыми словосочетаниями, в то время как понятия «ровесник», «однолюб» и т. д. могут быть переданы на французский язык лишь на уровне речи при помощи перифраз. Отсюда В.Л. Муравьев предлагает расширительное понятие *абсолютных* лакун, под которыми он имеет в виду понятия, лексически зафиксированные в одном языке, но не могут быть выражены отдельным словом или устойчивым словосочетанием [Муравьев, 1975].

При этом В.Л. Муравьев считает, что «абсолютные лакуны можно выделить: а) на словах (в том числе сложных), – например, фр. *piéd - à terre* является абсолютной лакуной в русском языке, *бобыль* – абсолютной лакуной во французском; б) на фразеологизмах (в том числе конкретных словосочетаниях), – например, фр. *mieux vaut tendre la main que le cou* не может быть передано при помощи слова или фразеологизма на русском языке» [Муравьев, 1975: 7]. Любопытно, что в соответствии со своими теоретическими построениями В.Л. Муравьев полагает, что русские фразеологизмы «Доброе утро», «С приездом!», «На здоровье!» могут считаться абсолютными лакунами с точки зрения французского языка. В этой связи методологически важными являются также рассуждения автора со ссылкой на идеи Ж. Мунена [Mounin, 1966. Цит. по: Муравьев, 1975:7] о том, что, несмотря на, казалось бы, абсолютную идентичность внеязыковой реальности, окружающую французов и русских, один язык предпочитает выделить определенный аспект деятельности его носителей, в то время как другой – почему-то не считает нужным обратить на это внимание. Так, в опыте тех и других встречаются люди, которые любят долго лежать, спать, бездельничать, но почему-то один язык, а именно русский лексикализует это понятие в виде вокабулы *лежебока*¹, в то время как французский не располагает ни отдельной лексемой, ни устойчивым словосочетанием, выражающим это понятие. Это дает основание считать слово *лежебока* абсолютной лакуной во французском языке (ср. также *сластена* в качестве абсолютной лакуны во французском). Такая картина наблюдается и в русском языке. Далее, во французском языке существует самостоятельная лексема *tapreur* для обозначения человека, который часто занимает деньги. Это понятие является абсолютной лакуной для русского языка. Рассмотрим теперь так называемые относительные лакуны. Основным критерием разграничения абсолютных и относительных лакун, как считают ученые, является частотность использования в языке. Так, В.Л. Муравьев пишет, что «в отличие от абсолютных лакун *относительные* лакуны (курсив наш – М.М.) выде-

¹ Все примеры взяты из работ [Степанов, 1965] и [Муравьев, 1975].

ляются при сравнении частоты употребляемых слов с общим значением в двух языках» [Муравьев, 1975: 10]. Отсюда, по его мнению, этот вид лакун существует на уровне речи при общности понятий, выражаемых словами».

Прямо согласуется, на наш взгляд, с мнением В.Л. Муравьева точка зрения Ю.С. Степанова, который подчеркивает, что лакуны можно считать относительными, «когда слово или словоформа, существующие в национальном языке, употребляются очень редко» [Степанов, 1965:121]. При этом известный ученый указывает на то, что «для русской нормы характерна, например, огромная, сравнительно с французским, частота употребления союза *хотя*, – черта уже не только лексическая, но и грамматическая. Ср.: *Я, пожалуйста, пойду. Хотя нет – подожду. Хоть ты и Иванов 7-й, а дурак* (А.П. Чехов). Во французском языке аналогичное употребление *bien que*, хотя и возможно, практически встречается очень редко и лежит на границе литературной речи и просторечия. Напротив, союзы *a moins que* и *sans que* несравненно более часты во французской речи, чем их эквиваленты в русском: *если только не..., без того, чтобы...*» [Степанов, 1965: 121]. Известный лингвист В.Г. Гака для описания лакун не использует термины «абсолютные» и «относительные». При этом он интерпретирует их под углом зрения пропусков в лексической системе языка и в соответствии с этим также выделяет два типа лакун, на которых необходимо, на наш взгляд, сосредоточить внимание. Так, согласно мнению В.Г. Гака, исходя из отражательной функции языка, связанной с необходимостью обозначения предметов и явлений окружающей действительности, логично было бы ожидать, что все эти явления, а также понятия должны получать соответствующее обозначение. Однако иногда на деле мы наблюдаем нечто иное: некоторые понятия, которые, несомненно, существуют в данном обществе, по какой-то причине остаются необозначенными (невербализованными). Вместе с тем данные понятия имеют «словесное обозначение в другом языке». Это положение иллюстрируется им на примере русских лексем *сутки* и *кипяток*. Так, понятия, стоящие за этими лексемами, – считает он, – осознаются всеми французами (ср. *промежуток времени в 24*

часа и только что вскипевшая или кипящая вода), но в этом языке нет словесных обозначений, равнозначных русским *сутки* и *кипяток*. Это **первый тип лакун**, которые выделяет В.Г. Гак. **Второй тип** выводится им из особенностей самой лексической системы языка. «Хотя лексика, – пишет ученый, – представляет собой систему, но система эта **нежесткая** (выделено нами – М.М.), в ней постоянно обнаруживаются пропуски, незаполненные места» [Гак, 1989: 205]. В качестве иллюстрации этого тезиса он со ссылкой на известную работу Е.А. Земской [Земская, 1973] приводит следующую словообразовательную парадигму лексемы *красный*:

- 1) прилагательное – *красный*;
- 2) активный глагол – *краснить*;
- 3) пассивный глагол – *краснеть*;
- 4) прилагательное ослабленного качества – *красноватый*;
- 5) прилагательное усиленного качества – *краснущий*;
- 6) существительное качества – *краснота*¹.

Вместе с тем словообразовательная парадигма некоторых других названий цветов в сравниваемых языках оказывается неполной, т.е. имеет «белые пятна», пустоты или незаполненные места. Так, например, сравнение словообразовательной парадигмы двух адъективных лексем – *розовый* и *rose* дает следующую картину:

- 1) *розовый* – *rose*;
- 2) *розовить* – *rosir*;
- 3) *розоветь* – *rosir*;
- 4) *розоватый* – *rosâtre*;
- 5) *розовущий* – 0;
- 6) *розовота* – *roseur*.

Из сравнения парадигмы двух лексем нетрудно заметить, что в русском языке отсутствует активный глагол *розовить* – ср. русск. *краснить*, *чернить*. В русском языке также отсутствует прилагательное усиленного качества для лексемы *розовый* (ср. *розовущий* при возможном – *краснущий*). Вместе с тем,

¹ Здесь и далее все примеры взяты из работы [Гак, 1989].

французский язык вообще не имеет словообразовательных средств для образования прилагательных усиленного качества в системе цветообозначений (ср. отсутствие французских прилагательных – коррелятов русских *краснуший, чернуший*, а тем более *розовуший*).

Наличие во французском языке существительного *roseur* должно было бы, исходя из логики организации лексической системы русского языка, вернее, словообразовательной парадигмы прилагательных цветообозначений, выглядеть как *розовота* (ср. *краснота* в значении красное пятно, покраснение от прилива крови, воспаление и иллюстративный пример – *краснота на коже*). То есть в норме можно сказать *красное пятно на коже* = *краснота*, но розовое пятно на коже нельзя заменить существительным *розовота*.

Здесь хотелось бы привести важную мысль В.Г. Гака о том, что «лакуны обоюродного рода создают дополнительные трудности при выражении мыслей или переводе» [Гак, 1989: 245], что еще раз говорит не только о важности, но и необходимости исследования лакун для таких языков, как кабардинский. Далее хотелось бы обратить внимание еще на один момент при рассмотрении В.Г. Гаком лакун как языковых явлений (речь идет о лакунах первого типа). Для этого сравним интерпретацию лакун в двух известных трудах ученого, к которым мы еще будем возвращаться: Сопоставительная лексикология на материале французского и русского языков [Гак, 1977] (далее – Лексикология) и Сравнительная типология французского и русского языков [Гак, 1989] (далее – Типология). Так, в Лексикологии он пишет: «Если мы возвратимся теперь к пониманию того, что же такое «дух языка», то, видно, под этим следует понимать то, как языки организуют высказывание при описании одной и той же ситуации. Это зависит прежде всего от характера лексических средств языка. Здесь – на уровне языка – отмечаются следующие расхождения: некоторые элементы действительности **не имеют** в данном языке закрепленного специфического **обозначения в связи с отсутствием соответствующего понятия в мышлении носителей этого языка** (например, отсутствие во французском языке слов, подобных русским *сутки, кипяток*)» [Гак, 1977: 237].

Обратим внимание, что в этом труде автор не использует термин *лакуна*, хотя совершенно очевидно, что имеется в виду именно он. Однако в Типологии этот термин встречается несколько раз и, как мы указали, автор выделяет два типа *лакун* (определение первого типа см. с. 45). Второй тип *лакун* определяется ученым как определяет как: «1. Отсутствие слов для обозначения **понятий, которые, несомненно, существуют в данном обществе** и которые имеют особое словесное обозначение в другом языке. Классическим примером подобных *лакун* во французском языке по сравнению с русским является отсутствие слов, равнозначных русским *сутки, кипяток*» [Гак, 1989: 244]. В обоих трудах, указанных выше, в качестве иллюстративного примера при объяснении явления *лакун* во французском языке он приводит две лексемы – *сутки* и *кипяток*. Вместе с тем в первом случае он объясняет наличие *лакун* **отсутствием** во французском обществе понятий, которые стоят за этими существительными. Во втором же случае ученый особо настаивает на том, что такие понятия, **безусловно**, существуют в данном (французском) обществе. Иными словами, с одной стороны по В.Г. Гаку получается, что, говоря современными терминами, если в концептосфере (когнитивной базе) народа не существует понятия, то оно не вербализуется. С другой же стороны, понятия, стоящие за терминами, существуют в мышлении народа, но почему-то он его не вербализовал. Конечно, вопрос спорный и открытый, он может иметь столько же оппонентов, сколько и пропонентов. Исходя из теоретических установок тех исследователей, за которыми мы следуем, вторая точка зрения нам ближе: то есть мы считаем, что если даже французский язык не располагает универбальными единицами, равнозначными лексеме *сутки* или *кипяток*, в когнитивной базе носителей языка, т.е. представителей этой лингвокультуры, безусловно, эти понятия или концепты существуют. То же самое справедливо и для английского языка, в котором не существует специального словесного обозначения этих же концептов.

Кабардинский язык также не располагает специальной отдельной единицей, равнозначной слову *сутки*, и прибегает к словосочетанию *зы жэщ зы*

махуэ – букв. *одна ночь – один день*. Мы полагаем, что это лексикализованная единица, хотя словарь ее не фиксирует¹. Что касается эквивалента русской лексемы *кипяток*, в КЯ имеется лексикализованная единица *псывэ*, которая соответствует русскому *кипяток*. Кроме этого в КЯ есть ФЕ *псывэ къэкъуальэ* – букв. «кипящая вода».

Завершая рассуждения на эту тему, отметим, что современные разыскания в когнитивной лингвистике убеждают нас в том, что существуют две картины мира – концептуальная картина мира и языковая. Первая намного шире и разнообразнее, чем вторая. Иными словами, не все, что человек освоил в процессе познавательной деятельности должно получить свое обозначение, что не означает, однако, что люди, говорящие на разных языках, например, не могут принципиально договориться: понятия, как раз конструируются, чтобы люди могли договариваться, «чтобы иметь общий язык при обсуждении проблем» [Демьянков, 2007: 27].

Применительно к нашим конкретным примерам в соответствии с рассуждениями В.З. Демьянкова укажем на то, что понятия, стоящие за лексемами *сутки* и *кипяток*, представляют собой универсалии, имеющие свое место в концептосфере практически всех народов. Здесь еще хочется обратить внимание на то, что в современной лингвистике разработаны разнообразные классификации лакун, которые строятся на разных принципах. В частности, если рассмотреть примеры В.Г. Гака под другим углом зрения, их можно охарактеризовать как интраязыковые (внутриязыковые) и межъязыковые лакуны [Стернин, Быкова, 1998]. Так, согласно классификации этих ученых, лакуны подразделяются на внутриязыковые и межъязыковые. Внутриязыковые лакуны связываются с отсутствием внутри одного языка слов, которые предусмотрены самой лексической системой языка, но почему-то нереализованы (ср., например, отсутствие членов антонимических пар *profond* – 0; *молодожены* – 0; *глубокий* (о реке) – 0).

¹ Русская фраза *через двое суток*, например, переводится на КЯ как *жэщитI-мэхуиткIэ* букв. ‘через ночь: два -день:два’.

Межъязыковые лакуны – это, собственно, лингвистическое явление, на которое впервые обратили внимание лингвисты: например, русские лексемы *путевка*, *форточка* не имеют в английском языке однословных лексических единиц для обозначения этих понятий. Ср. *sanatorium (vacation) voucher* и *window leaf, air-vent, casement ventilator*. Довольно интересное определение лакун находим у Г.В. Быковой, которая определяет их как «многочисленные концепты, не имеющие средств языкового выражения в национальной языковой системе (лакуны)», «семемы без лексем», «идеальное содержание (семема), представляющее собой виртуальную лексическую единицу, занимающую определенное место в лексической системе в статусе нулевой лексемы» [Быкова, 1999: 3; 10].

В известной монографии, опубликованной позднее, автор делает акцент на том, что лакуна – это виртуальная лексическая сущность, семема, не имеющая «материального воплощения в виде лексемы, но способная проявиться на уровне синтаксической объективизации в случае возникновения коммуникативной востребованности концепта» [Быкова, 2003: 51]. Нетрудно заметить, что под это определение автора можно подвести только случаи внутриязыковой лакуны (о классификации лакун см. ниже). Некоторые авторы называют лакуной «слово, словосочетание (как свободное, так и фразеологическое), грамматическую категорию, бытующие в одном из сопоставляемых языков и не встречающиеся в другом сопоставляемом языке» [Огурцова, 1979: 82].

З.В. Попова и И.А. Стернин объясняют возникновение лакун в результате несовпадения или «неполной эквивалентности денотативных семем разных языков». Отсюда они определяют лакуны как «отсутствие в одном из языков, сопоставляемых между собой, наименования того или иного понятия, имеющегося в другом языке» [Попова, Стернин, 2009: 75]. Приводя пространственные комментарии относительно источников лакун, авторы небезосновательно считают, что «условия жизни и быта народа порождают возникновение понятий, **принципиально отсутствующих** (выделено нами – М.М.) у носителей других языков» [там же: 75]. Соответственно, считают они, «в других языках не будет и однословных словарных эквивалентов для их переда-

чи». В подтверждение своих рассуждений они приводят несколько немецких существительных, к которым нельзя подобрать однословные эквиваленты в русском языке. Ср. *Handwerke* «маляры, слесари и жестянщики», *Besteck* «ложки, вилки и ножи», *Geschwister* «совокупность детей одних родителей».

Мы согласны с тем, что эти единицы в немецком языке действительно не имеют универбальных эквивалентов. Но в русской лингвокультуре существуют такие же понятия, хотя они и не выражены одной единицей. Иначе было бы принципиально невозможно передать их содержание на русский язык. Иными словами, понятия *маляры+слесари+ жестянщики* могут вполне служить эквивалентом *Handwerke*. Здесь уместно сравнить русск. *сутки* и способы передачи этого понятия на англ. как *24 hours, day and night* и т.д.

В этом отношении мы следуем за теоретическими установками видного российского ученого Л.С. Бархударова, который одним из первых обратился к понятию лакун (в его терминологии – «случайные лакуны»). Так, в отличие от [Гак, 1989], [Попова, Стернин, 2009], Л.С. Бархударов прямо указывает на то, что «в английском языке нет особого слова для обозначения **понятия**, выражаемого русским словом *сутки*; соответствующее **понятие** может быть выражено по-английски лишь через специальные словосочетания, как *day and night* или *twenty-four hours*» [Бархударов, 1975: 88].

Из рассуждений ученого следует, что в английском языке действительно не существует лексической единицы для обозначения понятия *сутки*. Вместе с тем он не утверждает, что в английском языке не существует аналогичного понятия: просто оно не выражено специальной лексической единицей. Поэтому английский язык в этом случае прибегает к описательным текстам: данное понятие приходится передавать на английском языке описательно. Так, в одном случае мы можем указать на количество часов, например, и тогда русская фраза «Я приеду через сутки (через двое суток)» на английском будет звучать как *I shall come back in twenty-four (forty-eight) hours*. В случае необходимости сделать акцент на непрерывность, круглосуточность действия, в

целях адекватности перевода можно прибегнуть к сочетанию *day and night* (ср. *Они работали четверо суток* и *They worked four days and nights*) [там же].

Далее ученый множит количество примеров и указывает на то, что в этом ряду находятся русские лексемы *кипяток, именинник, погорелец, пожарище*, для которых в английском языке отсутствуют словарные соответствия (с. 96). Отсюда он дает свое определение лакун (в его терминологии – **случайные лакуны** – с. 95), под которыми он понимает единицы словаря одного из языков, которые по определенным причинам – не всегда легко объяснимым – не имеют коррелятов в лексическом составе другого языка в виде слов или устойчивых словосочетаний [Бархударов, 1975].

Здесь необходимы, на наш взгляд, некоторые комментарии в связи с рассуждениями известного ученого относительно причин отсутствия обсуждаемых лексических соответствий в двух языках, что имеет особую методологическую значимость для наших дальнейших описаний. Так, Л.С. Бархударов считает, что в ряде случаев отсутствие лексических эквивалентов на межъязыковом уровне может быть объяснено с точки зрения культурно-исторических или социальных условий бытования того или иного языка.

Для иллюстрации данного положения он берет существительное *погорелец* в значении «человек, который лишился дома или всего имущества во время пожара». Эта единица не имеет универбального лексического эквивалента в английском языке. Ученый объясняет это тем, что пожары, приводившие до революции к разорению крестьянских семей в русских деревнях, происходили довольно часто. Вместе с тем, как известно, в Англии традиционно дома строят из камня или кирпича (даже в сельской местности), поэтому описываемое явление встречалось намного реже, в связи с чем не было необходимости в лексикализации подобных ситуаций. Приведенный пример убеждает нас еще раз в том, что язык не является самодостаточной созидающей сущностью, которая способна конструировать мир: он лишь отражает его. Отсюда, если народ не сталкивался в своем опыте с каким-либо явлением, то у него нет необходимости его лексикализовать. В большинстве случаев, однако, «найти «рацио-

нальное» объяснение отсутствию слова с определенным значением в одном языке и его наличию в другом не удастся» [Бархударов, 1975: 96], что, по его мнению, заставляет ученых комментировать такие явления под углом зрения этнической самобытности строя того или иного языка (там же). Естественно, в то время, когда издавалась обсуждаемая книга Л.С. Бархударова, не существовало антропоцентрической лингвистики, терминов «концептуализация» и «категоризация», но автор изложил в доступной форме, в тех терминах, которыми оперировали лингвисты того времени, суть когнитивных ресурсов языкового означивания. Добавим также и то, что автор не затрагивает проблем интраязыковой лакунарности, поскольку указанная работа основана на теории перевода, что предполагает оперирование межъязыковыми фактами.

Исследователь Н.Л. Глазачева, комментируя возникновение лакун, объясняет их в терминах возможности/невозможности трансфера знака из одной культуры в другую: «Лакуна возникает всегда в тот момент, когда определенные места в кодах культур или языков не покрываются полностью, когда трансфер знака из одной культуры в другую оказывается невозможным или частично возможным, то есть механизм декодирования принимающей культуры не располагает семантическими средствами идентификации знака» [Глазачева, 2005: 208].

С такой интерпретацией лакуны в лингвистике согласуется наиболее распространенное в специальной литературе широкое понимание термина, представленное, например, в Википедии: «национально специфический элемент культуры, нашедший соответствующее отражение в языке и речи носителей этой культуры, который либо полностью не понимается, либо недопонимается носителями иной лингвокультуры в процессе коммуникации» [[https://ru.wikipedia.org/wiki/Лакуна_\(лингвистика\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Лакуна_(лингвистика))]. При интерпретации лакун практически все лингвисты опираются на такие ключевые понятия, как «безэквивалентная лексика» и «реалия», что делает необходимым обратить специальное внимание на эти термины.

1.3.3. Безэквивалентная лексика, реалии и лакуны

Отсутствие до настоящего времени единого понимания ключевого термина *лакуна* порождает, естественно, разное понимание не менее важных терминов лакунологии: *реалия* и *безэквивалентная лексика*. В зависимости от теоретических установок исследователи вкладывают в них разные смыслы, порой даже взаимоисключающие, а иногда и откровенно неприемлемые, что делает необходимым посвятить специальный раздел нашей работы разведению этих терминов с точки зрения понятий, стоящих за ними.

Отчасти в сложившейся ситуации повинна, на наш взгляд, так называемая *киберкультура*, под которой понимается «новое направление развития общества, непосредственно связанное с появлением, развитием и проникновением в социальную и культурную жизнь достижений информационных технологий» [Ом, 2009]. В самом деле, на просторах Интернета появляется поток неконтролируемой и трудно рецензируемой информации, в том числе и научного материала, который, благодаря доминированию киберкультуры способствует формальной и содержательной трансформации, порой негативной, академического текста.

В подтверждение сказанного приведем выдержку из одной статьи – в целом интересной по замыслу и исполнению – под названием «Безэквивалентная лексика в системе языка» [Семененкова, 2018]. Публикация открывается следующей вводной фразой: «Безэквивалентная лексика как один из культурных **компонентов лексического значения** (выделено нами – М.М.) занимает важное место в системе языка». Безусловно соглашаясь с тем, что использование понятия безэквивалентной лексики чрезвычайно важно при изучении релевантных аспектов языка, мы сомневаемся в том, что эта лексика может одновременно выступать в качестве одного из «культурных компонентов лексического значения». Иными словами, лексика вообще и *безэквивалентная*, в частности, не может быть компонентом лексического значения. Итак, что вкладывают ученые в понятие *безэквивалентная лексика*? В известной книге «Теория перевода (лингвистические аспекты)» В.Н. Ко-

миссаров предлагает краткое по форме, но весьма емкое по содержанию определение этого явления. Так, по его мнению, безэквивалентными называются единицы ИЯ (= исходного языка), «которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода» [Комиссаров, 1990: 147].

Здесь, как видно, рассматриваемое понятие интерпретируется в терминах теории перевода, одним из разработчиков которой является этот ученый. При этом он методологически верно выделяет те участки лексики, где чаще всего встречаются эти единицы, и что немаловажно, определяет теоретические и практические способы их элиминирования в процессе перевода.

Так, согласно мнению ученого, «безэквивалентную лексику» можно идентифицировать, главным образом, среди неологизмов, среди слов, называющих специфические понятия, этнически отмеченные явления, а также и среди малоизвестных названий, для которых приходится создавать окказиональные соответствия в процессе перевода. К таким словам, по его мнению, можно отнести английские термины *conservationist*, *baby-sitter*, *backlog*, *etc.* [Комиссаров, 1990]. Нетрудно заметить, что в этой работе ученого речь идет, как мы уже указали, об англо-русских переводческих соответствиях.

Как отмечает Л.С. Бархударов, термин «безэквивалентная лексика» употребляется исключительно «в смысле отсутствия соответствия той или иной лексической единице в словарном составе другого языка» [Бархударов, 1975: 96]. При этом, однако, известный ученый вносит существенное уточнение, отмечая, что «неправильно было бы понимать этот термин в смысле «невозможности перевода данной лексики», поскольку в принципе любой язык «**может выразить любое понятие**», и факт отсутствия в словарном составе языка специального обозначения в виде слова или устойчивого словосочетания для обозначения определенного понятия не свидетельствует о невозможности его выражения средствами данного языка: его содержание всегда может быть передано в речи в конкретном тексте при помощи целого ряда средств» [Бархударов, 1975: 96]. Однако, какие бы трудности ни вызывал перевод таких единиц, всегда можно найти способы устранения этих про-

блем. В лингвистической науке, в частности теории перевода, считается, что термин «безэквивалентная лексика» ввел в обиход в начале 50-х гг. прошлого века Г.В. Шатков, который специально занимался сопоставлением норвежского и русского языков в аспекте теории перевода [Шатков, 1952]. По его мнению, безэквивалентная лексика – это «слово или одно из его значений (прямое или переносное), не имеющее в данный исторический период «готового» точного соответствия в лексике другого языка».

При этом в терминах этой лексики ученый предлагает описывать «имена собственные и нарицательные, обозначающие национальные реалии, слова с национально-специфической экспрессивной окраской, слова с суффиксами субъективной оценки, слова с переносным значением и некоторые другие, а также диалектизмы, архаизмы, звукоподражания, каламбуры» [Шатков, 1952: 5]. Некоторые уточнения рассматриваемого явления даны в работе Г.В. Чернов [1958], в которой он представил свое понимание безэквивалентной лексики, в соответствии с которым, она (лексика) охватывает слова одного языка, которые не имеют постоянного или устойчивого эквивалента в словарном составе другого языка [Чернов, 1958].

Существует мнение [Панова, 1988] о том, что в рамках теории и практики перевода в зависимости от того, что понимается под термином «безэквивалентная лексика» исследователей можно разделить на две группы: тех, которые рассматривают безэквивалентную лексику вне экстралингвистического контекста, т.е. *per se* [Федоров, 1968], и тех, которые предлагают учитывать лингвострановедческий контекст при ее интерпретации [Швейцер, 1973].

В связи с этими рассуждениями возникает вопрос о реалиях – проблеме, которая также не получила в лингвистике однозначного решения, поскольку, как нам представляется, еще не определен статус понятия, который стоит за этим термином. Сравним два определения термина «реалия» (реалии) в разных словарях. В словаре Т. Ф. Ефремовой реалии толкуются как «предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы, обычно не имеющие лексических эквива-

лентов в других языках» [<https://lexicography.online/explanatory/efremova/>]. В Большом энциклопедическом словаре реалия определяется как *предмет, вещь, а также факт, социальный процесс, явление, существующие в реальной жизни* [БЭС, электронный ресурс].

Иной взгляд на такое явление как реалии представлен в известном словаре Л.Л. Нелюбина [Нелюбин, 2003]:

1. Слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке.

2. Разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой и переводоведением, такие, как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т.п. с точки зрения их отражения в данном языке.

3. Предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова.

4. Слова, обозначающие национально-специфические особенности жизни и быта [Нелюбин, 2003:178].

Как видно из приведенных дефиниций этого словаря, мы наблюдаем здесь случаи метонимического синкретизма, а именно явление, которое укладывается в формулу *название* → *предмет* (ср. реалия – это название и реалия – то, что обозначается им). В словаре А.П. Евгеньевой реалии – это предметы и явления [Электронный ресурс, <https://azbyka.ru>]. Интересно, что в концепции Л.С. Бархударова под реалиями понимаются единицы языка, которые обозначают «предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [Бархударов, 1975: 95]. Под эту же рубрику можно подвести, по мнению автора, следующие единицы, которые служат для обозначения: предметов материальной и духовной культуры, **свойственные только данному народу**, например, названия блюд национальной кухни (ср. русск. *щи, борщ, рассольник, квас, калач* и англ. *tiffin, haggis, toffee, butter-scotch, sundae* и т.д.); видов народной одежды и обуви (русск. *сарафан, душегрейка, кокошник, лапти*); народных танцев (русск.

трепак, гонак; англ. *pop-gocs-the-weasel*); видов устного народного творчества (русск. *частушки*; англ. *limericks*) и т.д. [Там же: 95].

Прямо противоположной точки зрения придерживается известный ученый-переводовед А.В. Федоров, который настоятельно подчеркивает, что «реалия – понятие экстралингвистическое и не может «переводиться», как не может «переводиться» с одного языка на другой любая существующая в природе вещь» [Федоров, 2002: 171]. Между тем, – отмечает ученый, – в целом ряде работ можно встретить выражение «о переводе реалий», что терминологически неправильно. В связи с этим, по мнению ученого, к подобному словоупотреблению – в тех случаях, когда оно встречается, – «следует относиться как к условности, как к сокращенному и упрощенному способу выражения» [Там же: 171].

В данном случае мы согласны с мнением известного ученого и считаем, что реалия – это, все-таки, денотат – реальный, ирреальный, абстрактный и т.д., но не языковая единица, которая призвана обозначать этот денотат. Вместе с тем вполне приемлемым, – как считает указанный автор, – является такое словосочетание, как «перевод слов-реалий», в котором сочетание «слова-реалии» выступает как синоним «названий реалий» [Там же: 171].

На самом деле, если следовать логике Л.С. Бархударова, то реалии должны быть приравнены к безэквивалентной лексике. Более того, в соответствии с этой точкой зрения, реалии также должны быть приравнены к этнографическим лексическим лакунам (об этом см. ниже). Но нам ближе точка зрения тех ученых, которые в общем случае трактуют реалии как наименования или обозначения неповторимых идиоэтнических сущностей, которые подпадают под дефиницию слова «реалия» [Евгеньева, <https://azbyka.ru>].

Такое расширительное толкование реалий отвечает общей теоретической направленности нашей работы. Конкретизируя, можно отметить, что с ономазиологической точки зрения наличие того или иного имени в языке определяется наличием в определенной лингвокультуре всех тех сущностей, которые могут быть подведены под указанную дефиницию. Иными словами, мы следуем за теми учеными [Федоров, 2002], которые в триаде «язык – мышление –

действительность» первенство отдают фактам окружающей действительности: разнообразным предметам материальной культуры; обычаям, обрядам, историческим фактам или процессам. Именно наличие этих сущностей в практике определенного лингвосоциума делает необходимым «обеспечить» их соответствующими названиями. Следовательно, по нашему мнению, реалия – это денотат, который имеет языковую привязку.

Попутно хотелось бы отметить, что до настоящего времени проблема лакуарности и безэквивалентной лексики не являлась предметом специального обсуждения и описания в контрастивных исследованиях применительно к особенностям кабардино-русского билингвизма, что мы и собираемся восполнить.

1.4. Понятие семьи в социально-гуманитарных науках

Категория семьи, будучи объектом интереса различных социально-гуманитарных наук, имеет давние традиции изучения в таких областях знаний, как философия, социология, психология, правоведение, культурология, этнография и этнология, правоведение и т.д. При этом каждая из указанных областей науки, в зависимости от точки зрения на искомое явление, интерпретирует многие составляющие данной категории, исходя из своих теоретических установок.

Предлагаемая работа, как явствует из ее названия, имеет выраженную лингвокультурологическую направленность, что делает необходимым обращение к пониманию и интерпретации явления семьи с позиции смежных наук, главным образом гуманитарных, чтобы в дальнейшем исследовании проследить, какая часть концепта «семья» находится в сфере той или иной отрасли знания.

Семья с точки зрения права и правовых отношений. Представляется оправданным, на наш взгляд, перейти к рассмотрению понятия семьи в различных науках и духовно-нравственном аспекте, представив ее правовую сторону. В праве семья рассматривается с наиболее формальной точки зрения. Это обусловлено спецификой самой науки, которая требует четкости, лаконичности и отсутствия возможности двусмысленной интерпретации дефиниций. Так, в Большом юридическом словаре [<https://gufo.me/dict/law>] да-

ется особое указание на то, что, несмотря на широкое использование этого термина в законодательстве, он носит, главным образом социологический, а не правовой характер, поскольку с точки зрения разных отраслей права, как-то: семейное, гражданское, трудовое в него вкладывается разный смысл. Так, в российском частном праве выделяется отдельная отрасль – **семейное право**. Оно направлено на рассмотрение общественных отношений, касающихся брака, а также вопросов кровного родства, выявления и устройства детей, оставшихся без попечения родителей. При этом стоит отметить тот факт, что законодательство не дает однозначного толкования понятия «семья», хотя в Семейном кодексе последняя определяется как *круг лиц, связанных правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления и иной формы принятия детей на воспитание* [Семейный кодекс РФ, 1995]. Как видно, термин «семья», рассматриваемый с точки зрения права, лишен указания на аксиологическую составляющую семьи. Единственная цель права – обеспечить порядок в обществе, что не представляется возможным без урегулирования отношений внутри семьи. Семья, как правило, является одним из ведущих социальных институтов общества, позволяющих сохранять его стабильность, функционирование и развитие. Также семья может рассматриваться как малая группа (ячейка общества), с которой начинается социализация личности.

Вопросы семьи занимали особое место в концепции философов еще в древние времена: так, еще Платон отмечал, что семья имеет особое значение как в становлении государства, так и специфике организации социальной жизни [Платон, 2007]. Один из выдающихся философов периода Позднего Возрождения Ф. Бэкон особую значимость придавал институту семьи и при этом делал акцент на воспитательную функцию семьи [Бэкон, 1999]. Таким образом, философия считает важным индивидуальную самостоятельность личности внутри семьи и вне ее, мобильность личности в связи с развитием общества.

При глубоком философском подходе семья характеризуется как сложная форма социальной общности, модель познания мира. Согласно философскому словарю, «первые теоретики семьи – стоики – представляют ее в качестве естественной ячейки общества. Связи здесь будут тем сильнее, чем более близки они биологически; и соответственно, чем более они многочисленны, тем сильнее тенденция к их ослаблению. Современная психология подтверждает это теоретическое положение: было даже замечено, что, когда в семье более шести детей, мать уже не может с одинаковой теплотой относиться к каждому ребенку, и что дети при этом чувствуют себя «обделенными» материнской любовью.

Кроме этого, семья обозначает совокупность людей одной крови, одной расы: по принципу такой семьи управляется «клановое» общество, например, имевшее место во времена романской патриархальной семьи, или то, что еще и сегодня существует во многих странах – в частности, в Африке и на Балканах. Клан, или большая семья, включает в себя совокупность людей, объединенных кровным родством и совместно проживающих на ограниченном пространстве под руководством главы рода. Но каковы бы ни были ее размеры, семья всегда составляет ядро общества» [Философский словарь, <https://terme.ru/termin/semja.html>].

Социология. В социологии семья, по мнению С.А. Узаковой, рассматривается как социальный институт, «члены которого связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью» [Узакова, 2003. – Электронный ресурс]. Интерпретируя понятие семьи как особого объединения с социологической точки зрения, А.Г. Харчев, помимо таких признаков, как брак и кровное родство, подчеркивает общность быта и взаимную ответственность членов этого объединения [Харчев, 2003].

Как видно, в определении семьи в социологии прослеживается особое внимание к ответственности и взаимодействию внутри нее. Следовательно, семья в социологии определяет отношения, основанные на эмоциональной близости между людьми.

По мнению социологов, институт семьи меняется довольно стремительно. Появились новые типы или виды семей, например, неполные семьи (семьи с одним родителем), так называемое «сожительство», участились однополые браки и др. Некоторые из подобных новых типов семей появились в связи с новыми законами, другие – в результате изменений в обществе. Вследствие таких изменений для обозначения новых типов семей появились новые определения. Существуют разные классификации типов семей в зависимости от теоретических концепций, в которых они рассматриваются. Поскольку в данном разделе мы рассматриваем семью с точки зрения социологии, остановимся на представлении типов семей в рамках этой науки. Типология семьи и соответственно ее классификация – это большая и сложная проблема. По мнению А.П. Верещагиной в литературе вопроса – особенно в социологии – существует большое число классификаций типов семей и семейных структур, «которые выделяются в зависимости от характера супружеских отношений, особенностей родительства и родства, этнического и конфессионального состава семьи, места проживания и локализации семьи, наличия или отсутствия детей в семье и др.» [Верещагина, 2012]. Однако ввиду того, что наше исследование направлено на категоризацию семьи под углом зрения лингвистики, мы считаем целесообразным кратко остановиться лишь на классификациях, которые так или иначе связаны с рассматриваемыми проблемами. Так, согласно мнению Н.А. Добронравина в социологии принято выделять нуклеарные семьи, под которыми понимаются такие объединения, которые состоят из двух взрослых, живущих вместе, ведущих свое домашнее хозяйство, а также имеют собственных или приемных детей [Добронравин, 1998]. В соответствии с Википедией простая или нуклеарная семья состоит из одного поколения, представленного родителями (родителем) с детьми или без детей [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Семья>]. В общем случае при любом определении нуклеарной семьи надо иметь в виду, что это перевод с английского (nuclear family), который является практически полным эквивалентом термина «ядерная семья». Но по непонятной причине в

русскоязычной литературе по социологии закрепился транслитерированный англоязычный термин, которым мы также пользуемся в работе. Нуклеарные семья, естественно, может расширяться. Тогда она категоризуется иначе и описывается, следовательно, в иных терминах, а именно: *сложная семья*. Этот термин также представляет собой кальку с английского. С нашей точки зрения, однако, более предпочтительным был бы термин *большая семья*, а не *сложная* или *расширенная* (англ. extended). Итак, семья входит в категорию сложных, когда к семейному ядру добавляются как представители старшего поколения (ср. дедушка, бабушка, прадедушка и прабабушка и т.д.), так и различные родственники мужа или жены (кровные и некровные). [<https://ru.wikipedia.org/wiki>].

Педагогика рассматривает семью с позиции первичного социального института для ребенка. При этом одной из ключевых функций семьи считается рождение и воспитание. Выделяя два компонента в воспитании детей – рациональный и эмоциональный – Т.А. Куликова считает, что в общественных образовательных учреждениях преобладает первый, т.е. рациональный компонент воспитания, который является недостаточным для воспитания гармоничной личности, поскольку в общественном воспитании порой не хватает той теплоты и эмоциональных моментов, которые могут предоставить полноценная семья. По мнению автора, как наука, так и практика предоставляют достаточно убедительные доказательства относительно решающей роли семьи в развитии ребенка [Куликова, 2002].

В Педагогическом терминологическом словаре семья определяется как «основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью» [https://gufo.me/dict/pedagogy_terms/Семья]. При этом в данном источнике при категоризации семьи особо акцентируется, что семья «является социальным институтом, реализующим функцию воспроизводства новых поколений». В соответствии с этим семья характеризуется специфическими функциями, среди которых выделяются: а) репродуктивная (рождение

детей), б) экзистенциальная (содержание детей) и в) первичная социализация (воспитание детей). Нетрудно видеть, что альтернативные семейные отношения (сожительства, **материнские семьи**, конкубинат и **однополое союзы**), которые широко продвигаются на Западе, находятся в глубоком противоречии с категоризацией семьи, принятой в российском обществе и общественном устройстве. Особо подчеркнем, что в кабардинской лингвокультуре подобные концепты и категории отсутствуют в концептосфере народа, не подлежат публичному обсуждению, вследствие чего они не имеют языковой привязки: для того чтобы вербализовать такие концепты, как *однополоый союз*, *брак*, *семья* и т.д. требуются пространные экспликативные тексты. Завершая сказанное отметим, что в кабардинской лингвокультуре категоризация семьи основывается на ее ключевой – репродуктивной – функции.

Психология. С точки зрения психологии в наиболее общем виде семья определяется Н.Я. Соловьевым как «малая социальная группа общества, важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, то есть отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство» [Соловьев Цит. по: Селезнева, 2021].

В своем труде «Психологии семьи» Д.Я. Райгородский рассматривает семью как «систему отношений между мужем и женой, родителями и детьми, основанную на браке или кровном родстве и имеющую исторически определенную организацию» [Райгородский, 2002: 7]. В соответствии с определением Л.Б. Шнейдер семья - это «сложное многоаспектное образование, которое рассматривается как социальный институт, малая группа и система взаимоотношений» [Шнейдер, 2003: 23].

В своей работе профессор Н.Ф. Гейжан описывает факторы возникновения кризиса традиционной семьи и предлагает следующие «принципы семейного просвещения» [Гейжан, 2009: 99]: ориентированность образовательных программ на молодежь и взрослых как носителей определенного образа жизни, мировоззрения и ценностей; направленность на развитие личности и

семейных ценностей; нацеленность на формирование психологического благополучия детей и взрослых; вариативность методов и форм семейного просвещения; стимулирование саморазвития и активности.

Подробный анализ понятий «семья» и «семейные ценности» представлен в научной статье Е.А. Селезневой. В результате эксперимента по концептуализации семьи современной молодежью Е.А. Селезневой выявлено, что основные семейные ценности как: любовь и уважение, остаются незыблемыми в современных семьях. Вместе с тем, продемонстрировано, что категоризация семьи, говоря нашими терминами, в современных условиях претерпела определенные изменения, которые касаются, в первую очередь, «вопросов гражданского брака, бытовой жизни в семье, распределения ролей, постановки целей и мотивации у молодого поколения к созданию и развитию семьи» [Селезнева, 2021].

Понимание семьи в современном мире с точки зрения социологии и философии описано в работе С.Н. Курило. Главной причиной изменений в восприятии понятия семьи и семейных ценностей автор считает факт «появления возможностей совершенствовать себя в профессиональном плане, экономически независимыми стали как мужчины, так и женщины, и нет никакой необходимости создавать семью, которая до недавнего прошлого служила финансовой опорой» [Курило, 2015: 2].

Философ М.В. Гурджиян посвящает свое исследование изучению взглядов на природу семьи и брака, а также рассматривает традиции семейного устройства с позиции русской философии. Исследователь приходит к выводу о том, что «в период активных трансформаций не только общественной жизни, но и института семьи очень важно изучение наследия российской научной философской мысли» [Гурджиян, 2015: 200].

Проблему переходного периода, вызванного изменениями в системе ценностных ориентаций в ключевых областях жизнедеятельности, рассматривают в своей работе А.А. Сомкин и О.А. Данилова, в которой представлена характеристика понятия семьи с социологической и психологической точек

зрения, а также поднимается вопрос трансформации традиционной семьи. Авторами выделены основные причины данного явления: низкая социальная ответственность супругов и индивидуализация семейной жизни. Также делается вывод о неизбежности «естественной эволюции традиционной семьи в современную» [Сомкин, Данилова, 2018: 205] в связи с формированием новых, равноправных отношений в семье.

Историк С.В. Омелянчук рассматривает брачно-семейные отношения в Древней Руси IX–XIII вв. Он рассматривает вопросы типологии семьи, эволюции морально-нравственных представлений о семье и браке в древнерусском обществе, а также процедуру заключения и расторжения языческих и христианского браков в Древней Руси. Автор приходит к выводу о том, что в Древней Руси эволюция семьи и семейных отношений была обусловлена двумя факторами: развитием производительных сил и влиянием христианской религии, которые способствовали некоторой гуманизации семейных отношений [Омелянчук, 2010].

Понятие семьи с точки зрения истории исследует Т.С. Гончарова, которая в своей статье рассматривает историю семьи в царской России и становление института семьи в советской России. При этом автор подчеркивает важность влияния государственной политики Российской Федерации на укрепление семьи, хотя в некоторых случаях она находит «тенденцию копирования западной модели общественного устройства и взаимодействия, что разрушает сложившиеся в российской семье ценности, традиции, систему воспитания» [Гончарова, 2013: 5].

Статья А.М. Егорычева, Т.К. Ростовской, А.Г. Ахтян посвящена становлению и развитию традиционных основ русской семьи с точки зрения философии и социологии. Особое внимание авторы обращают на то, что от благополучия семьи зависит национальная безопасность страны и ее устойчивое развитие [Егорычев, 2022].

Е.В. Добровольская в своей работе рассматривает концепт «семья» в языковом сознании носителей русского языка, а также его лингвистическую

и культурологическую значимость. Автор приходит к выводу о том, что концепт «семья» является универсальным и проявляется в двух аспектах: общечеловеческом и этническом [Добровольская, 2005].

Ценности семейной культуры, а также структура и функции семьи рассмотрены в статье Киселевой Е.В. Согласно автору, ввиду социокультурных глобальных процессов, происходящих в современном российском обществе, ценность семьи приобретает новую значимость. Е.В. Киселева считает необходимым вмешательство государственной семейной политики для поддержания устойчивого развития и сохранения традиционных семейных ценностей в современном российском обществе [Киселева, 2016].

В работе Е.В. Буяновой освещается традиционная английская семья викторианской эпохи как феномен культуры. Автор строит культурологическую модель семьи и описывает виды ее жизнедеятельности с учетом внутрисемейных отношений, домашнего воспитания детей, быта, отношения к религии и других важных вопросов. Исследователь при этом делает важные выводы о том, что с точки зрения англичан, «неумеренное проявление родительской любви и нежности приносит вред детскому характеру» [Буянова, 2017]. Здесь от себя мы бы добавили, что, скорее всего, отсутствие уменьшительно-ласкательных суффиксов в кабардинском языке объясняется этим же фактом.

В работе Д.В. Шведовой семья рассматривается как одна из «высших национальных ценностей, лежащих в основе американского образа жизни» [Шведова, 2011: 1]. Автор дает определение понятия «семья» и рассматривает гендерные роли в современной американской семье. В результате исследования делается вывод о том, что семья напоминает деловое партнерство между двумя взрослыми людьми. Автор связывает это с тем, что в наше время на первое место выдвигается личность индивида, а не семья. Следовательно, «сегодня брак в США понимается как путь к самореализации, и партнер в браке выбирается, в основном для того, чтобы быть личным компаньоном» [Шведова, 2011: 6]. То есть получается, что рождение и воспитание детей,

совместный быт уже не являются приоритетом существования семьи, а на первый план выдвигается функция морально-психологической поддержки.

В ходе нашего исследования также был рассмотрен ряд работ, освещающих лингвокультурологическую сторону концепта «семья». Так, известный этимолог О.Н. Трубачев впервые рассматривает семейное обустройство родоплеменного периода в Европе в разрезе этимологического аспекта. Автором проводится сравнительно-историческое исследование славянских терминов кровного родства и родства по браку с другими языками индоевропейской семьи [Трубачев, 2009].

Семантический аспект концепта «семья» также требует особого внимания. Семантическое поле «семья» рассматривается как ценностная единица, принадлежащая как языку, так и культуре. В работе Н.Л. Дружиной анализируется этнокультурная специфика манифестации семантического поля «семья» в разных типах дискурса (на материале русского, белорусского и немецкого языков). В исследовании устанавливаются национально-специфические характеристики восприятия феномена «семья» в русской, белорусской и немецкой лингвокультурах [Дружина, 2020].

В исследовании Э.В. Гариповой на стыке важнейших дисциплин лингвистической науки (лексикологии, семасиологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии) рассматривается лексико-семантическое поле «семья» в произведениях Л. Толстого «Война и мир» и Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Автор уделяет особое внимание анализу особенностей реализации оценочного компонента в языковых знаках, вербализующих понятие «семья» [Гарипова, 2020].

Работа Атрощенко Е.О. посвящена универсальному концепту «мать», в котором в наиболее ярком виде реализуются этноментальные характеристики лингвокультурного сообщества. При этом самобытность русской культуры, как и любой другой, обуславливает специфику представления концепта в этом языке, т.е. своеобразие средств его выражения и оценки. Е.О. Атрощенко проводит анализ лексико-семантического поля с основой «мать», по ито-

гам которого делает вывод о том, что основная интегральная сема «феминность» – «свойство, качество женщины» – объединяет практически все значения лексем, за редким исключением на периферии поля. Также отмечается, что к ядру поля относится лексема «материнство» в значении «качество, свойство, состояние, достоинство матери» [Атрощенко, 2014: 177].

Универсальный концепт «семья», отражающий языковую картину мира в русской и турецкой языковых лингвокультурах, рассматривает И.А. Батанова. В работе выявлено, что общим для обеих культур можно считать представление о семье «как о единстве, возникающем на основе не только кровных, но и брачных уз и включающем в свой состав множество членов, проживающих на одной общей территории» [Батанова, 2017: 647].

Однако существенный пересмотр категоризации семьи все же наблюдается в русской лингвокультуре во 2-й половине XX в. Вместе с изменениями в политике, экономике и общественных структурах существенным образом изменились и представления о семье, тогда как в турецком обществе в большей степени сохранились традиционные взгляды на рассматриваемый концепт.

Большое исследование проведено А. Рахмат, которое посвящено анализу терминов родства в русском и индонезийском языках. Автор отмечает, что на категоризацию семьи в разных лингвокультурах оказывают влияние особенности исторического развития народа, климат, религиозные воззрения. В результате исследования А. Рахмат приходит к выводу о том, что в русском языке многие из обозначений родства «постепенно переходят в пассивный запас» [Рахмат, 2005: 24], то есть выходят из активного употребления. Более молодое поколение практически не использует в обороте такие термины, как *деверь, шурин, золовка, свояченица, внучатый племянник*. Таким образом, семья обретает более специализированную категоризацию, сегодня она воспринимается в разрезе «мать, отец, ребенок (дети)» [Рахмат, 2005: 24], а широкое понятие рода или клана постепенно вытесняется.

Английские термины родства и внутрисемейных отношений были рассмотрены Е.О. Леоновичем в работе, в которой внимание автора сосредото-

чено на исследовании способов обращения родственников разного уровня внутри семьи в зависимости от собеседников, внутрисемейных отношений и контекста ситуации при обращении [Леонович, 2008].

Национально-культурный компонент концепта «family» был описан в научной статье Т.А. Павловой. Автор исследует языковые единицы в английском языке, вербализующие концепт «family» на материале текстов стихов для детей. В результате проведенного исследования была отмечена важность для носителей языка общения с близкими родственниками. Для англичан характерна нуклеарная семья и патернальный союз. Особое внимание Т.А. Павлова уделяет изучению детей как основной ценности английской семьи. При этом установлена значительная разница в подходах к воспитанию детей в России и Великобритании. Английская культура придерживается строгого воспитания детей, но при этом ненавязчивого, родители обычно не вмешиваются в действия ребенка и сохраняют дистанцию [Павлова, 2011].

В своей диссертационной работе М.А. Терпак проводит анализ содержания английской лексики и устойчивых словосочетаний, входящих в семантическое поле «родственные отношения», в разрезе этнокультурного своеобразия. В результате исследования диссертант приходит к выводу о «значительном консерватизме и традиционализме английских семейных устоев». При этом явно прослеживается тенденция, в соответствии с которой концепт «семья» отражает отношения, которые характерны для нуклеарной семьи, в то время как остальные родственные отношения связаны большей частью с концептом «клан». Подобное положение предопределяет отчетливую градацию степени родства и находит выражение в лексической семантике данного языка [Терпак, 2006].

Анализ фразеологизмов, используемых для характеристики и описания семейных отношений и в целом понятия «семьи» в английском обществе, проводит Л.Э. Холмурадова в своей научной статье. Автор рассматривает взаимоотношения между супругами, определяет роль женщины в семейных отношениях, отраженных во фразеологизмах английского языка, и делает вывод о характерных особенностях семейных отношений англичан: «ста-

бильность, консервативность, сдержанность с минимальными проявлениями каких-либо чувств» [Холмурадова, 2012: 161].

Формы организации адыгской семьи, а также традиционные представления адыгов о семье и родстве в целом подробно изучены историком и этнологом Б.Х. Бгажноковым. Известный ученый анализирует процесс и принцип заключения брака, а также устройство семьи и быта адыгских народов. Пристальное внимание уделено семейно-родственным связям и отношениям. Автор делает вывод о том, что главная цель родства – реализация человека как личности, ответственной перед культурным наследием человечества [Бгажноков, 2010].

Одна из работ Езаовой М.Ю. посвящена исследованию лексико-семантического поля «родство», системе номинации родства в кабардино-черкесском языке. Исследование включает анализ языковых выражений системы родства на лексическом и фразеологическом уровнях. В результате данного исследования автор делает вывод о том, что языковые выражения родства являются результатом осмысления исторического опыта народа и отражают организацию адыгского общества в целом [Езаова, 2018].

Также Езаова М.Ю. в своей научной статье, посвященной языковым культурным кодам в лексико-семантическом поле родства кабардино-черкесского языка, проводит анализ фразеологических единиц, связанных с понятием родства, выявляет культурные коннотации и строит типологию культурных кодов родства. В результате исследования ученым выделены следующие коды: соматический, зоонимный, фитонимический, мифологический, природный, предметный, гендерно-возрастной и пищевой. Это позволяет говорить о том, что отдельные лексемы, передающие значение родства в адыгских языках, могут использоваться во вторичной номинативной функции [Езаова, 2017].

Коблева З.Х. рассматривает понимание семьи в адыгской культуре в условиях современного общества. Исследуется семья в контексте взаимодействия, межличностной коммуникации и социальных связей. Отдельное вни-

вание уделяется характеристике семьи как системе устойчивых связей между индивидами на основе межличностной коммуникации, способствующей сохранению института семьи и брака. Исследователь полагает, что в процессе глобализации особое значение приобретает ценность семьи, поскольку «дальнейшее социокультурное развитие общества не может основываться только на традиционных формах существования семьи и семейных ценностях. Возрастает необходимость сохранения семьи как эффективного механизма функционирования социального института в соответствии с новыми культурно-историческими условиями» [Коблева, 2021: 72].

Вопрос трансформации современной адыгской семьи и семейных ценностей в условиях реформирующегося общества рассмотрен Д.А. Калашаовой и А.А. Безруковым. Авторы приходят к заключению о том, что с течением времени, развитием глобализации и интеграции современного мирового сообщества традиционные семейные ценности адыгов «размываются», изменяется этика внутрисемейных отношений. Авторы также призывают адыгов сохранить основу традиционной семьи и национальной культуры и традиций [Калашаова, Безрукова, 2016].

Анализ основных тенденций изменения социального положения, структуры и функций кабардинской семьи на современном этапе проводится в работе Думанова Х.М. Рассматриваются проблемы семейного быта, состава, численности и структуры семьи, а также внутрисемейные отношения. Все это освещается с использованием диахронического метода исследования, т.е. описываются как традиционные моменты семейной жизни, так и инновационные [Думанов, 1971].

Диссертационная работа С.Д. Берзеговой посвящена терминам, выражающим разные виды родства, исторически сложившимся родственным связям и отношениям, организационному строению семьи и механизмам ее функционирования. Также здесь рассматриваются традиционные обряды и ритуалы как способ реализации семейных отношений [Берзегова, 2008].

В работе И.Х. Шортаевой [Шортаева, 2004] рассматриваются традиционные и современные аспекты кабардинской семьи, а также процессы эволюции, вызвавшие изменения как самой кабардинской семьи, так и внутрисемейных отношений. Автор наблюдает тенденцию к деградации этнической самобытности кабардинцев, что воплощено в языке, традициях, обычаях и т.д., и считает необходимым принятие на государственном уровне определенных практических мер с целью предотвращения такого хода событий

Выводы

В данной главе в первую очередь рассмотрены ключевые положения теоретического языкознания и, в частности когнитивной семантики, связанные с концептуализацией и категоризацией, с пониманием ЯКМ, отличием последней от концептуальной картины мира. Эти термины, равно как и научная парадигма, их породившая, возникли благодаря отмежеванию ученых от традиционного взгляда на язык как на системно-структурное образование, который долгие годы господствовал в лингвистике. Вместе с тем конец XX века ознаменован в науке появлением когнитивной лингвистики, которая опирается на антропоцентрический подход к осмыслению языка. Этот новый подход в первую очередь предполагает изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и его духовно-практической деятельностью [Болдырев, Кубрякова, Постовалова и др.]. Основное внимание в языковых исследованиях переносится в этой связи на исключительную роль человека в языке и языка в человеке.

Анализ теоретической литературы вопроса позволил нам прийти к важному выводу о том, что **именно отечественные авторы** концепции человеческого фактора в языке убедительно продемонстрировали, что до появления на Западе когнитивной лингвистики **в отечественной науке** уже развивалось ономаσιологическое направление в рамках языковой номинации, которое, по свидетельству ведущих отечественных ученых (см. например,

работы Е.С. Кубряковой), явилось предтечей когнитивной парадигмы научных исследований. Вместе с тем при обсуждении такого важного понятия как *языковая картина мира* (ЯКМ) мы пришли к выводу о том, что ее роль неоднозначно понимается в разных лингвистических школах. Так, З.А. Попова и И.А. Стернин считают, что ЯКМ - это «ограниченная и к тому же “наивная” картина мира», поскольку в любом языке вербализуется не все, что есть в сознании народа [Попова, 2001:68]. Соглашаясь этим мнением, мы не можем безусловно принять другую точку зрения уважаемых ученых, согласно которой «языковая картина мира в значительной степени представляет для исследователя-лингвиста лишь исторический интерес, поскольку она отражает состояние восприятия действительности, сложившееся в прошлые периоды развития языка в обществе. По языковой картине мира нельзя судить о современных представлениях этноса о мире, об актуальной концептосфере народа» [2001: 68]. С точки зрения того, что ЯКМ представляет собой наивную картину мира, авторы правы. Но это справедливо только отчасти, как нам кажется: да, картина мира, прорисованная в наивной анатомии, физиологии, наивной геометрии любого народа, возможно, устарела и не отвечает современным представлениям об устройстве мира, но при этом вряд ли справедливо рассматривать ее значимость исключительно с исторической точки зрения. Это не должно приводить к отказу от понятий, связанных с семейными отношениями, родством, принципами становления и устройства семьи, а также от замечательных ценностей, на которых зиждется национальная идентичность народа (в данном случае адыгского) и которые находят отражение в языковой картине мира. Безусловно, представления о мире меняются, но в языковом сознании носителей современного КЯ, в концептосфере народа в неизменном виде сохраняются такие концепты, как *брак*, освященный веками, *муж*, *жена*, *родители* и под. Если по языковой картине мира нельзя судить о современных представлениях этноса о мире, об актуальной концептосфере народа, то по какой другой картине можно вывести эти суждения?

В нашем исследовании также широко обсуждается термин «лакуна», прослеживается история его возникновения и появления в русском языке. Появившись несколько столетий назад, он стал популярным во многих точных и естественных науках. В соответствующем разделе показано, что в гуманитарных исследованиях этот термин появился сравнительно недавно, с конца 50-х гг. XX-го столетия, благодаря франко-канадской лингвистической школе и, в частности таким именам, как Ж.П. Вине, Ж. Дарбельне, которые ввели в научный оборот.

В отечественной лингвистике этот термин был впервые упомянут в начале 60-х годов XX столетия Ю.С. Степановым: он назвал их «белыми пятнами на семантической карте языка, незаметными изнутри человеку, владеющему только одним языком», косвенно указывая на то, что лакуны наиболее ярко проявляются при контрастивном анализе языков.

Вместе с тем, как показано в работах ученых, лакунарность имеет место не только на межъязыковом, но и на внутриязыковом уровне. Это связано с тем, что несмотря на известный и разделяемый большинством лингвистов мнение о том, что лексика представляет собой систему, она не является достаточно жесткой, в силу чего в ней постоянно обнаруживаются, по замечанию В.Г. Гака, пропуски и незаполненные места.

Появление и развитие когнитивной лингвистики в последние годы вызвали к жизни этнографические, национально-психологические и т.д. лакуны, которые в современной науке функционируют под общим названием «культурологические». Так, например, давно известные и рассматриваемые в традиционной лингвистике паралингвистические средства языка получили новое освещение и интерпретируются как кинесические, поведенческие лакуны, лакуны фоновых знаний.

В связи с этим с позиции современных лингвистических исследований, проводимых в русле межкультурной коммуникации, лакуна определяется как специфический элемент национальной культуры, нашедший соответствующее отражение в языке и речи носителей этой культуры, который либо пол-

ностью не понимается, либо недопонимается носителями иной лингвокультуры в процессе коммуникации.

В работе также выявлено, что до настоящего времени единого толкования ключевого термина *лакуна* не существует. И это порождает, естественно, разное понимание не менее важных терминов лакунологии: *реалия* и *безэквивалентная лексика*, которые тесно связаны с понятием лакуны. В зависимости от теоретических установок исследователи вкладывают в них разные смыслы, порой взаимоисключающие. Что касается безэквивалентной лексики, то здесь большинство ученых согласны с тем, что термин «безэквивалентная лексика» употребляется для обозначения отсутствия эквивалентного соответствия лексических единиц в словарном составе двух сравниваемых языков. В этом смысле перед нами в общем случае явление лакуны. Отмечается также, что сложнее обстоит дело с понятием «реалии», относительно которого в настоящее время в лингвистике наметились две противоположные точки зрения: одни ученые считают, что *реалия* – понятие экстралингвистическое и не может «переводиться», т.е. фраза «перевод реалий звучит» не совсем корректно. Другие (Л.С. Бархударов) – склонны полагать, что реалии – это слова, которые обозначают «предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке». В заключение отмечается, что проанализированный материал позволяет нам придерживаться первой точки зрения.

ГЛАВА 2. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ СЕМЬИ И РОДСТВА В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

2.1. Русско-кабардинский билингвизм как основа формирования ономасиологических средств категоризации семьи и родственных отношений в кабардинской лингвокультуре

Одна из задач нашего исследования заключается в анализе особенностей функционирования терминов родства в рассматриваемых языках в референтной функции, т.е. в качестве референтных имен, а также в качестве апеллятивов или вокативов (в дальнейшем термины будут использованы нами синонимично). В специальной литературе на материале английского и русского языков имеется разнообразный справочный материал (в том числе цифровые ресурсы разного уровня), который позволяет проследить особенности использования английских и русских терминов родства в качестве апеллятивов.

Что касается КЯ, наши возможности в силу целого ряда причин сильно ограничены: на данный момент мы не располагаем, как было указано выше, национальным корпусом письменных и устных текстов, картотекой примеров устного общения в разных сферах жизни. В связи с этим мы использовали тексты художественной литературы, а также картотеку устных текстов Р.С. Кимова, научного руководителя, который любезно разрешил нам воспользоваться материалами этой картотеки.

В этом разделе мы считаем полезным и информативным вкратце охарактеризовать специфику функционирования КЯ, которая предопределяется некоторыми факторами в условиях современной Кабардино-Балкарии. В частности, мы хотели бы высказать свои соображения о той языковой ситуации, которую мы имеем в КБР на сегодняшний момент, что позволит нам ответить на некоторые важные вопросы использования терминов искомой микросистемы.

На современном этапе развития человечества мы наблюдаем существенные и фундаментальные изменения во всей нашей жизни, в самом человеке, его мировоззрении, его самосознании, его культуре. Эти изменения не

могут естественным образом не затронуть и естественный язык как средство общения, которое представляет собой неотъемлемую часть культуры. Еще одной и, пожалуй, не менее существенной особенностью той цивилизационной ступени, имя которой «глобализация», на которой находится человек XXI века, является *киберкультура* (см. об этом также стр.52), которая, обобщенно говоря, заменила собой живое человеческое общение. Последнее, как известно, является одним из основных условий пополнения лексического состава языка, что обеспечивает его развитие.

В свете этой предварительной информации необходимо представить краткую информацию по языковой ситуации в Кабардино-Балкарии, которая позволит, на наш взгляд, пролить свет на особенности кабардино-русского билингвизма и на то, как эти особенности в условиях межкультурной коммуникации влияют на функционирование терминов родства.

Кабардино-Балкарская Республика – один из полиэтничных, поликультурных и полилингвальных субъектов России. Как явствует из официального названия республики, государственными языками на всей ее территории являются кабардинский, балкарский и русский. Отсюда применительно к КБР используют родовой термин «национально-русский билингвизм/двухязычие», имея в виду титульные языки республики. Нас, в соответствии с направлением исследования, определенном в начале работы, будет интересовать, естественно, кабардино-русский билингвизм и его особенности.

О термине «диглоссия» как разновидности билингвизма. Явлению билингвизма вообще, в том числе в условиях Северного Кавказа посвящено большое количество специальных исследований, выполненных в терминах социолингвистики, этнолингвокультурологии и лингводидактики. Здесь уместно отметить фундаментальные теоретические разыскания Н.В. Барышниковой [Барышников, 2003, 2010, 2017], авторские концепции которого получили широкое применение в теории и практике обучения иностранному языку, исследование Л.А. Хараевой [Хараева, 2000], посвященное теоретическим проблемам кабардино-русского двухязычия, выявленным и описанным до по-

явления указанных трудов. Количество специальных исследований можно было бы увеличить, но нам важно здесь отметить, что авторы, которые занимаются этими проблемами, зачастую избегают термин *диглоссия*, предпочитая синонимичные термины *двуязычие* и *билингвизм*.

Будучи проponentом теоретических установок указанных авторов, отметим, что мы поддерживаем несомненную роль и значимость русского языка, его жизненную необходимость как средства общения не только для народов России.

Вместе с тем, рассматривая языковую ситуацию в КБР, хотелось бы подчеркнуть, что мы живем в условиях *диглоссии* или диглоссной ситуации как разновидности *билингвизма*. Известно, что ученые выделяют несколько разновидностей билингвизма, в том числе и такие, как *чистый*, *смешанный*, *координативный* и *субординативный*, которые наиболее близки термину *несбалансированное двуязычие*. Диглоссия отличается рядом важных параметров, которые были выделены в середине прошлого века Ч. Фергюсоном [Фергюсон, 1989]. Так, в традиционном понимании данный термин толкуется, как ситуация сосуществования двух языков (находящихся в родстве или неродственных) или двух вариантов (идиом одного и того же языка) на одной территории. Каковы же отличительные черты *диглоссии*, не позволяющие считать его полным синонимом двуязычия или билингвизма?

Итак, в КБР задекларировано функциональное равноправие трех государственных языков – кабардинского, балкарского и русского. Нас будут интересовать кабардинский и русский языки. Рассмотрим основные параметры и будем подтверждать фактами языковой ситуации в КБР. Вслед за Ч. Фергюсоном будем использовать термины Н-язык (высокий язык, язык, который находится наверху и имеет широкое распространение). В нашем случае это будет русский язык, L-язык («низкий язык»), который имеет очень узкое распространение. Для диглоссии, по мнению Ч. Фергюсона, характерны следующие признаки: функциональное разделение языков. То есть русский (Н) в небытовых речевых ситуациях и «высоких» сферах применения (в религии,

науке и образовании, книжно-письменной культуре) и кабардинский (L), являющийся родным для носителя и принятый в бытовой речи и письменности и «низких» жанрах художественной литературы.

Н-язык в массовом сознании данного общества считается более престижным, и вследствие этого даже некоторые носители родного языка отказываются изучать его в школе. Н-язык для территорий с пестрым этническим составом отличается экзогlossenностью, т.е. является надэтничным. И это мы считаем положительным моментом, иначе продуктивная коммуникация была бы невозможной: ведь мы постигаем мир через русский язык. Русским языком овладевают через «школу». Русский язык является высоко кодифицированным в силу его более интенсивного обращения в письменной культуре.

Сказанное свидетельствует о том, что мы живем в условиях диглоссии. При этом возникает самый главный вопрос, а это хорошо или плохо? В этих терминах нельзя отвечать на этот вопрос. Необходимо сказать, что это объективная ситуация, возникшая не по умыслу какого-либо индивида. Функциональное распределение языков – процесс объективный и необратимый. Мы живем в чисто диглоссной ситуации, поэтому обучение сельских детей русскому языку надо осуществлять по особой методике, сквозь призму родного языка. Это поможет сельским детям закрепить структуры русского языка и правильно их использовать в будущем.

Поскольку их успех в республике и за его пределами зависит от высокого уровня владения русским языком, при помощи которого – надо это признать со всей ответственностью – мы постигаем внешний мир. Если это не сделать сейчас, *киберкультура*, которая становится частью нашей жизни (особенно чаты, соцсети), разрушит, или, скорее, размочит «неокрепший» русский язык наших детей и низведет его до такого уровня, который не только не позволит им сделать карьеру, но и сведет их коммуникативные компетенции до крайне низкого уровня. А хороший русский язык с нормальным грамматическим фундаментом, с хорошим запасом лексических средств – это залог успешного освоения любого иностранного языка.

Используя блага *киберкультуры*, необходимо создать двуязычные программы. Крайне необходимо создание национального корпуса кабардинского языка, в том числе и двуязычного (русско-кабардинского) корпуса устного дискурса, что должно помочь, с одной стороны, сохранению и развитию КЯ, а с другой – обеспечить высокий уровень владения русским языком.

Как мы увидим ниже, при анализе функционирования терминов родства, русский язык, имея богатейший арсенал морфологических средств, обеспечивает КЯ как лексическими единицами, так и морфологическими средствами (в условиях диглоссии). Иными словами, при необходимости использования референтных имен в качестве вокативов или для выражения эмоционального отношения детей к родителям и наоборот носители КЯ прибегают к русскому языку.

2.1.1. Специфика лексикализации родства в свете типологических характеристик кабардинского языка

В данном разделе мы кратко остановимся на одной из важнейших типологических характеристик КЯ – словосложении как одном из основных способов знакообразования, в т.ч. формирования и обогащения терминов родства. Естественный язык при означивании фрагментов действительности, т.е. при формировании языковой картины мира, как правило, опирается на наличные ресурсы языка.

Так, например, в рассматриваемой терминосистеме в случае отсутствия номинативных единиц для создания того или иного термина КЯ широко прибегает к словосложению. При этом он использует такие разновидности сложных образований, которые Э. Бенвенист назвал *двандва*, т.е. слова с простой двучленной структурой. Классические примеры такого типа, по мнению ученого, представлены в ведийском языке. Ср. *dyāvāpṛthivī* «небо-земля» и *pitārāmātārā* «мать–отец» [Бенвенист, 1974: 242]. Кстати, такой же тип сложных образований в русском языке идентифицировал еще А.А. Потебня, который отмечал, что в подобных комплексах сочетающиеся компо-

ненты равноправны и не вступают в отношения зависимости, вследствие чего все компоненты сочетания оказываются одинаково сильными [Потебня, 1958: 218]. По мнению Р.С. Кимова [2008], хотя примеры подобного рода немногочисленны в русском и английском языках, они представляют собой значительный пласт лексики и играют при этом чрезвычайно важную роль в системе ономаσιологических средств КЯ. Так, например, при отсутствии в КЯ номинативных средств для наименования суперординатного уровня категоризации, он широко опирается на сложные комплексы именно этого типа. Например, для обозначения денотата русской лексемы *родители* КЯ использует сложное слово *адэ-анэ*, букв. *отец-мать* (ср. русск. *родители*, англ. *parents*, фр. *les parents*) [Кимов, 2008:15]. Такое сложное образование очевидно, в точности повторяет структуру примера, заимствованного из указанной работы Э. Бенвениста: компоненты можно менять местами, но при этом означаемое композита не меняется. Ср. *анэ-адэ* (=адэ-анэ), букв. *мать-отец*. Вместе с тем даже при наличии такого продуктивного способа создания новых наименований КЯ иногда «испытывает» трудности при обозначении родственных отношений (как кровных, так и некровных) ввиду отсутствия гиперонимических (обобщенных) названий.

Именно здесь нам представляется необходимым обратиться к идеям В.Л. Муравьева, который, как мы уже указывали, является одним из первых и серьезных разработчиков теории лакунологии в отечественной лингвистике. Известный ученый с сожалением отмечает, что отсутствие родовых названий и не только в системе терминов родства, равно как и абстрактных понятий, наводит некоторых исследователей на ложные представления о том, что именно этот факт является показателем отсталости народа, недоразвитости его мышления.

Далее он выдвигает методологически очень важную мысль о том, что «отсутствие в одном из языков общего родового термина далеко не всегда свидетельствует об «отсталости», «недоразвитости» этого языка, а также не всегда является пережитком первобытного мышления, еще не выработавшего абстрактные категории» [Муравьев, 1975: 37]. Ученый справедливо полагает,

что его исследование, в первую очередь, свидетельствует о том, что векторные видовые лакуны являются ярким отражением жизни народа, особенностей принципов категоризации действительности, принятых в данной лингвокультуре. В этой связи они демонстрируют разную значимость тех или иных понятий в определенный период развития конкретно взятой цивилизации [Муравьев, 1975].

В связи с этим приведем высказывание известного ученого – типолога Б. Хайне в нашем переводе: «[Human] beings, irrespective of whether they live in Siberia or the Kalahari Desert, have the same intellectual, perceptual and physical equipment; are exposed to the same general kinds of experiences; and have the same communicative needs (...) [Yet] there are considerable differences across cultures in the way the environment is conceptualized and communication achieved» [цит. по: Lapaire, 2017]. «Люди, независимо от того, где они проживают – будь то Сибирь или пустыня Калахари – наделены одними и теми же интеллектуальными характеристиками, устроены физически одинаково, обладают одной и той же способностью адекватного восприятия окружающей действительности, переживают один и тот же жизненный опыт и имеют одни и те же коммуникативные потребности (...) [Однако] иногда наблюдается разительный контраст между тем, как создается языковой образ мира (как осмысливается мир) представителями разных культур и осуществляется взаимопонимание между ними».

Думается, что идеи зарубежного ученого служат хорошим аргументом в пользу рассуждений отечественного ученого.

2.1.2. Категоризация семьи и родственных связей в кабардинском, русском и английском языках

Как известно, термины родства представляют собой названия кровных родственников и свойственников (родственников по браку). Термины родства представляют собой часть словарного состава любого языка, но при этом принципы классификации или группировки этих терминов могут претерпе-

вать изменения в зависимости от исторических условий, социального устройства, культурных традиций конкретно взятого общества.

В общем случае все три лингвокультуры, которые вовлечены в настоящий анализ, располагают названиями кровных родственников и свойственников, при этом каждый из языков имеет свои гиперонимы (родовые обозначения) кровного и некровного родства. Ср. пары терминов в трех языках: русск. *родство* и *свойство*; англ. *in-lawship* – *in-laws* (или *co-in-laws*); каб. *Ихьлы* и *благьэ*.

В табл. 1 и 2 представлены варианты терминов кровного родства и родства по браку или узаконенных отношений в исследуемых языках.

Таблица 1

Кровное родство

Мать	Mother	Анэ
Отец	Father	Адэ
Сын	Son	Къуэ
Дочь	Daughter	Пхьу
Брат	Brother	Къуэш, дэльху
Сестра	Sister	Шыпхьу
Дедушка	Grandfather	Адэшхуэ
Бабушка	Grandmother	Анэшхуэ
Внук	Grandson	Къуэрыльху, пхьурылху
Внучка	Granddaughter	Къуэрыльху, пхьурылху
Племянник	Nephew	Къуэшырыльху, шыпхурыльху
Племянница	Niece	Къуэшырыльху, шыпхурыльху
Дядя	Uncle	Адэкьуэш, анэдэльху
Тетя	Aunt	Адэшыпхьу, анэшыпхьу
Двоюродный брат/сестра	Cousin	Адэкьуэшым (анэдэльхум, адэшыпхьум, анэшыпхьум) и къуэ (ипхьу)

Родство по браку или узаконенные отношения

Золовка (сестра мужа)	Sister-in-law	Пщыпхъу
Свояченица (сестра жены)	Sister-in-law	Щыкъу хъыджэбз
Свояк (муж свояченицы)	Brother-in-law	Мальхъэгъу
Деверь (брат мужа)	Brother-in-law	Пщыкъуэ
Шурин (брат жены)	Brother-in-law	ыкъу щлалэ
Свекровь (мать мужа)	Mother-in-law	Гуацэ
Теща (мать жены)	Mother-in-law	Щыкъу анэ
Невестка (жена сына)	Daughter-in-law	Нысаццэ
Сноха (жена брата)	Daughter-in-law	Нысэ
Тесть (отец жены)	Father-in-law	Щыкъу адэ
Свекор (отец мужа)	Father-in-law	Тхъэмадэ, пщы
Мачеха	Stepmother	Анэнэпцэ
Отчим	Stepfather	Адэнэпцэ, мыльхуадэ
Падчерица	Stepdaughter	Мыльхупхъу
Пасынок	Stepson	Мыльхукъуэ

Прокомментируем некоторые термины родства. В табл. 1, как и ожидалось, мы находим соответствия во всех трех языках (ср. *мать*, *отец* и их корреляты в английском и русском языках). При этом формальная простота кабардинских единиц свидетельствует о том, что слова *адэ* и *анэ* принадлежат к наиболее древнему слою словарного состава. То же самое можно сказать и о терминах *къуэ* (*сын*) и *пхъу* (*дочь*).

На этом сходства, пожалуй, заканчиваются, и уже при сравнении терминов *брат* и *сестра* мы сталкиваемся со спецификой представлений родства по боковой линии. Так, в русском языке имеется термин *брат* (ср. англ. *brother*), который определяется как «сын тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям» (СО).

Определение довольно сложное, на наш взгляд, поэтому мы считаем возможным при представлении системы родства (особенно в КЯ) воспользоваться термином EGO, который используется в современных работах по этнологии. Данный термин обозначает индивида, от которого отсчитывается родство. Оказывается, что при категоризации кровного родства в кабардинской лингвокультуре, в отличие английского и русского языков, пол EGO играет ведущую роль. Так, в русском языке сын тех же родителей, что и EGO, именуется термином *брат* (ср. англ. *brother*). При этом пол EGO роли не играет.

Для облегчения восприятия материала возьмем несколько самых популярных русских имен – мужских – Иван, Егор и Ольга и представим, что все они члены одной семьи. Если в качестве EGO возьмем Ивана, то Егор по отношению к нему является братом. В качестве EGO может также выступать Ольга. И в этом случае они будут именоваться термином *брат*. В КЯ категоризация братьев и сестер осуществляется на иных принципах: с точки зрения Ольги они должны категоризоваться в иных терминах, а именно *дэльху*. Сравним три фразы с одинаковым семантическим содержанием:

- (1) (Мой) брат приедет в субботу.
- (2) (My) brother is coming on Saturday.
- (3) Си **къуэшыр** щэбэтым къуокъуэ.
букв. *Мой- брат- суббота- приезжает*
- (4) Си **дэлхур** щэбэтым къуокъуэ.
Мой- брат - суббота- приезжает

Любопытно, что говорящий в примерах 1–2 может быть как лицом женского, так и мужского пола. Кабардинские примеры (3–4) передаются на русский язык аналогично примерам 1–2. Но в примере (3), с точки зрения КЯ, говорящий является лицом мужского пола, в то время как в (4) – это лицо женского пола, т.е. брат с точки зрения сестры – *дэльху*. Здесь мы наблюдаем скрытую категоризацию гендера, которая «выносится» на поверхность лексемой *дэльху*. Здесь же начинается межъязыковая (русско-кабардинская) ла-

кунарность: русский язык (как, впрочем, и английский) не видит разницы в категоризации ситуации в зависимости от гендерной принадлежности говорящего (о лакунах такого типа, которые мы вслед за В.Л. Муравьевым назвали векторными, см. ниже). Итак, в КЯ общего термина, который бы семантически соответствовал термину *брат* не существует. Кроме этого в русском языке отсутствует родовой термин, обозначающий дедушку и бабушку. Для номинации данного понятия КЯ прибегает к словосложению (ср. *анэшхуэ-адэшхуэ*, букв. ‘большая мать-большой отец’ по аналогии с *анэ-адэ*. В английском языке для обобщенного обозначения соответствующих денотатов существует термин *grandparents*.

Здесь следует также обратить внимание на любопытный момент: если в английском языке для обозначения родственников второй степени по восходящей линии (ср. *дедушка* и *бабушка*) существует *grandparents*, букв. *большие родители*, то в соответствии с логикой можно было бы ожидать наличие термина с противоположным значением, обозначающим внука или внучку (ср. *маленькие дети*). Однако для обобщенного обозначения родственников второй степени по нисходящей линии, т.е. внука или внучки, английский язык и в этом случае использует элемент *grandchildren*. Мы не нашли объяснения этому факту, кроме того, что есть указание на то, что со времен королевы Елизаветы традиционно внуки и внучки стали именоваться термином *grandchildren*. Любопытно при этом, что во французском языке, из которого английский язык заимствовал этот термин, для обозначения старшего и младшего поколений второй степени родства (*бабушка* vs *дедушка*, с одной стороны, и *внук* vs *внучка* – с другой, – существуют следующие пары терминов, которые более логично отображают восходящую и нисходящую линии родства. Ср. фр. *grandparents*, букв. *большие родители* и *petites-enfants*, букв. *маленькие дети*.

В КЯ существуют два гиперонима, обозначающих детей, рожденных от сыновей и дочерей. Ср. *кьуэ-ры-лэху* (сын – интерфикс – родить), букв. *рож-*

денный от сына; пхъу-ры-лъху (дочь – интерфикс – родить), букв. *рожденный от дочери*. Вместе с тем в современной кабардинской лингвокультуре чаще используется термин *внук* и *внучка* (ср. *си внукыр* и *си внучкэр*).

В английском языке существует специальный термин *siblings* для обозначения братьев и сестер. В русском языке обобщающего термина для обозначения родных братьев и сестер не существует.

Из приведенных данных видно, что в русском языке система терминов родства лексикализуется более разнообразно, чем в английском и кабардино-черкесском языках. Одним из основных факторов такого положения можно считать наличие разветвлённой системы морфологических средств. Почти все термины кровного родства в исследуемых языках обозначаются одним словом, а значит, осознаются как очень близкие отношения в данных культурах.

Надо заметить: в русском языке *двоюродный* и т.д. *брат/сестра*, а в английском языке имеется слово *cousin*, обобщенно называющий понятие «неродной, не первой линии родства» брат/сестра, что может говорить о том, что в английской культуре родство по крови даже и не первой линии воспринимается как очень близкое. В кабардино-черкесском языке данный термин выражается описательно: адэкъуэшым (анэдэльхум, адэшыпхъум, анэшыпхъум) и къуэ (ипхъу), что в переводе звучит буквально как: сын отцовского брата (русск. двоюродный брат) и дочь отцовского брата (русск. двоюродная сестра)

Что касается узаконенных отношений (свойствó), можно заметить, что в русском языке термины родства также выражены одним словом, а в английском языке словосочетанием *-in-law* или префиксом *step-* (*mother – mother-in-law, father – father-in-law, son – stepson* и т.д.). Надо отметить, что термины, подобные *mother-in-law*, уже в среднеанглийском были сложными словами – *modyr in lawe*, т.е. в английской культуре эти отношения исторически рассматриваются как не очень близкие.

Однако в современном русском языке в последнее время наблюдается тенденция, в соответствии с которой некоторые единицы описываемой группы

выходят из употребления: например, термины, обозначающих родство через брак, такие как: *деверь, шурин, сноха, золовка*. Они заменяются лексемами типа *невестка* (вместо *сноха*) или описательными конструкциями, например, *сестра жены* (вместо *свояченица*), *брат жены* (вместо *шурин*) и др.

Важно также отметить, что русская и английская лингвокультуры полагают терминами, которые обозначают родство по крещению (ср. *крестный/крестная* и *Godfather* и *Godmother*). Крестный и крестная по другой терминологии именуются как *восприемники*. В соответствии с христианским вероучением восприемник (ср. англ. *successor, sponsor, fidejussor*) – это крестный, который в таинстве крещения выступает как свидетель, поручитель за веру крещаемого, обязанный наставлять его в правилах христианской жизни [<https://azbyka.ru/восприемник>]. Ср. определение *Godfather* в английских источниках (*A man present at the christening of a baby who promises to help raise the child in a Christian manner; a male godparent who sponsors the baptism of a child* – лицо мужского пола, которое присутствует в качестве свидетеля при крещении ребенка и ручается за воспитание восприемника (*sponsor*) в духе христианских традиций).

В это же время в кабардинской лингвокультуре в силу религиозной принадлежности этноса (ислам) семантические корреляты таких терминов, как *крестный/крестная* (ср. *Godfather, Godmother*) существовать не могут. Однако наличие или отсутствие языковой привязки концепта не влияет на факт его существования в сознании кабардинцев как единицы мышления.

Как известно, в нашем сознании существует большое количество невербализованных, неязыковленных концептов. Причины «ословливания» концепта или отсутствие такового в конкретном обществе в определенный период его развития может быть объяснено коммуникативной значимостью того или концепта. Так, в русской лингвокультуре особое место занимают такие понятия и концепты, обозначаемые терминами *кум, кума, кумовья*, понятийные корреляты которых отсутствуют в английском, а тем более в

кабардинском языках (о терминах крестильного родства см. работу С.М. Толстой [2009, с. 14 и далее].

В соответствии со словарем [Википедия] *кум* и *кума* – это по другой терминологии крестные родители одного крестника (крестницы) по отношению друг к другу, а также к родителям крестника (крестницы). Говоря иными словами, физический отец ребенка может обращаться к крестному (духовному) отцу своего ребенка как к своему куму и называть его этим же апеллятивным именем и наоборот. Также и по отношению к матери.

Данные примеры свидетельствуют о том, что вербальная единица может отсутствовать в определенном языке (ср. кабардинский язык), но при этом в когнитивном сознании этноса, т.е. кабардинцев, этот концепт вполне может существовать. Отсутствие единицы – показатель коммуникативной нерелевантности данного концепта для народа: то есть данному народу в силу определенных причин нет необходимости обсуждать этот концепт, поэтому он его и не вербализует. Причины вербальной неактуальности концепта, по мнению И.А. Стернина представляют собой интересную и перспективную задачу для «лингвокультурологического и социального анализа» [Стернин, 2016:52].

2.2. Эпидигматическое развитие семантической структуры лексемы *family* и ее коррелятов в русском и кабардинском языках

Предварительные замечания. Данный раздел посвящен описанию специфики концептуального расширения семантической структуры лексем, вовлечённых в анализ. Прежде чем приступить к собственно анализу в предлагаемых терминах, мы считаем необходимым: а) определиться с термином «лексико-семантический вариант» (ЛСВ), к которому мы часто обращаемся в нашем исследовании; б) указать ключевые русско- и англоязычные лексикографические источники, на которых строится наше исследование.

Так, термин «лексико-семантический вариант» введен в научный обиход отечественным лингвистом А.И. Смирницким, который отмечает, что лексико-

семантические варианты слова (ЛСВ в дальнейшем изложении) «различаются своими лексическими значениями (причем различие между этими значениями не выражается в их звуковых оболочках)» [Смирницкий, 1954: 34].

Мысли А.И. Смирницкого были впоследствии развиты известным ученым А.А. Уфимцевой, которая предложила вслед за А.И. Смирницким под ЛСВ понимать слово в одном из его значений, т.е., несомненно, двустороннюю единицу языка. Вместе с тем, будучи одним из сложных и спорных терминов лексической семантики, в литературе вопроса он получает различную интерпретацию. Так, иное определение ЛСВ, отличное от предложенного А.И. Смирницким, находим в энциклопедии «Русский язык», в которой лексико-семантический вариант (ЛСВ) приравнивается к лексическому значению слова: ср. «простейшая единица (элемент) смысловой структуры многозначного слова – его лексико-семантический вариант (ЛСВ), т.е. лексическое значение [РЯЭ: 455]. Не вызывает сомнений то, что при таком осмыслении ЛСВ представляет собой одностороннюю единицу (принадлежащую плану выражения). В нашем понимании ЛСВ мы придерживаемся первой точки зрения. Вместе с тем с определенной долей условности мы иногда используем ЛСВ и значение слова синонимично, памятуя, однако, о том, что ЛСВ – единица двусторонняя: имеет план содержания и план выражения (ср. у слова *семья* – 3 ЛСВ, или 3 значения). Вместе с тем А.И. Смирницкий отмечал, что такое понимание дает возможность «выделить у слова *oil* два значения, а тем самым и два лексико-семантических варианта этого слова: (1) вариант *oil* – масло и (2) вариант *oil* – нефть» [Смирницкий, 1998: 157]. Иногда для обозначения слова в одном из его значений используется также термин «лексема». Под термином «лексема» мы в работе понимаем совокупность всех форм и значений многозначного слова, также – синонимично – слово в одном из его значений.

Мы хотели бы обратить также внимание на то, что семантический анализ лексикографического материала русского языка опирается на материалы

сайта <https://gufo.me/>, который представляет собой одну из «самых больших коллекций словарей и энциклопедий на просторах русского сегмента Интернета». Случаи обращения к другим сайтам или онлайн-лексикографическим источникам будут специально оговариваться. Для удобства оформления ссылок вместо полного название словаря может использоваться сокращенный вариант (словарь Ожегова) или аббревиатура (СОШ).

Лексикографический материал английского языка в основном отобран нами из словаря «The Free Online Dictionary by Farlex»¹, который представляет собой бесплатную коллекцию энциклопедий и словарей английского языка, в котором содержатся перекрестные ссылки на такие словари, как «The American Heritage Dictionary of the English Language», «The Collins English Dictionary», «The Columbia Encyclopedia», «The Computer Desktop Encyclopedia», «The Hutchinson Encyclopedia» and «Wikipedia». При необходимости некоторых уточнений, а также поиске отсутствующей информации мы обращаемся к другим словарям, что дополнительно оговаривается.

Итак, в словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (далее – СОШ) семантическая структура лексемы *семья* представлена тремя ЛСВ, которые определяются следующим образом:

(1). Группа живущих вместе близких родственников. Многодетная семья; глава семьи; член семьи; в семье трое детей.

(2). Перен.: объединение людей, сплочённых общими интересами (высок.). *Дружная школьная семья. Студенческая семья.*

(3). Группа животных, птиц, состоящая из самца, самки и детёнышей, а также обособленная группа некоторых животных, растений или грибов одного вида. *Семья медведей. Семья бобров. Пчелиная семья (группа из рабочих пчёл, матки и трутней). Семья берёз. Семья груздей.*
[<https://gufo.me/dict/ozhegov/семья>]

Как видно из словарного представления лексемы *семья*, ЛСВ 2 подается с пометой «переносное», в то время как ЛСВ 3 не маркируется никакими

¹ иногда в работе мы ссылаемся на него как Farlex, для краткости, или указываем конкретный словарь, из которого взят материал, например, American Heritage или в виде аббревиатуры AHД.

пометами. Для того, чтобы понять принципы лексикографического представления лексемы в данном и других толковых словарях русского языка, раскроем значение прилагательного *переносный* в том словаре (СОШ). Итак, данное прилагательное представлено в нем двумя значениями, или ЛСВ. Ср.: 1. Приспособленный для переноски. *Переносная лампа*. 2. Перен.: о смысле, значении слова, выражения: небуквальный, не прямой, метафорический. Иными словами, прилагательное *переносный* служит для выражения не буквального, а метафорического смысла. Здесь необходимо, на наш взгляд, рассмотреть, какой смысл вкладывает тот же словарь в прилагательное *метафорический*, т.е. как авторы словаря понимают метафору. Последняя в словаре Ожегова определяется как «вид тропа, скрытое образное сравнение, уподобление одного предмета, явления другому (напр. *чаша бытия*), а также вообще образное сравнение в разных видах искусств (спец.)».

Очевидно, что данная дефиниция может быть применима в ЛСВ 2 с очень большой натяжкой: в иллюстративных примерах к данному ЛСВ, *viz. дружная школьная семья и студенческая семья*, мы не можем однозначно сказать, что в таких случаях мы имеем дело с образным сравнением. Мы склонны считать, что понимание метафоры как тропа лучше подходит для объяснения и интерпретации стилистических явлений типа *вьюга злится, вьюга плачет, лес удивленно закачал вершинами и т.д.*

В наших примерах метафора может быть проинтерпретирована как когнитивный механизм переноса наименования с одной области – исходной (ср. *группа родственников*) на другую – целевую (ср. *группа единомышленников*). Как видно, и та, и другая области представляют собой группу людей, поэтому использование одного и того же имени для их обозначения представляет собой механизм обогащения концептуального содержания или же семантического расширения смысловой структуры слова.

Отсюда можно сделать вывод о том, что мы имеем дело в таких примерах с явлением семантическим, а не стилистическим. Тогда возникает закономерный вопрос: почему этот же самый лексикографический источник не сопровождает дефиницию значения 3 идентичной пометой – *перен.*? На этот

вопрос у нас ответа нет. Скорее всего, это принцип лексикографического представления искомого слова, избранный авторами. В самом деле, иллюстративные примеры, сопровождающие ЛСВ 3, больше подходят для их интерпретации как метафорических, поэтому текст данной дефиниции мог бы быть подан с искомой пометой, но словарь не считает нужным сделать это.

Вернемся теперь к семантической структуре искомой лексемы. Так, в тексте дефиниции ЛСВ 1 «группа живущих вместе близких родственников» имеются в виду люди. В то же время в дефиниции ЛСВ 3 мы наблюдаем смысловый синкретизм: под нее можно равновелико подвести: животных, насекомых, растений. Более того, довольно интересную категоризацию семьи мы наблюдаем в примерах типа (*продаю семью фазанов для разведения – одного петуха и три курочки*). Подходит ли в таком случае дефиниция ЛСВ 3, в которой указывается, что семья – это группа животных, птиц, «состоящая из самца, самки и детёнышей»? Подытоживая рассуждения, можно отметить, что проблема переносных смыслов, образной концептуализации фрагментов окружающей действительности является сложной: ЛСВ 3 имеет, образно говоря, «больше прав» на сопровождение пометой *переносное*, чем ЛСВ 2.

Рассмотрим теперь концептуальное расширение этой лексемы, представленное в других словарях. Словарь Д.И. Ушакова (далее ТСУ) определяет лексему *семья* в одном единственном значении, как *группу людей, состоящую из родителей, детей, внуков и близких родственников, живущих вместе* [<https://gufo.me/dict/ushakov/семья>]. При этом интересно, что ЛСВ 2, выделенное словарем (СОШ) с пометой *перен.*, представлено в ТСУ как контекстное употребление, а не самостоятельное значение (ср. *перен.*: *организация, группа людей, дружная и сплоченная общими интересами. Не пускать паразитов в семью трудящихся. Наша кооперативная семья увеличилась*).

При этом, как видно, в этом словаре не представлен ЛСВ 3 как в СОШ, т.е. авторы ТСУ полагают, что такие примеры, как *семья бобров, семья берез, пчел* и т.д., не могут служить в качестве иллюстративных примеров ни к одному из значений искомой лексемы *семья*. Более того, СОШ считает примеры типа *студенческая семья*, относящимися к высокопарной речи, которая определяется как «чрезмерно торжественная, украшенная». При этом, одна-

ко, ТСУ не считает фразы *не пускать паразитов в семью трудящихся* и *наша кооперативная семья увеличилась* принадлежащими к высокопарной речи и, следовательно, не сопровождает их соответствующей пометой.

Любопытно, что словарь А.П. Евгеньевой (далее МАС) сохраняет структуру словаря СОШ, но при этом значение *группа одинаковых растений, растущих рядом*, реализуемое в примере *семья опят*, этот словарь считает переносным употреблением, а не самостоятельным значением и сопровождает эту дефиницию пометой *перен.*, что означает реализацию метафорического значения в приведенных примерах, хотя словарь СОШ не считает их метафорами.

Рассмотрим теперь лексикографическое представление лексемы *family* по словарю (American Heritage AHD) [<https://www.thefreedictionary.com/family>], а также лексемы *семья* (коррелят английского *family*) в «Новом большом англо-русском словаре» под ред. Ю.Д. Апресяна (далее НБАРС). Здесь укажем на то, что мы стремимся к тому, чтобы анализ практического материала, осуществленный в работе, был доступен для широкого круга лиц, которые интересуются проблематикой диссертации, но не владеют английским и кабардинским языками, поэтому для адекватного восприятия материала мы в случае использования теоретического и практического материала английского (иногда французского, немецкого и др.) языка по мере возможности сопровождаем его русскими переводами. В частности, для этих целей дефиниции значений лексемы *family* из толковых словарей английского языка будем снабжать русскими эквивалентами этой же лексемы из НБАРСа, а также иллюстративными примерами.

Итак, сравним все ЛСВ *family* по АHD и их эквиваленты по НБАРС:

1a. *A fundamental social group in society consisting of parents and their children* – семья, семейство.

b. *The children of one of these groups* – дети (одной семьи).

c. *A group of persons related by descent or marriage: my whole family, including my cousins, gets together once a year* – семья, семейство.

2. *People in the same line of descent; lineage: they come from an old Virginia family* – они выходцы из древнего рода (из Виргинии).

3. *Obsolete all the members of a household living under one roof* – все члены семейства, живущие под одной крышей.

4. *A locally independent organized crime unit, as of the Cosa Nostra* – семья, семейство (в мафии); гангстерский синдикат, орудующий в определенном районе (часто его главари – члены одной семьи).

5a. *A group of like things; a class: the family of brass instruments* – группа однородных предметов (группа духовых музыкальных инструментов).

b. *A group of individuals derived from a common stock: the family of human beings.*

6. **Biology.** *A taxonomic category of related organisms ranking below an order and above a genus. A family usually consists of several genera* – таксономическая категория (семейство).

7. **Linguistics.** *A group of languages, such as the Indo-European language family* – языковая семья.

8. **Mathematics.** *A set of functions or surfaces generated by varying the parameters of a general equation* – семейство кривых.

9. **Chemistry.** a. *A group of elements with similar properties* – группа хлора.

b. *A vertical column in the periodic table of elements* – ряд радия.

10. **Physics.** *Any of the three generations of elementary fermions* – любая из трех генераций элементарных фермионов (частиц) (перевод наш).

Итак, без учета подзначений в общем случае лексему family НБАРС «наделяет» всего 5-ью ЛСВ, т.е. он сводит все многообразие значений, представленное в АНД, к 5 ЛСВ Сравним:

Family – 1 семья, семейство; 2 *спец.* семейство *зоол.* семейство кошачьих; *бот.* семейство розоцветных; *лингв.* языковая семья; *хим.* группа хлора; *мат.* группа кривых...; 3. коллектив, объединение; 4 «семья», «семейство» *в мафии*; 5. «семья» группа хиппи, живущая коммуной.

Легко заметить, что, воспользовавшись НБАРС, мы не смогли подобрать русские эквиваленты для каждого из 10 ЛСВ в АНД. Помимо этого обнаружены несовпадения в порядке следования ЛСВ и их смыслового содержания. Так, в НБАРС специально выделен ЛСВ 3 (*коллектив, объединение*).

При этом он сопровождается следующими примерами: *Family of Love* – общество христианской любви (религиозная секта); *The President's official family* – члены кабинета (министров). Легко видеть, что АНД не сопровождает дефиниции такими иллюстративными примерами, а также не выделяет, например в качестве самостоятельного значения ЛСВ 5 (группа хиппи...). Мы осознаем при этом, что эти словари разные по своему назначению и цели (толковый одноязычный и двуязычный). Но при этом удивляет такая разница в представлении семантики слова (10 ЛСВ и 5ЛСВ), несмотря на то, что НБАРС позиционируется пользователями как самый полный и надежный лексикографический справочник: «этот колоссальный труд века будет вечно царить в области двуязычных словарей во всем мире. Все экземпляры этого трехтомника используются для моих факультативных лингвистических исследований, особенно в социолингвистических «загадках» моих эксклюзивных лекций и мастер-классов по английскому и русскому языку» [Karamian, эл. ресурс].

В связи с этим необходимо привести тонкие наблюдения гл. редактора НБАРС – Ю.Д. Апресяна. Так, в предисловии к данному справочнику известный ученый отмечает, что словарь – «это моментальный снимок вечно обновляющегося и находящегося в постоянном движении языка» [Апресян, 1999: 8]. При этом, считает автор, – одна из сложнейших задач лингвистов, особенно лексикографов, состоит в том, чтобы сократить разрыв между «статичностью словаря и динамичностью языка» [Апресян, 1999: 8; Суша, 1999]. Естественно, с тех пор, как вышло 4 издание НБАРС (1999), прошло достаточно времени (около 25 лет). Язык не стоит на месте – даже самые, казалось бы, представительные словари английского языка, которые конкурируют между собой в полноте и адекватности представления материала, демонстрируют большие расхождения. Здесь уместно отметить, что ценностно-смысловое наполнение концепта семья и одноименной категории находятся в постоянном изменении, некоторые концепты, составляющие эту категорию выцветают (ср. викторианская семья, патрилинейная семья), некоторые актуализируются (сожительство, гражданский брак, шведская семья, однополый брак, родитель один и два и т.д.)

На рис. 1. Схематически представлена семантическая структура лексемы *family*. Важно указать на тот факт, что в зависимости от принципов построения словаря количество ЛСВ одного и того слова может существенно меняться. Более того, количество ЛСВ может значительно варьироваться: в словарях American Heritage (AHD), Collins English Dictionary (COED) или же Random House (RHD) – мы наблюдаем количественное и содержательное несовпадение.

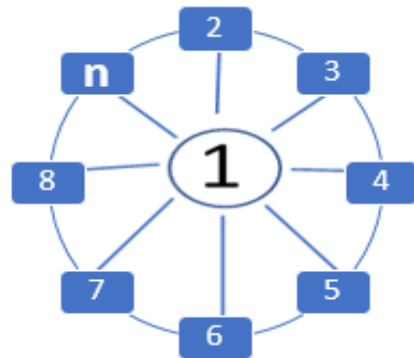

Рис. 1. Family – многозначность

Поясним сказанное для обеспечения более широкой доступности восприятия исследования. Начнем с того, что все лексикографические источники, на которые опирается словарь Farlex, отличаются надежностью и полнотой представляемого материала и адекватностью его представления. Как видно из приведенного выше лексикографического портрета лексемы *family*, с точки зрения словаря AHD она представлена следующим образом: ЛСВ 1 подается 3 подзначениями; для ЛСВ 5 предлагается 2 подзначения и ЛСВ 9 представлен 2 подзначениями.

Термин *подзначение* нуждается в интерпретации. Так, традиционно словари подают его с указанием на то, что это лингвистический термин и толкуют его как «значение языковой единицы, являющееся частным случаем или небольшой модификацией какого-либо значения той же единицы» [Викисловарь]. Не вдаваясь в пространные рассуждения относительно данного термина, позволим себе считать подзначения самостоятельными значениями. В таком случае у лексемы *family* по словарю AHD 13 ЛСВ.

Рассмотрим лексикографический портрет этой же лексемы в словаре «Collins English Dictionary» (далее – COED). Здесь уместно отметить, что данный словарь издателями позиционируется как «ideal for use at work and at home, new words and new meanings are tracked by experienced Collins lexicographers and expert language specialists who monitor language change around the world» (Идеально подходит для использования в офисе и дома, новые слова и новые значения отслеживаются опытными лексикографами издательства «Collins», а также экспертами-лингвистами, которые постоянно следят за изменениями языка по всему миру») [COED]. Итак, лексема *family* представлена в этом словаре 12 ЛСВ.

Family [<https://www.thefreedictionary.com>]

«1. **Sociology.** a. *A primary social group consisting of parents and their offspring, the principal function of which is provision for its members.*

b. **As modifier.** *Family quarrels; a family unit.*

2. *One's wife or husband and one's children.*

3. *One's children, as distinguished from one's husband or wife.*

4. **Genetics.** *A group of persons related by blood; a group descended from a common ancestor. Compare extended family.*

5. *All the persons living together in one household.*

6. *Any group of related things/ beings scientifically categorized.*

7. **Biology.** *any of the taxonomic groups into which an order is divided. Felidae (cat family) and Canidae (dog family) are two families of the order Carnivora*

8. **Biology.** *Ecology a group of organisms of the same species living together in a community.*

9. **Linguistics.** *A group of historically related languages assumed to derive from one original language.*

10. **Law.** *Chiefly US an independent local group of the Mafia.*

11. **Mathematics.** *Maths a group of curves or surfaces whose equations differ from a given equation only in the values assigned to one or more constants in each curve: a family of concentric circles.*

12. **General Physics.** *Physics the isotopes, collectively, that comprise a radioactive series.*

13. **In the family way.** *Informal pregnant.»*

При этом обращают на себя внимание любопытные моменты относительно представления этой лексемы, которые нуждаются в комментариях. Интересно, что данный словарь начинает представление семантической структуры лексемы с ЛСВ 1, указывая на то, что в этом значении ЛСВ используется в терминологическом смысле в области социологии. Иными словами, этот источник, не будучи специализированным (узконаправленным) словарем, почему-то приводит ЛСВ не в общеупотребительном смысле.

Далее приводится *family* в определительной функции, т.е. в качестве модификатора (ср. примеры – *family quarrels, a family unit*), хотя в других словарях адъективное использование этой лексемы приводится под рубрикой *adj.*, т.е. в самостоятельном разделе (ср. например, АНД – *family, adj.*, которое подается двумя ЛСВ и следующими иллюстративными примерами: 1. Of or having to do with a family: *family problems* и 2. Being suitable for a family: *family movies*). Любопытно также, что фраза *in the family way* в этом же словаре отмечена как фразеологическая единица (англ. *idiom*), что мы считаем справедливым, поскольку практически все лингвистические словари придерживаются именно этого принципа представления лексемы *family* в адъективном смысле. В словаре COED составители придерживаются других принципов, которые трудно объяснить.

Далее обращают на себя внимание еще несколько интересных фактов, а именно: указание на специализированную область знаний, в которых употребляется тот или иной термин. Так, ЛСВ 7 и 8 сопровождаются пометой *Biology*, но дополнительно вводится еще более подробная рубрикация: помета *Biology* в одном случае сопровождает собственно биологическое использование термина *family* (ср. ЛСВ 7):

any of the taxonomic groups into which an order is divided and which contains one or more genera. Felidae (cat family) and Canidae (dog family) are two families o

f the order Carnivora. При этом любопытно, что ЛСВ 8 сопровождается также пометой *Biology*, но дополнительно имеет специальное указание на то, что данная лексема в этом значении принадлежит области экологии. Ср.: **Ecology** *a group of organisms of the same species living together in a community*.

Из изученных статей различных толковых словарей русского и английского языков можно сделать вывод о том, что несмотря на некоторую специфическое осмысление понятия «семья» в английском и русском языках, рассматриваемая лексема, которая служит для ее обозначения в общем случае толкуется как: «группа людей, объединенная родственными связями, близкими отношениями и общими интересами».

Рассмотрим теперь кабардинский коррелят русской и английской лексем на предмет выявления особенностей развития смыслового содержания этой лексемы. Итак, в соответствии с лексикографическим портретом лексемы *унагъуэ*, представленным словарем [СКЧЯ], ее можно взять в качестве эквивалента лексем *family* и *семья*. В отличие от английского и русского языков, как мы отмечали, в нашем распоряжении имеется единственный толковый словарь. Вместе с тем был отмечен существенный факт: на сегодняшний день мы не располагаем национальным корпусом КЯ в отличие от русского и английского, современные словари которых при подаче лексикографического портрета того или иного слова опираются на данные корпусов, которые отсылают к большому количеству текстов из разных областей значения. В связи с этим для адекватного представления лексикографического материала считаем целесообразным использовать в обязательном порядке все иллюстративные примеры из СКЧЯ, а также фольклорные тексты, произведения художественной литературы и, естественно, интроспективный материал, который мы неоднократно проверяли на информантах.

Итак, лексема *унагъуэ* представлена в СКЧЯ в единственном значении, которое подается через русский эквивалент *семья* и соответственно толкуется как: *бынунэмрэ зыхэпсэукъыну абы илэмрэ*. Переведем текст дефиниции на русский язык: *все члены семьи, а также то, за счет чего они*

живут. При этом обратим внимание на то, что в тексте толкования содержатся два самостоятельных, на наш взгляд, значения. В нашем кратком представлении это выглядит как «**все члены семьи и их имущество**»: а) члены семьи, т.е. люди и б) имущество <этих людей>.

Раскроем значение лексемы *имущество*. В СОШ [<https://gufo.me/dict/ozhegov/имущество>] оно определяется как «то, что находится в чьей-н. собственности, принадлежит кому-чему-н.» и сопровождается иллюстративными примерами – *личное имущество, движимое имущество, недвижимое имущество* [Кимов, Мурзаканова, 2021]. Отсюда мы полагаем, что в значении кабардинской лексемы *унагъуэ* наблюдается метонимический синкретизм: здесь представлены два значения: а) *члены семьи* и б) *имущество*. Приведем иллюстративные примеры: *Унагъуэ лъэщ – крепкая семья*. Имеется в виду, что семья зажиточная (то есть здесь реализуется значение «имущество»). Ср. *Хъуэжэ и унагъуэр зэрыхъур: и фызыр, и пхъур, езыр арт – Вся семья Ходжи* (Ходжа Насреддин – кабардинизированный фольклорный персонаж мусульманского Востока) *состояла из его жены, дочери и его самого*. В этом примере, естественно, реализуется значение *члены семьи*.

Ср. также устойчивые сочетания:

- *унагъуэ щӀын* – жениться, создать семью (букв. *сделать семью*);
- *унагъуэ ихъэн* (о незамужней женщине) – обрести семью, букв. *войти в дом*;
- *зи унагъуэр бэгъуэн* – обычное благопожелательное обращение к кому-либо, букв. *пусть процветает твоя семья*;
- *унагъуэр зэӀыщӀэн* – внести раздор в семью. Ситуация концептуализируется при помощи глагола *зэӀыщӀэн* – полного эквивалента русского *мешать* в значении «переворачивать, взбалтывать круговым движением с помощью чего-н.» (ср.: *мешать кашу*);
- *унагъуэр къутэн* – разрушить семью (букв. *разбить*);
- *унагъуэр лъэныкъуабэщ* – семья потеряла кормильца (букв. *накренилась, потерять равновесие*).

Теперь возникает закономерный вопрос, не имеет ли кабардинская лексема *унагъуэ* метафорических значений, подобных рассмотренным английским и русским лексемам. Иными словами, нельзя ли выразить средствами КЯ такие значения, как *группа животных, растений* (ср. *семья бобров* и *family of wolves*) и т.д? Здесь необходимы комментарии. В КЯ имеется лексема *бын*, которая представлена в СКЧЯ двумя ЛСВ: *дитя* и *семья*.

Это существительное является арабским заимствованием. В языке-доноре лексема **ибн** (соответствует древнееврейскому *бен*) означает *сын*. В этом языке оно используется также и для обозначения отчества, например: Ахмед **ибн** Мухаммад = Ахмед, сын Мухаммада. Это слово вошло в КЯ в таком же виде, т. е. с сохранением фонетического облика (ср. *бын*), но подверглось ассимиляции – семантической и грамматической. Иными словами, лексема приобрела обобщающий смысл и используется в качестве гиперонима для детей обоего пола. Она выступает в двух значениях: а) *мальчики и девочки в раннем возрасте*; б) *сыновья и дочери по отношению к их родителям*. Что касается грамматической ассимиляции, она выступает в КЯ вкупе с личными местоимениями (ср. *си бын* – мой ребенок, мои дети; *и бын* – его ребенок, его дети и т.д.). Ср. примеры:

- *бын (гъуэтын)* – обзавестись детьми, букв. *найти детей*;
- *бын пасэ* – ранние дети;
- *бын класэ* – поздние дети;
- *бын пажэ* – первенец (сын или дочь).

Еще раз подчеркнем, что СКЧЯ упускает эти факты из виду, и наша задача заключается в том, чтобы, осуществляя настоящий анализ, предоставить будущим исследователям и составителям этого словаря новый взгляд на некоторые спорные моменты, связанные с разными аспектами лингвистики – фонетики, грамматики, а также спецификой категоризации действительности.

Возвращаясь к семантике слова *бын*, прокомментируем некоторые наблюдения. Здесь возникает закономерный вопрос: почему мы не взяли эту лексему в качестве коррелята *family* и *семья*? Во-первых, значение *семья* не является основным (базовым) значением данной кабардинской лексемы: в качестве

его основного значения выступает *дитя*. Во-вторых, как мы увидим ниже, ЛСВ 2 этой лексемы используется в КЯ только в переносном смысле. Ср. его дефиницию: она дается на кабардинском языке, поэтому переведем ее.

Итак, смысловой перевод ЛСВ 2 этой лексемы выглядит следующим образом: *родители и дети*, букв. *тот, кто родил, и тот, кого родили* (имеются в виду животные) и *тот, кто вывел, и тот, кого вывели* (имеются в виду птицы). В русском языке есть термин *выводок* – птенцы или детёныши млекопитающих, выведенные одной самкой и держащиеся вместе (*утиный выводок, волчий выводок*). Нетрудно видеть, что эти примеры являются иллюстрацией метафорической концептуализации денотата лексемы *семья* (ср. русск. *семья бобров*).

Итак, после восстановления семантической структуры лексемы *бын мы* имеем следующие значения (ЛСВ), которые должны были быть отражены в словаре: 1) *дитя*; 2) *дети обоего пола по отношению к родителям*; 3) *потомство* (у людей); 4) *птенцы или детёныши млекопитающих, выведенные одной самкой и держащиеся вместе*. В связи с этим мы были вынуждены взять именно лексему *унагъуэ* (а не *бын*) как эквивалент искомым лексем английского и русского языков.

Для того, чтобы выявить когнитивные основания такого концептуального развития лексем *семья* и *family* и ее отсутствие у кабардинского коррелята *унагъуэ*, оправданно обратиться к этимологическим словарям английского и русского языков, поскольку мы полагаем, что этимон должен в какой-то степени пролить свет на специфику концептуального развития этих лексем.

Так, в словарной статье Online Etymology Dictionary (OETD) [<https://www.etymonline.com>] находим следующую информацию: *family* (n.) – early 15c.: *servants of a household, from Latin familia, family servants, domestics collectively, the servants in a household, thus also members of a household, the estate, property; the household, including relatives and servants*.

Сокращая текст дефиниции, можно отметить, что лексема *family* при ее официальной фиксации в XV веке основывалась на концептуальных признаках: *слуги в хозяйстве, домашняя прислуга, хозяйство, которое включало*

родственников и слуг. Иными словами, здесь мы наблюдаем опору на обобщенный признак – «*группа людей, которая состоит из...*». При этом не важно – родственники они или нет: важно, что это группа людей. Интересно, что латинское слово *familia* практически не встречалось в значении *родители вместе с детьми*: для реализации этого значения использовалось существительное *domus* (при этом словарь отсылает нас к однокоренному прилагательному *domestic*). Здесь мы следуем за интерпретацией одного из аспектов термина *концепт* В.З. Демьянкова, который справедливо полагает, что сам термин *концепт* содержит идею «зачаточной истины», заложенной в латинском прилагательном *conceptus* «зачатый» [Демьянков, 2001].

Если мы правильно понимаем известного ученого, то таковым является «эмбриональный» признак (=этимон), который становится основой когнитивного развития изучаемой лексемы. В нашем случае таким концептуальным признаком можно считать, по-видимому, «группа». Раскроем в таком случае значение лексемы *группа* и получим – *совокупность людей, объединённых общностью интересов, профессии, деятельности* [СОШ]. Ср. определение слова *group* в английских словарях – *a fundamental social group* [АНД].

Обращение к данным Этимологического словаря русского языка Н.М. Шанского (ЭСРЯ) дает следующую картину: «*семья* – собирательное суф. производное (суф. -иј-, ср. братия) от семь «домочадец», того же корня, что лит. *šeimà* «семья, челядь», готск. *haims* «селение», греч. *kōtē* – тж. *семья* – исходно *живущие в одном селении*, затем – *домочадцы*» [<https://gufo.me/dict/shansky/семья>]. Нетрудно видеть, что концептуальное развитие русской лексемы во многом сродни развитию английского коррелята: для нас важно, что в «зачатке» (=этимон) русское *семья* также основано на признаке «совокупность» (*живущие в одном селении, домочадцы*).

Однако при всем желании мы не можем получить такую же информацию для кабардинской лексемы. Как отмечалось неоднократно, что ввиду того, что КЯ принадлежит к младописьменным языкам, мы не располагаем этимологическим словарем, который позволил бы получить необходимые данные.

Вместе с тем, выражая благодарность прекрасному ученому-лингвисту А.К. Шагирову, воспользуемся его этимологическим словарем адыгских (черкесских) языков (далее – ЭСАЧЯ). Попутно отметим, что, не имея надежных письменных источников, он провел сравнительный анализ родственных кавказских языков, который позволил ему выявить этимологию некоторых слов, в частности, лексемы *унагъуэ*, которая в КЯ служит для обозначения семьи и коррелирует, следовательно, с лексемами *семья* и *family*. Необходимо отметить при этом, что кабардинская лексема представляет собой производную единицу, состоящую из корневой морфемы *унэ-*, имеющей полное формальное сходство с лексемой *унэ*, означающей *дом*, и суффикса, образующего абстрактные существительные.

В словаре А.К. Шагилова словарная статья *унагъуэ* отсутствует, и мы имеем возможность проследить лишь сравнительный анализ слова *унэ* в абхазском, абазинском, чеченском и др. языках. Данные этих языков позволяет сделать вывод о том, что этимологическую основу лексем-коррелятов в этих языках составляет концепт «домашний очаг», «отчий дом», «дом», «хижина». Это подтверждается фразеологическими единицами со словом *унагъуэ* (см. выше).

Иными словами, мы можем в данном случае «довольствоваться» осмыслением семьи в КЯ лишь на современном этапе. И эта концептуализация основана на метонимическом синкретизме, который восстановлен нами на основе иллюстративного материала. Здесь вспомним идеи замечательных когнитологов Е.С. Кубряковой и Н.Н. Болдырева [Болдырев, 2000, 2014; Кубрякова, 2004] о том, что концепт реконструируется на основе разнообразных текстов – многочисленных дефиниций, синонимов и т.д.

Если корреляты этой лексемы в английском и русском языках основываются на концептуальных признаках «совокупность, группа», то кабардинский все-таки основывается на концептах «осесть», «обосноваться», «обособиться», «создать дом». Сказанное можно подтвердить устойчивыми единицами типа *унагъуэ лъэщ*. В смысловом переводе на русский язык фраза должна выглядеть, на наш взгляд, как «крепкая семья». Однако концептуальный сценарий, стоя-

щий за кабардинской фразой *унагъуэ лъэщ*, отличается от русского *крепкая семья*. При этом отметим, что русские словари не дают специального толкования значения устойчивой единицы «крепкая семья». В этой связи мы обратились к отрывкам из художественной литературы, в которых встречается это сочетание, чтобы самим восстановить с определенной долей уверенности/неуверенности [Демьянков, 2007] категоризацию семьи в сочетании «крепкая семья». Ср. *В таких понятиях и взглядах вырастает одно поколение за другим, причем можно проследить шаг за шагом бесповоротное вырождение самых крепких семей* (Мамин-Сибиряк Д.Н. «Приваловские миллионы», 1883). *Это были крепкие семьи старинного покроя; они могли сохраниться в полной неприкосновенности только в такой уральской глуши, куда был заброшен Белоглинский завод* (Мамин-Сибиряк Д.Н. «Дикое счастье», 1884). *Издали эта крепкая купеческая семья могла умилить самого завязатого поклонника патриархальных нравов, особенно когда все члены ее собирались за столом* (Мамин-Сибиряк Д.Н. «Дикое счастье», 1884).

Нетрудно видеть, что в приведенных примерах реализуется такая составляющая русского концепта *семья*, как «быт», «нравы», «семейные традиции», т.е. основополагающие начала, нормы, основы существования образцовой семьи. Вместе с тем, за русской лексемой стоит еще одна из составляющих концептуального сценария, а именно «домашнее хозяйство», а также «усадыба». Приведем словарную статью лексемы *усадыба*, которая определяется как *совокупность строений (жилого дома, надворных построек) и примыкающих угодий (сада, огорода и т. п.), представляющих отдельное хозяйство (преимущественно в сельской местности)* [Словарь Евгеньевой, МАС].

Нам представляется, что эта дефиниция русской лексемы *усадыба* наиболее адекватно отражает суть кабардинской фразы *унагъуэ лъэщ*, концептуальную основу которой составляют, на наш взгляд, следующие признаки: *строения, здания, надворные постройки, угодья* и т.д. Что касается таких составляющих, как *основополагающие начала, нормы, основы существования образцовой семьи*, они осмысляются (реализуются) в таких кабардинских

фразах, как: *унагъуэ дахэ* (букв. *красивая семья*); *унагъуэ тэмэм* (букв. *хорошая семья*); *унагъуэ екIу* (букв. *семья, которая соответствует всем канонам кабардинской семьи*); *унагъуэ къабзэ* (букв. *чистая семья*).

В качестве синонима можно предложить еще и *унагъуэ зэкIэлъыкIуэ* (образцовая семья). Здесь отметим, что все эти устойчивые сочетания не представлены в словаре, а получены нами в результате опроса информантов. При этом в КЯ все они являются названиями концептов, составляющих мега-концепт «семья». Как неоднократно указывалось в литературе, в языке находят обозначение только те концепты, которые являются особенно важными для истории народа и его культуры.

Возвращаясь к когнитивным основаниям расширения концептуальной структуры рассматриваемых лексем, можно сказать, что метафорическое расширение (метафорическое осмысление) русской и английской лексем происходит, как мы уже указали, за счет первообразных концептуальных признаков (этимона) лексем *семья* и *family*. Мы определяем эти признаки как «совокупность, группа» и полагаем, что они выступают в качестве когнитивных оснований дальнейшего развития этих лексем, т.е. обогащения их семантической структуры.

В самом деле, именно эти первообразные признаки обуславливают описание (толкование) семантической структуры *семья* и *family* при опоре на синонимичные существительные *группа* и *group* соответственно в английском и русском языках. При этом наблюдается интересная вещь: семантическая структура лексем *группа* и *group*, как мы уже отметили, во многом сродни представлению семантической структуры лексем *family* и *семья*. Для иллюстрации этого положения приведем их лексикографическое представление в двух словарях. Ср. семантическую структуру *группа* в следующих значениях и иллюстративные примеры к этим значениям: группа [<https://gufo.me/dict/ozhegov/группа>].

«1. несколько предметов или людей, животных, расположенных близко друг от друга, соединенных вместе. *Группа строений. Группа всадников. Народ толпится группами.*

2. совокупность людей, объединённых общностью интересов, профессии, деятельности, а также совокупность предметов, объединённых общностью признаков. *Общественные группы. Группы учащихся. Ударная группа войск.*

3. определённое подразделение внутри какого-н. разряда, множества. *Группа крови. Первая (вторая, третья) группа инвалидности».*

Ср. англ. group [<https://www.thefreedictionary.com>]:

«1. An assemblage of persons or objects gathered or located together; an aggregation: *a group of dinner guests; a group of buildings near the road.*

2. A set of two or more figures that make up a unit or design, as in sculpture.

3. A number of individuals or things considered or classed together because of similarities: *a small group of supporters across the country.*

4. **Linguistics.** A category of related languages that is less inclusive than a family.

5a. A military unit consisting of two or more battalions and a headquarters.

b. A unit of two or more squadrons in the US Air Force, smaller than a wing.

6. **Chemistry.** a. Two or more atoms behaving or regarded as behaving as a single chemical unit.

b. A column in the periodic table of the elements.

7. **Geology.** A stratigraphic unit, especially a unit consisting of two or more formations deposited during a single geologic era.

8. **Mathematics.** *A set, together with a binary associative operation, such that the set is closed under the operation, the set contains an identity element for the operation, and each element of the set has an inverse element with respect to the operation. The integers form a group under the operation of ordinary addition».* [<https://www.thefreedictionary.com>]

Представленные дефиниции могут создать впечатление, связанное с тем, что слово *семья* является синонимом слова *группа*, а лексема *family* является синонимом лексемы *group*. Дело в том, что лексикографическая практика устроена таким образом, что заглавное слово толкуется через синонимы

(слово *воробей* определяется, как маленькая серая птичка из семейства вьюрковых) [ТСУ].

В самом деле смысловая структура лексемы *семья* объясняется посредством лексемы *группа*, которая также имеет, судя по словарям, разветвленную сеть значений, и при этом принципы их толкования имеют много общего (ср. толкование *family* и *group*, с одной стороны, и *семья* и *группа* – с другой). В общем случае *семья* – это группа живущих вместе близких родственников [СОШ]. Другое впечатление, которое может сформироваться при невнимательном сравнении семантических структур *group* и *группа* – они являются многозначными словами (полисемантами) с такими же характеристиками, что *семья* и *family*. Вместе с тем *семья* и *family* представляют случай многозначности или полисемии, в то время как *группа* и *group* относятся к словам с широким значением, как нам кажется.

В чем мы видим разницу между этими явлениями — многозначностью и широкозначностью? Многозначные слова, как правило, в своем большинстве относятся к конкретным существительным, денотаты которых в общем случае поддаются чувственному восприятию. Например, образцовым случаем многозначности можно считать семантическую структуру существительных, обозначающих животных, растения, природные явления, артефакты, части и органы человека и животных и т.д.

Нос [<https://gufo.me/dict/usakov/нос>]:

«1. Орган обоняния, находящийся на лице у человека и на морде у животных. Прямой нос. Нос с горбинкой. Вздернутый нос. У больной собаки горячий нос.

2. Передняя часть судна. Корабельный нос. Нос лодки.

3. Птичий клюв. Дятел долбит носом. Короче воробьиного носа».

Дубина [<https://gufo.me/dict/ozhegov/дубина>]:

«1. Толстая тяжёлая палка.

2. **Перен.** тупой, глупый человек (прост. бран.)».

Окно [<https://gufo.me/dict/ozhegov/окно>]:

«1. Отверстие в стене для света и воздуха, а также рама со стеклом, закрывающая это отверстие. *Большое, высокое, узкое окно.*

2. Отверстие в разделяющей что-н. стенке, перегородке. *Окно рецептурного отдела* (в аптеке).

3. **Перен.** просвет, отверстие в чём-н. *Окно между тучами. Окно в болоте* (остаток водоёма в виде открытого углубления).

4. **Перен.** Ничем не занятое время, промежуток в цикле работ, в учебном расписании (разг.). *Окно между лекциями*".

Примеры можно множить сколько угодно: нам здесь важно показать принципиальную разницу между многозначностью и широкозначностью. В случае многозначности нам удастся более или менее четко проследить семантическое развитие слов (ср. нос человека и нос корабля, окно, дубина и т.д.), взятых в качестве иллюстративного материала: семантическое развитие идет от одной конкретной области к другой, от конкретного к конкретному (или абстрактному, что не меняет сути дела) благодаря действию когнитивного механизма метафоры.

То есть мы можем достаточно уверенно сказать, что эпидигматическая (семантическая) производность лексемы *нос* основана на концептуальном расширении его первого ЛСВ (ср. *дубина* и *окно*). Что касается лексемы *family* и *семья* у нас также есть все основания утверждать, что «исходной» точкой семантического развития этих лексем (хотя их референты не являются чувственно воспринимаемыми объектами) является этимон слова, представляющий базовые концепты (см. выше), создающие условия дальнейшего когнитивного развития этих лексем. Так, именно метафорическое осмысление этимона лексемы *семья* порождает рассмотренные выше значения: ср. *семья* (совокупность родственников) → *семья* (группа животных) → *семья* (группа растений). Более того, при произнесении слова *семья* (равно как и *family*) первым на ум приходит значение «совокупность родственников <совместно проживающих или нет>».

Ср. также концептуализацию *family* в химическом, биологическом, физическом и т.д. смыслах при помощи все той же метафоры. В случае со словом *группа* (ср. *group*) мы не можем сказать, какое из значений главное, а какое

второстепенное – все значения как бы равноправны: ни при каких обстоятельствах не представляется возможным установить направление семантической производности, т.е. какое из значений послужило в качестве исходного.

Так, например, английская лексема *family* (ср. *семья*) в ЛСВ 9 подается как химический термин и толкуется как «a vertical column in the periodic table of elements» («вертикальная колонна в периодической системе элементов»). Здесь ясно, что мы имеем дело с метафорой, т.е. ЛСВ 1 «группа людей, живущих вместе» на основе уподобления или метафоризации породило ЛСВ 9 «группа химических элементов».

Аналогичное толкование с аналогичной пометой находим также в словарной статье лексемы *group* (ср. «a column in the periodic table of the elements» и «ряд в периодической системе»). Разница состоит в том, что в случае с лексемой *group* не представляется возможным определить, от какого ЛСВ образовано это «химическое» значение.

Следовательно, у многозначного слова, как правило, можно проследить первоначальный концепт, у широкозначного – невозможно: широкозначные слова имеют как бы одно большое значение (=концепт). С этимологической точки зрения слово *group* произошло от итальянского *gruppo*, которое первоначально обозначало «узел», «комочек», «клубок». Как видно, границы исходного концепта (денотативная область) размыты в отличие от слова *семья*, первое значение которого даже в этимологическом смысле – это, обобщенно говоря, «совокупность людей, проживающих вместе», т.е. денотат более или менее четко «очерчен».

Нетрудно видеть, насколько сложным и зыбким представляется содержательная структура таких концептов, как *группа* (ср. *group*): разные словари представляют ее по разным основаниям, не выдерживая единых принципов, т.е. невозможно однозначно сказать, какое значение должно быть первым, вторым и т.д. Семантика таких слов, как *group* или *группа*, объясняется Н.Н. Болдыревым следующим образом: он считает, что они выполняют роль прототипов в процессе языковой репрезентации знаний. Так, в ходе репрезентации знаний о том, что такое *семья* (*family*), в словарной дефиниции используется иденти-

фикатор *group*. Такие названия «часто используются в словарных дефинициях в качестве опорных точек референции при толковании значений отдельных слов» [Болдырев, 2007: 18]. Для наглядности сравним графическое представление широкозначности и многозначности на примере существительных *family* – семья и *group* – группа (рис. 2, 3).

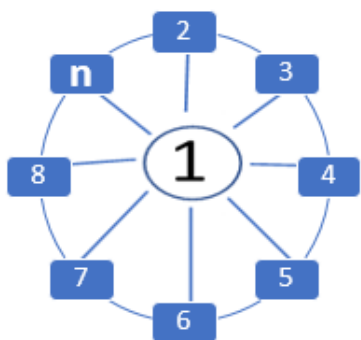

Рис. 2. Family – многозначность

Рис. 3. Group – широкозначность

На рис. 1 мы попытались изобразить семантическую структуру полисеманта *family*. В центр мы поставили ЛСВ 1, стрелками символически представлено направление семантической производности у многозначных слов. Количество значений слова *family* отображено в произвольном виде (один словарь дает 5 значений, другой – 13 значений). Нам важно показать принцип эпидигматической производности: полисемант *family* (как и русское *семья*), первоначально появившийся в языке только для обозначения совокупности людей, проживающих совместно, расширяет сферу номинации благодаря механизму метафоры. В этом и заключается ономаσιологическая сторона языкового означивания.

Так, в ходе освоения мира носители английского (русского и т.д.) языка сталкиваются с необходимостью идентификации совместно растущих деревьев и их обозначений. И вполне естественно, что они прибегают к таким лексическим единицам, которые уже существуют в языке и обозначают некоторую совокупность людей. Кстати, для иллюстрации явления полисемии вместо *family* можно было бы для иллюстрации взять и *нос*, и *окно*, и т.п.: рисунок сохранил бы свою структуру. Различие состояло бы в количестве зна-

чений, в то время как принцип семантической производности был бы тем же самым. Другое дело лексема *group* (ср. *группа*). У нее одна концептуальная основа, – довольно широкая и размытая (рис. 2).

Каждый раз, когда она используется для обозначения какого-либо совокупного множества – конкретного или абстрактного – происходит наклеивание ярлыка (*group* или *группа*) на какой-то сегмент или «кусочек» действительности. В этом случае она (лексема) и приобретает конкретное наполнение (значение) в конкретной ситуации.

Иными словами, пока имя *group* (*группа*) не будет «приклеена» к какой-либо области («фрагменту») знания, мы не можем сказать, какое конкретное содержание приписывается в языке слову *группа* (*group*). «Конкретность опыта беспредельна», количество ситуаций использования этой лексемы также беспредельно, поэтому мы условно выделили 5 сегментов, а сегмент № 6 обозначили символом бесконечности (∞). Так мы видим эту разницу.

Мы провели небольшой ассоциативный 3-минутный эксперимент (хотя изначально это не было целью нашей работы) в русскоязычной аудитории (студенты 1–3 курсов) и предложили ответить на вопрос: «что такое семья?». Практически все ответы содержали указание на группу людей, родственников, мать, отца и т.д. При ответе же на вопрос о том, что такое группа, начались переспросы: «группа в каком смысле?» «в каком значении?» «группа чего?». Почти 90 % под группой имели в виду *первичный коллектив вуза*, в сообществе биологов (ср. студентов-биологов) ответы могли содержать указание на таксономическую категорию и т.д. В случае с лексемой *семья* таких вопросов, естественно, не последовало, поскольку первое значение лексемы *семья* (ср. *family*) не вызывает сомнения ни у одного человека.

В завершение приведем еще один комментарий относительно лексемы *семья* и ее коррелятов – квантитативную (а для КЯ и квалитативную) характеристику полисемии, т.е. их эпидигматическую активность [Кимов, Мурзаканова, 2022]. Сравнительный анализ лексем-коррелятов в трех языках показал, что наибольший индекс многозначности зафиксирован у английской лексемы *family*, затем идет *семья* и, наконец, *унагуьэ*. Под индексом много-

значности мы имеем в виду среднюю многозначность на одно слово [Меркулова, 2014].

Мы при этом не строим сложные графики, а просто на основании сравнения минимум трех лексикографических источников подсчитываем среднюю многозначность (см. далее такие же показатели относительно других лексем изучаемой группы). Итак, на рис. 4 представлено лексико-семантическое варьирование трех лексем в изучаемых языках на основании данных, по крайней мере, 4 словарей русского и такого же количества английского языка.

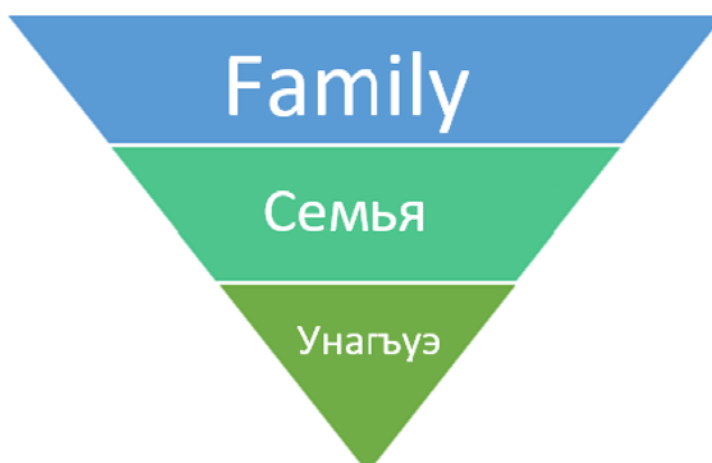

Рис. 4. Family – 10 ЛСВ; семья – 3 ЛСВ, унагъуэ – 1 ЛСВ

Что касается лексемы КЯ *унагъуэ*, она представлена, как видно, единственным ЛСВ. Вместе с тем мы полагаем, что в случае с кабардинской лексемой *унагъуэ* перед нами пример метонимического синкретизма, что мы попытались изобразить на рис. 5.

Рис. 5

Так, ЛСВ 1 представлено значением, которое может быть определено вслед за словарем СОШ, как *группа живущих вместе близких родственников*, т.е. в общем смысле коллектив (в кабардинском словаре текст дефиниций недостаточно разработан, как мы уже указывали, поэтому мы воспользовались метязыком словаря СОШ). В то же время ЛСВ 2 может быть определен как *совместное имущество, которым владеет этот коллектив, который состоит в родстве*.

Здесь мы имеем классический случай метонимической связи значений, которая укладывается в известную формулу *люди > имущество*. Мы при этом полагаем, что именно это метонимическое значение делает возможным функционирование устойчивых сочетаний типа *унагъуэ лъэц*, в которых концептуальный сценарий может быть передан как *материально обеспеченная семья, довольно состоятельная, с большим достатком, т.е. зажиточная*. Эквивалентом кабардинской лексемы *лъэц* в этой фразе является *крепкий*.

Так, например, в английском языке эта лексема используется в следующих сочетаниях терминологического характера: *family of brass instruments* – *группа духовых инструментов* (при невозможном: *семья духовых инструментов*); *family of chemical elements* – *группа химических элементов* (при невозможном: *семья химических элементов*).

2.3. Когнитивная категоризация терминов родства *отец, мать, сын, дочь* и их коррелятов в английском и кабардинском языках

Под термином «когнитивная категоризация», вынесенном в название, мы понимаем «способ познания окружающего мира посредством классификации и типизации людей, явлений природы и предметов материальной культуры» [Почебут, 2012: 42] (о лингвокогнитивной категоризации см. также [Дзюба 2015, с. 61 и далее]). Еще раз следует подчеркнуть, что привлечение КЯ для выявления особенностей когнитивной категоризации терминов родства является особенно актуальной задачей: вопросы, связанные с этноспецификой языковой концептуализации родственных связей в малоизученных

языках, представляют несомненный интерес для лингвистов. Начнем с семантического анализа, предварительно указав на то, что в этих языках рассматриваемые термины родства являются лексическими коррелятами: ср. *father* – отец – адэ; *mother* – мать – анэ и т.д.

Отец – father – адэ. Итак, в OAD *father* представлена пятью значениями; 1) a male parent of a child or an animal; a person who is acting as the father to a child; 2) fathers (pl.) a person's ancestors (*the land of our fathers*); 3) a male who originates something *the father of modern psychology*; 4) Father used by Christians to refer to God. *Father, forgive us*; 5) Father the title of a priest. Анализ этой же лексемы по другому источнику позволил добавить два значения: 6) a man who serves or is thought of as a protector: *beloved as the father of the nation*; 7) an elderly or venerable man.

Помимо прямого (основного) значения, которое подается под цифрой (1), мы имеем несколько непрямых (неосновных) значений. Это важно подчеркнуть, поскольку непрямые значения состоят, как видно, из собственно непрямых и переносных значений. Последние вызваны к жизни концептуальным расширением, основанном на когнитивном механизме метафоры: ср. *Chaucer is considered the father of English poetry*, с одной стороны, и *the father of the nation*, с другой.

Что касается других значений, условимся считать, что они представляют собой случай концептуального расширения или концептуальной аттракции (генерализации значения), появившихся в ходе развития когнитивного освоения мира, которое сделало возможным использование, например, имени *Father* для обозначения Бога в христианском вероучении (*Father, forgive us*) и Бога-отца как первой ипостаси Святой Троицы, а также – в качестве апеллятива для обращения к почтенному старцу или уважаемому человеку.

Анализ русского коррелята *father* показывает, что с содержательной точки зрения лексемы во многом структурированы одинаковым образом: практически каждому ЛСВ английского слова можно подобрать русский эквивалент. Ср.: *a male parent of a child or an animal* – *мужчина по отношению к своим де-*

тям; *самец по отношению к своему потомству*; 2) (pl.) *a person's ancestors* – только мн. *предки (the land of our fathers и земля отцов)*; 3) *a male who originates something (Циолковский – отец космонавтики)*; 4) *Father – Бог; God the Father – Бог-отец; Our Father – Отче наш; The Father of the nation – отец нации*.

Вместе с тем любопытно, что кабардинская лексема – коррелят *адэ* выступает в КЯ только в качестве референтного имени, т.е. для обозначения мужчины по отношению к своим детям и как гонорифический апеллатив к своему отцу или любому пожилому мужчине (ср. *Уа, ди адэ! – Послушай, отец!*) [СКЧЯ]. Вместе с тем в русской лингвокультуре, судя по СОШ, такое обращение относится к разряду просторечных и подается с соответствующей пометой. Количественное и содержательное расхождение семантической структуры лексемы *адэ* и ее коррелятов обусловлено, по всей видимости, этносоциокультурными условиями бытования КЯ.

Так, использование слова *father* (ср. *отец*) в несвойственной ему вторичной номинативной функции обусловлено, в первую очередь, христианским вероучением. Ср. *God the Father – Бог-отец; Our Father – отче наш*. Ср. также *The Father of the nation – отец нации*. Значение, которое реализуется в данном контексте, по нашему мнению, восходит именно к осмыслению бога как основателя, творца и покровителя. Кроме этого, видно, что обе лексемы *father* и *отец* используются в целях метафорической номинации. Такое концептуальное расширение, которое мы наблюдаем у коррелирующих лексем принципиально невозможно в кабардинской лингвокультуре.

Дело в том, что носители КЯ исповедуют ислам, в соответствии с которым истинным творцом и создателем всего сущего есть Аллах: «он является единственным и самодостаточным, он не родил и не был рожден и нет равного ему» [Аль-Коран, сура 112]. В христианском тринитарном богословии Бог Отец – первая, начальная и причинная ипостась Святой Троицы [Википедия]. В КЯ лексема *адэ* используется как референтное имя исключительно в значении «мужчина по отношению к своим детям». Никакой иной категоризации и концептуализации денотат этого имени с точки зрения КЯ не подлежит.

Как и в случае с лексемой *family* и ее коррелятами, количество значений роли не играет: семантическая структура (количество ЛСВ) может быть разветвленной, эпидигматическая активность может быть разной (ср. 9 ЛСВ vs 3 ЛСВ). Если сравнить семантическую структуру этих же лексем с кабардинской *адэ*, то оказывается, что она не может использоваться в КЯ в целях метафорической номинации, например, в значении *отец нации*, *отец авиации*.

Мать – mother – анэ. Подобно тому, как мы представили смысловую структуру лексемы *отец* и ее коррелятов в анализируемых языках, опишем лексему *мать* и ее корреляты на основании тех же источников и в тех же терминах.

Итак, *mother* в АНД [<https://www.thefreedictionary.com>] представлено следующими ЛСВ:

- «1a. A woman who gives birth to a child.
- b. A woman whose egg unites with a sperm, producing an embryo.
- c. A woman who adopts a child.
- d. A woman who raises a child.
2. A female parent of an animal.
3. A female ancestor.
4. A woman who holds a position of authority similar to that of a mother: *a den mother*.
5. Roman Catholic Church.
 - a. A mother superior.
 - b. Used as a form of address for such a woman.
6. A woman who creates, originates, or founds something: *the discovery of radium, which made Marie Curie mother to the Atomic Age (Alden Whitman)*.
7. A creative source; an origin: *Philosophy is the mother of the sciences*.
8. Used as a title for a woman respected for her wisdom and age.
9. Maternal love and tenderness: *brought out the mother in her*.
10. The biggest or most significant example of its kind: *the mother of all battles*.

11. *vulg. slang*. Something considered extraordinary, as in disagreeableness, size, or intensity».

Лексикографический портрет этой же лексемы в словаре Collins Cobuild (далее – Collins) представлен особым образом. Так, в одной и той же словарной статье под рубрикой *mother* ЛСВ 1 подается как существительное, эквивалентное значению русского *мать*. Два других ЛСВ (2 и 3) употребляются как глаголы, т.е. в смысле «быть матерью» и «становиться матерью» (ср. англ. *to mother*).

В связи с этим хотелось бы отметить, что некоторые английские словари построены по принципу «одна словарная статья – одно слово», т.е. под одну рубрику можно подводить и существительные, и глаголы, и даже прилагательные. Русские словари не могут быть устроены таким образом, ввиду того, что в английском языке существует так называемый безаффиксный способ словообразования, или конверсия. При этом с точки зрения формы нельзя определить, к какой части речи относится слово (то есть в словарной форме лексема не имеет никаких окончаний), пока оно не будет употребляться в тексте. Ср. *a mother of three children* (*мать троих детей*); *mother a child* – воспитать; (редк.) *родить ребенка*; *mother love* – *материнская любовь*.

Наши рассуждения и комментарии были здесь направлены на то, чтобы показать, что некоторые английские словари, какими бы полными и современными они ни были, не подходят для целей нашего анализа. В связи с этим мы воспользуемся словарем АНД, в котором *mother* как существительное представлено 8 ЛСВ. Некоторые из этих значений аналогичны значению лексемы *мать* в русском языке. Ср. семантическую структуру лексемы *мать* в СОШ [<https://gufo.me/dict/ozhegov/мать>]:

- «1. Женщина по отношению к своим детям. *Родная мать*.
2. перен.: источник, начало чего-н. *Киев мать городов русских* (высок. устар.).
3. Самка по отношению к своим детёнышам.

4. Обращение к пожилой женщине или к жене как к матери своих детей (прост.).

5. Название монахини, а также (разг.) обращение к ней. *Мать-игуменья*».

Как видно, все ЛСВ русской лексемы в общем случае «повторяют» дефиницию английского словаря, т. е. структурируются по тому же образцу, что и английская лексема, хотя с содержательной точки зрения встречаются, естественно, значения, отмеченные этнокультурными традициями. Необходимо также подчеркнуть, что количественное несовпадение эпидигматической активности (ср. 9 ЛСВ в английском словаре и 5 – в русском) может быть проиллюстрированы схематически в виде перевернутой пирамиды (см. рис. 4).

Сын – son – къуэ

Сын [<https://gufo.me/dict/ozhegov/сын>]:

«1. Лицо мужского пола по отношению к своим родителям. *Отец с сыном. Мой старший сын. Выросли сыновья.*

2. Мн. обычно *сыны*, перен., чего. Мужчина как носитель характерных черт своего народа, своей среды (высок.). *Отважные сыны Родины. Сыны своего времени. Сыны степеней. Сыны гор. Сыны Земли*».

Как видно, СОШ представляет эту лексему в двух ЛСВ, причем один из них снабжен пометой *переносное*.

Сын [<https://gufo.me/dict/efremova/сын>] (СТСРЯ)

«1. Лицо мужского пола по отношению к своим родителям. Перен. разг.: человек, тесно связанный с кем-либо, чем-либо; питомец.

2. Потомок.

3. Перен.: мужчина как носитель характерных черт своей среды, своего народа. Человек, гражданин как участник чего-либо, как уроженец какой-либо страны, представитель какой-либо национальности.

4. Лицо мужского пола по отношению к своему духовнику или лицу духовного звания (обычно в обращении).

5. Разг.: детеныш-самец какого-либо животного».

Еще раз отметим, что мы затрудняемся понять принцип отражения лексико-семантического варьирования слов в толковых словарях. Так, непонятным для нас остается следующий момент: почему в рассматриваемой словарной статье подзначение «питомец» сопровождается пометой *перен.*, в то время, как ЛСВ 2 (ср. *потомок*) представлено без такой пометы. В связи с этим еще раз вернемся к лексикографическому портрету слова *семья* в СТСРЯ и рассмотрим, как здесь структурирована словарная статья этой лексемы и каким образом здесь представлена помета *перен.*

Семья [СТСРЯ]:

«1. Группа близких родственников (*муж, жена, родители, дети и т.п.*), живущих вместе. *Перен.*: группа, организация людей, объединенных общими интересами.

2. *перен.*: род, поколение.

3. группа животных, птиц, состоящая из самца, одной или нескольких самок и детенышей;

группа растений одного вида, растущих рядом (часто имеющих общий корень, грибницу).

4. *перен.*: совокупность однородных, подобных один другому предметов, явлений.

5. *перен.*: группа родственных языков, объединенных общностью происхождения» [<https://gufo.me/dict/efremova/семья/>]

Беглое сравнительное рассмотрение этой словарной статьи не проясняет ситуацию. Для более детального описания проблемы раскроем значение лексемы *перен.* (переносное) в том же словаре, т.е. СТСРЯ. Ср. *перен.* «небуквальный, иносказательный (о значении, смысле)». Пользуясь методом подстановок, раскрываем смысл лексемы *иносказание*. Ср.: 1. Высказывание, выражение, содержащее скрытый смысл, намёк. 2. Выражение отвлеченного понятия посредством художественного образа как литературный приём; аллегория. Даже после раскрытия значений лексем, используемых в тексте дефиниции в качестве идентификаторов (ср. *иносказание* и *иносказательный*),

не до конца понятна семантическая интерпретация некоторых значений: почему одни считаются переносными, другие – нет. Рассмотрим теперь, как представлено значение лексемы *переносное* в СОШ. Ср.: «о смысле, значении слова, выражения: *небуквальный, не прямой, метафорический*». Очевидно, что прилагательное *метафорический* производно от существительного *метафора*. Этот термин в СОШ толкуется с пометой (в лингвистике) как *переносное употребление слова, образование такого значения*. Этот же термин (метафора) определяется в словаре СТСРЯ как *оборот речи, заключающийся в употреблении слов и выражений в переносном значении для определения предмета или явления на основе аналогии, сравнения или сходства (в литературоведении)* [<https://gufo.me/dict/efremova/метафора>]. Итак, по мнению авторов СТСРЯ, получается, что слово в переносном значении должно основываться на аналогии, сравнении или сходстве. При этом в скобках дается указание на то, что это термин из области литературоведения.

Здесь необходимо коснуться двух моментов: во-первых, метафора, будучи рассмотренная в рамках литературоведения, – это индивидуальные, неповторимые средства, созданные автором для данного произведения и данной ситуации и содержащие особую экспрессию. Такие метафоры не всегда зафиксированы в словарях. Во-вторых, такая непоследовательность подачи значений в разных словарях (ср. СОШ и СТСРЯ) мешает однозначному пониманию того, что такое *переносное значение*. Приведем примеры. Так, в СТСРЯ (см. выше) одно из значений слова *семья*, определяемое как *группа, организация людей, объединенных общими интересами*, сопровождается пометой *перен*, т.е. считается переносным. Аналогичное значение для этой же лексемы выделяется и в словаре СОШ: ср. *перен. объединение людей, сплочённых общими интересами*. Иными словами, помета *переносное* подразумевает, что эти значения в обоих словарях являются небуквальными, непрямыми, а авторы словаря СОШ, вдобавок, считают их метафорическими. Тогда возникает закономерный вопрос – почему например, значение лексемы *семья* в таких примерах, как *семья бобров, семья берез* не со-

проводится такой же пометой *перен*: ведь в этих примерах *семья* используется, на наш взгляд, именно в метафорическом смысле (ср. группа людей > группа животных > группа растений). Не вызывает также сомнения и то, что все значения этой лексемы, кроме первого, основаны на аналогии, сравнении или сходстве: например, *семья (группа) пчел, состоящая из рабочих пчел, матки и трутней*, уподобляются семье человека и имеют равное право на сопровождение пометой *перен*. Вот в этом и заключается специфика концептуального расширения: представленные в языковой картине мира *пчелиная семья* и *семья человека* категоризируются в одних и тех терминах, по особым параметрам, которые «устанавливают» обыденное сознание. Идиотичность категоризации семьи можно проследить, сравнив, в каких терминах русский и кабардинский языки осмысливают данный пример.

Так, в КЯ коррелируют лексемы *семья* не используется для концептуализации «группы» пчел, т.е. этот денотат не категоризируется в терминах лексемы *семья*. С ономаσιологической точки зрения ситуация языкового означивания в данном случае выглядит следующим образом. Существует понятие «*группа пчел, состоящая из ...*» с соответствующим денотатом. Вместе с тем, в соответствии с принципами сортировки опыта, принятыми в конкретном языке, этот денотат получает разное осмысление, а отсюда и разную вербализацию. Русский язык уподобляет эту «группу» насекомых коллективу людей, т.е. «человеческой» семье и присваивает ему имя *семья*, которое закрепляется в языке. Что касается кабардинской культуры, то для «проживания» пчелиных семей традиционно мастерили особым образом сплетенные корзины цилиндрической формы, которые обмазывались специальным образом обработанной глиной. В связи с этим группа пчел получила свое название по метонимической модели, которая укладывается в формулу *содержимое > содержащее* (об идентификации метонимических значений см работу И.В. Арнольд [Арнольд, 1966]). Отсюда в русском языке мы имеем такие нормативные тексты, как *продаю пчел. 10 семей. Все семьи обработаны от клеща* (объявление о продаже пчел в Интернете). С точки зрения КЯ этот текст в буквальном пе-

реводе будет выглядеть как: *продаю 10 корзин пчел. Все пчелы (корзины) работаны*. Любопытно, что на английский язык *семья пчел* переводится, как *bee colony*, а не *bee family*, вопреки ожиданиям.

Возвращаясь к проблеме представления специфики лексико-семантического варьирования лексемы, условимся, что во всех случаях использования исходного (первого) ЛСВ в несвойственной ему вторичной номинативной функции (ср. *семья, сын, отец, дочь* и т.д.) перед нами переносные значения, т.е. значения, образованные в результате переноса имени с одного денотата на другой в силу их сходства (уподобления) или смежности.

Итак, лексема *сын*, рассмотренная в двух словарях, представляет собой многозначное слово (с индексом в 3 и более значений). Рассмотрим теперь английский коррелят этой лексемы, а именно *son*.

Son [<https://www.thefreedictionary.com/son>]:

- «1. A male offspring; a boy or man in relation to his parents.
2. A male descendant.
3. *Often capital*. A familiar term of address for a boy or man.
4. A male from a certain country, place, etc., or one closely connected with a certain environment: *a son of the circus; a son of the manse*».

Семантическая структура лексемы *son* практически сродни таковой русской лексемы: она представлена такими значениями, как: сын; потомок; питомец; уроженец какой-либо страны, местности и т.д. Вместе с тем один из английских словарей (AHD) специально подчеркивает возможность использования данной лексемы для обозначения Бога-сына как второй ипостаси святой троицы, т.е. в качестве обращения к богу (ср. *Son Christianity The second person of the Trinity*).

В связи с этим эпидигматическую активность лексемы можно признать как находящуюся в промежутке 4 и 6 лексико-семантических вариантов. При определенной натяжке можно, конечно, уменьшить или увеличить количество значений, что не меняет сути дела, поскольку нам здесь важно показать воз-

возможность использования лексемы во вторичной номинативной функции – метафорической или метонимической.

Дочь – daughter – пхъу. Рассмотрим теперь смысловую структуру лексем *дочь* и *daughter* по тем же лексикографическим источникам (СОШ).

Дочь [<https://gufo.me/dict/ozhegov/дочь>]

«1. Лицо женского пола по отношению к своим родителям. *Мать с дочерью. Взрослая д.*

2. перен.: женщина как носитель характерных черт своего народа, своей среды (высок.). *Лучшие дочери народа. Дочери гор».*

Как видно, словарь представляет лексему *дочь* всего лишь в двух ЛСВ, при этом одно из них используется в метафорическом смысле.

Daughter [<https://www.thefreedictionary.com/daughter>]:

«1. One's female child.

2. A female descendant.

3. A woman considered as if in a relationship of child to parent: *a daughter of the nation.*

4. One that is personified or regarded as a female descendant: *Culturally Japan is a daughter of Chinese civilization (Edwin O. Reischauer).*

5. The immediate product of the radioactive decay of an element».

Лексикографическое описание лексико-семантического варьирования лексемы практически аналогично русскому корреляту *дочь* за исключением двух ЛСВ, а именно: ЛСВ 4 и ЛСВ 5. При этом дефиницию ЛСВ 4 можно на русский язык передать буквально, как «нечто представляемое в виде приемника женского пола». Такое определение иллюстрируется следующим примером – *В культурном отношении Япония является приемницей (букв. дочерью) Китайской цивилизации.*

Что касается указанных лексем коррелятов КЯ, то они очень редко используются во вторичной (метафорической номинативной функции). Относительно лексемы *адэ* мы высказали свои соображения. Рассмотрим теперь ономаσιологический аспект проблемы, который заключается в выявлении

когнитивной категоризации денотата лексемы *отец* в рассматриваемых языках сквозь призму синонимов. Здесь уместно привести мнение Н.Н. Болдырева о том, что языковые средства (в нашем случае *отец*, *мать* и их корреляты) «своими значениями передают лишь часть концепта, что подтверждается существованием многочисленных синонимов, разных дефиниций, определений, текстовых описаний одного и того же концепта» [Болдырев, 2014: 86].

Так, согласно «Большому словарю-справочнику синонимов русского языка» и «Thesaurus/Synonyms and Antonyms», английский и русский языки располагают большим количеством синонимов искомым референтных терминов. Ср. *отец* – 40 единиц, из них 30 – апеллятивы (75 %): *батька*, *батюшка*, *тятя*, *папа*, *папашечка*, *папулечка*, *папуся*, *папуля*; *father* – 15 единиц, из них 5 (33 %) – апеллятивы: *dad*, *daddy*, *pa*, *papa*, *pop*. *Мать* – 60 единиц; из них 40 – апеллятивы (66 %): *мама*, *матушка*, *мамуля*, *мамка*, *матусенька*, *матуничка*, *мамуся*, *мамусечка*. *Mother* – 12 единиц; из них 4 – апеллятивы (33 %): *mom*, *mammy*, *mommy*, *mammy*. КЯ – *адэ (отец)* – 0 апеллятивов; *анэ (мать)* – 0 апеллятивов.

Цифры здесь весьма показательны: в КЯ практически отсутствуют уменьшительно-ласкательные суффиксы, используемые детьми (любого возраста) при обращении к родителям и наоборот – родителей к детям (ср. с терминами родства, используемыми в функции обращения). Это объясняется особенностями общения кабардинцев вообще и в семье, в частности (ср. внутрисемейное использование терминов родства в русской культуре [Бурас, Кронгауз, 2013]). В специальной литературе эти особенности получили терминологическое обозначение «коммуникативное поведение народа», под которым мы вслед за И.А. Стерниным понимаем «совокупность норм и традиций общения народа» [Стернин, 2015: 3].

Так, в кабардинской лингвокультуре при необходимости выразить соответствующую эмоцию по отношению к детям родители традиционно давали им почтительно-ласкательные имена: *Дыгъэ* – *Солнце*; *Хужь* – *Белая*, букв. *Светлоликая*; *Нэхунэ* – *Ясноглазая*, т. е. апеллятивы получали метонимиче-

скую категоризацию [Бгажноков, 2010]. Однако следует отметить, что в последнее тридцатилетие в «коммуникативном поведении» носителей КЯ наблюдается интересная тенденция: дети-кабардинцы для выражения эмоционального отношения при обращении к родителям прибегают к русским апеллятивным формам с диминутивными суффиксами (ср. *папуля, мамуля* и т.д.).

Сравнение материала трех языков, вовлеченных в анализ, показывает, что наибольшее количество диминутивов представлено в русском языке, в КЯ их практически нет. Английский язык занимает промежуточное положение. Наличие разветвленной системы синонимов в английской и (особенно!) русской лингвокультурах демонстрирует высокую «номинативную плотность концепта» (термин В.И. Карасика), под которым понимается «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [Карасик, 2004: 111–112].

Подытоживая наше описание, отметим, что когнитивная категоризация мира – это большая и сложная проблема, которая требует привлечения серьезных разысканий не только в лингвистике, но и смежных областях, что представляется нам перспективным для будущего исследования.

2.4. Классификация конститuentов лексической микросистемы «семья» в свете лакунологии

2.4.1. Лакунарные единицы и лакунофоры

При изложении данного раздела нашей работы отправным моментом для нас являются своевременные мысли Л.С. Бархударова, который еще в 1969 г. указал на то, что человеческий язык – чрезвычайно сложная система, специфика которой заключается в том, что «каждый язык представляет собой особую, неповторимую, не совпадающую ни с каким другим языком систему, по-своему отражающую и закрепляющую в себе наше восприятие окружающего мира» [Бархударов, 1969: 79].

Естественно, в то время в отечественной науке еще не существовало терминов *лакуна* в лингвистическом смысле: первое упоминание о лакуне находим в работах Вине и Дарбельне (1958). Не существовало также терминов *лакунарность* и *лакунология*, которые позже появятся в работе В.Г. Гака (1977), И.Ю. Марковиной и Ю.А. Сорокина (2008), а также серии интересных работ: [Стернин, 2015]; [Попова, Стернин, 2001; 2007; 2007a], [Быкова, 2003].

Нетрудно видеть при этом, что работа Л.С. Бархударова является одной из пионерских работ в отечественной лингвистике, в которой очерчены основания появления межъязыковых лакун в том или ином языке, особенно тех лакун, которые впоследствии будут названы другими авторами этнографическими (ср., например, [Муравьев, 1975]).

При этом известный ученый добавляет, что «на самом деле язык есть не только средство общения между людьми – он также дает человеку возможность определенным образом организовать свой опыт, определенным образом классифицировать и упорядочивать его, причем каждый язык делает это по-своему, на основе присущих только ему специфических единиц, форм и категорий» [Бархударов, 1969: 82]. По сути дела отправные моменты (особенно в теоретическом плане) предложенного нами исследования уже содержатся – хотя и в других терминах – в процитированной работе Л.С. Бархударова.

Вместе с тем, по нашим наблюдениям, одна из первых и наиболее полных описаний и классификаций лакун в отечественной лингвистике дана В.Л. Муравьевым в работе, посвященной сравнительному исследованию француско-русских лакун [Муравьев, 1975]. Основываясь на достижениях как зарубежной, так и отечественной лингвистики того времени, он предложил свою категоризацию лакун.

Со временем его классификация была расширена и дополнена в соответствии с новыми парадигмами научного знания и, естественно, в зависимости от теоретических установок исследователей (ср. когнитивная/антропоцентрическая лингвистика, лингкультурология, этнопсихолингвистика и т.д.).

Итак, В.Л. Муравьев выделяет две большие группы лакун – лингвистические (1) и этнографические лакуны (2). В (1) ученый выделяет: абсолютные, относительные, векторные и стилистические лакуны. Рассмотренные сквозь призму влияния этнографических факторов на лексику языка, он выделяет лакуны (2), которые соответственно классифицируются им как: абсолютные этнические, относительные этнические, векторные этнические и стилистические этнические.

Для того, чтобы, следуя теоретическим воззрениям В.Л. Муравьева, в его терминах осуществить собственно классификацию лакун в используемых языках, представляется необходимым для дальнейшего описания рассмотреть проблему лакунарности и лакунарных единиц в свете термина *лакунофор*, который впервые используется нами в настоящем исследовании.

Как мы постараемся показать ниже, при изучении проблем языковой лакунарности вообще и лексической в частности возникает серьезная проблема, которую мы постараемся изложить в упрощенном виде. Возьмем известные русские слова, которые широко приводятся во всех работах, посвященных исследованию языковой картины мира: *сутки*, *кипяток*. Поиск их лексических эквивалентов в двуязычных словарях, как известно, показывает, что они не имеют универбальных соответствий в английском языке, и поэтому они считаются лакунами (=пробелами, пустыми местами).

Ср.: *сутки* и *day and night (twenty four hours)*

кипяток и *boiling water (hot water)*

Возникает вопрос, что в этих парах считать лакуной – левую или же правую часть? При кажущейся простоте, проблема достаточно сложна, вследствие чего многие исследователи избегают ее или подменяют одно другим. Насколько нам известно, впервые на это обратила внимание Л.К. Байрамова, предложив в своей работе возможность разграничить понятия *лакунарная единица* и *лакуна*, разницу между которыми, по ее мнению, зачастую игнорируют исследователи. «Введение и разграничение понятий *лакунарная единица* и *лакуна*, как справедливо отмечает автор, исключает путаницу, ко-

тору допускают некоторые исследователи, называя лакуной (то есть фактически пустотой) имеющуюся в языке единицу, являющуюся лакунарной единицей» [Байрамова, 2011: 22]. В подтверждение своих мыслей исследователь приводит выдержку из интересной работы О.А. Огурцовой, которая определяет лакуну, как «слово или словосочетание (свободное или фразеологическое), грамматическую категорию, бытующую в одном из сопоставляемых языков и не встречающуюся в другом сопоставляемом языке» [Огурцова, 1979: 82]. Здесь, насколько мы можем судить, под *лакунами* исследователь О.А. Огурцова понимает лексемы из левой колонки. В самом деле, единицы *кипяток* и *сутки* «бытуют» в русском языке в виде самостоятельной лексемы и не встречаются в английском языке. По мнению Л.К. Байрамовой, во избежание подмены одного понятия другим, лексемы из левой колонки правильнее называть *лакунарными единицами*, тогда как в правой колонке мы будем иметь собственно *лакуну*, которую автор обозначает как О (то есть отсутствие лексической единицы).

Отсюда получается, что в наших примерах *лакунарная единица* (ЛЕ) является принадлежностью русского языка, в то время как «пустота, незаполненное пространство», т.е. лакуна – факт английского языка. Исходя из этого, Л.К. Байрамова считает, что пара «лакунарная единица – лакуна» образуют категорию *лакунарности*. Предложение Л.К. Байрамовой терминологически разграничить термины *лакуна* и *лакунарная единица* широкой поддержки пока не получило, как считает О.М. Акай [Акай, 2019: 31]. Однако, по нашему мнению, наблюдения ученого, связанные с идеей разграничения этих понятий и последующего введения их в обиход, имеют глубокие основания, поскольку способствуют более четкому структурированию понимания *лакун* и *лакунарных единиц*. Вместе с тем мы хотели бы предложить другой термин для обозначения *лакунарной единицы*, а именно *лакунофор*, который представляет собой сложение двух основ *лакун-* и *-фор*. Этот термин строится по аналогии с такими единицами, как *осмофор*, *светофор*, *семафор*, *хромафор*, *хроматофор*, второй элемент которых, обладая самостоятельным лек-

сическим значением, выступает в виде компонента целого ряда сложных образований, приобретая тем самым статус суффикса, вернее, полусуффикса, что позволяет рассматривать его под углом зрения полуаффиксов¹. Отсюда их словообразовательное значение в общем случае может быть обобщенно сформулировано, как «несущий, создающий то, что обозначено производящей основой». Например, *светофор* – «то, что несет свет», *хроматофор* – «то, что несет цвет» (ср. «пигментные клетки, которые ответственны за формирование цвета кожи и глаз <у некоторых животных>» [Википедия]). Ср. также определение функций хроматофоров в англоязычной версии Википедии: *chromatophores are largely responsible for generating skin and eye colour in <...> animals.*

Подставив вместо слова *generating* его дефиницию, получаем *bring into existence, cause to exist*, т.е. «то, что служит причиной, отвечает за цвет глаз или кожи». Если в общем случае под лакуной понимать «белое пятно», пробел, пустоту, брешь, то термин *лакунофор* обозначает «вызывать пробел, белое пятно, пустоту». Возможно, термин вызовет споры, вплоть до отторжения и неприятия, возможно, он менее удачен, чем термин *лакунарная единица* (который, кстати, можно определить, как единицу, которая потенциально *вызывает пробел, пустоту* и т.д.). Но универбальным термином легче оперировать, чем словосочетанием, что и побудило нас ввести его в работу. Нам кажется, этот термин можно использовать для описания таких случаев, как: (а) межъязыковой (интеръязыковой) и (б) внутриязыковой (интраязыковой) лакунарности, причем для всех уровней языка. Рассмотрим случаи (а), когда и *лакунофор*, и *лакуна* принадлежат одному языку. Ср., например:

лакунофор

лакуна

русск. *молодожены*

русск. (0)

¹ Полуаффиксы – особый тип морфем, которые занимают промежуточное положение между корневой морфемой и аффиксом. В литературе вопроса они функционируют под разными названиями – полуаффикс, аффиксоид, относительный аффикс, субаффикс (ср. англоязычные термины – *semi-affix, semi-suffix*). Подробно термин рассмотрен в [Кубрякова, 1974: 131 и далее].

русск. <i>старшеклассник</i> ¹	русск. (0)
фр. <i>profond</i> «глубокий»	фр. (0)

Ср. также словообразовательную парадигму русских лексем *красный* и *розовый* в качестве лакунофора:

- 1) прилагательное – *красный* – *розовый*
- 2) активный глагол – *краснеть* – *розовить 0
- 3) пассивный глагол – *краснеть* – *розоветь*
- 4) прилагательное ослабленного качества – *красноватый* – *розоватый*
- 5) прилагательное усиленного качества – *краснуший* – 0
- 6) существительное качества – *краснота* – *розовота 0

Этот же термин может быть применим к описанию межъязыковых лакун. Здесь уместно привести примеры из [Байрамова, 2011: 22].

Ср.: <i>Лакунофор</i> ²	<i>лакуна</i> 0
<i>Лакунарная единица</i>	<i>лакуна</i> 0
фр. <i>ouvreuse</i>	русск. (0)

служащая кинотеатра, провожающая на свободные места входящих во время сеанса и за это получающая чаевые;

исп. *Ventanero* русск. (0) *мужчина, беззастенчиво заглядывающий в окна, в которых есть женщина;*

яп. *aibiki* русск. (0) *тайное свидание.*

Следует отметить, что, в каких бы терминах ни описывались примеры из правой и левой колонки, вопрос, поставленный исследователем, имеет право на существование, он методологически важный, поскольку позволяет разграничить совершенно разные лингвистические сущности. Так, например, В.И. Жельвис определяет лакуны, как «то, что в одних языках и культурах обозначаются как «отдельности», а в других не сигнализируются, т. е. не находят общественно закрепленного выражения» [цит. по: Байрамова, 2011: 22]. Не-

¹ Старшеклассник в русском языке не имеет узуальной единицы с противоположным значением: младшеклассник разговорное слово (примеры взяты из [Стернин 2007, с. 25, с. 62])

² В нашей терминологии *лакунофор* – соответствуют термину *лакунарная единица* [Байрамова, 2011]. Как можно видеть из примеров, лакунарные единицы трех языков вызывают к жизни пробелы, пустые места и т.д. для русского языка. Поэтому они названы нами *лакунофоры*, т.е. то, что несет, вызывает лакуну.

трудно видеть, что В.И. Жельвис под лакуной понимает категорию лакунарности с ее составляющими: лакунарной единицей и лакуной. В самом деле, если нечто обозначается как отдельность, то это уже, скорее всего, не лакуна, а лексическая единица: ср. *ouvreuse* и описательный текст, заменяющий лакуну.

2.4.2. Абсолютные и относительные лакуны

Как мы уже обсуждали выше, вслед за Ю.С. Степановым исследователь В.Л. Муравьев разграничивает лакуны абсолютные и относительные [Муравьев, 1975: 6–7]. Но при этом ученый расширяет понятие абсолютных лакун, предложенных Ю.С. Степановым в работе [Степанов, 1965: 120], и вносит существенное уточнение.

Так, Ю.С. Степанов считает, что *абсолютной* лакуна является потому, что в другом языке нет однословного эквивалента для выражения этого понятия. Отсюда, следуя логике Ю.С. Степанова, *кипяток* и *сутки*¹ можно считать абсолютными лакунами для французского языка, потому что в нем отсутствует универбальная единица для выражения понятий, стоящих за этими русскими лексемами. В [Муравьев, 1975: 6] предлагается более расширительное толкование: автор допускает, что хотя в системе другого языка эти понятия не зафиксированы лексически при помощи отдельного слова, им соответствуют устойчивые единицы, что делает невозможным признать их в качестве абсолютных лакун. Вообще говоря, по мнению автора, с лакунами мы имеем дело только в тех случаях, когда понятие исходного языка переводится на противоположный язык в виде пространных перифраз – свободных словосочетаний, «создаваемых на уровне речи» [Муравьев, 1975: 6]. На этом основании автор считает, что *кипяток* и *сутки* вообще нельзя признавать не только абсолютными, но и вообще лакунами для французского языка.

¹ Эти две лексемы пользуются особой популярностью у лингвистов: редкая работа по лакунологии обходится без их участия (ср. работы Л.С. Бархударова, Ю.С. Степанова, В.Г. Гака, В.Л. Муравьева и др.). Вследствие этого мы используем их в нашей работе в качестве примеров для иллюстрации тех или иных положений без отсылки на источник.

В то же время русские существительные *ровесник*, *однолюб*, *именинник*, по мнению В.Л. Муравьева, можно безусловно причислить к лакунам во французском языке. Ср.: *ровесник* – *qui a le même âge* (букв. *тот, у кого одинаковый возраст с кем-л.*); *однолюб* – *qui n'aime qu'une fois* (*тот, кто влюбляется раз и навсегда*); *именинник* – *la personne dont on célèbre la fête* (букв. *тот, кому устраивают праздник*). Любопытно, что с точки зрения английской лингвокультуры, *однолюб* имеет два эквивалента: а) *one-woman man* и б) *monogamist*; *ровесник* – *coeval* (эквивалент); *именинник* – *birthday boy* (*Yet, there exist in the English vocabulary lexical units that are not identical with orthographic words but equivalent to them. Almost any part of speech contains units invisible either syntactically or in terms of meaning, or both, but graphically divided*).

Интересно, что с точки зрения носителей кабардинского языка русские лексемы *однолюб* и *именинник* являются лакунофорами: в КЯ нет ни отдельных лексем, ни устойчивых словосочетаний для их обозначения. Вместе с тем *ровесник* по семантическому содержанию является эквивалентом лексемы *зэныбжэ*, которая на синхронном уровне членится на два элемента *зэ* (аффикс совместности: ср. русск. соратник, сокурсник и т.д.) и *ныбжэ* «возраст», т.е. люди одного возраста, букв. *совозрастник*.

Здесь уместно сравнить с английской лексемой *coeval*, которая, изначально появившись как прилагательное, с 1600 г. используется в качестве существительного. В соответствии со словарем эта лексема восходит к поздне-латинскому *coaevis* «одного возраста» из ассимилированной латинской формы *com* «с, вместе, совместно» (см. *com-*) + *aevis* «возраст».

Что касается относительных лакун, мы имеем дело с ними, «когда слово или словоформа, существующие в национальном языке, употребляются очень редко» [Степанов, 1965: 121]. Так, по свидетельству Ю.С. Степанова, союз *хотя* – чрезвычайно частотная лексема в русском языке. Его французским аналогом служит союз *bien que*, который в отличие от русского коррелята, од-

нако, встречается практически несравненно реже, поскольку его употребление «лежит на границе литературной речи и просторечия» [Там же: 121].

С другой стороны, во французском языке есть два союза *à moins que* «если только не...» и *sans que* «без того, чтобы ...», которые являются, по мнению ученого, намного более частотными во французской речи, чем их эквиваленты в русской. Ср.: *Je vous invite à dîner avec nous ce soir, à moins que vous ne soyez pris ailleurs.* – *Приглашаю вас пообедать сегодня вместе с нами. Хотя, может быть, вы будете заняты в другом месте?* В переводном тексте можно было бы ожидать использования эквивалента «если только не...» вместо союза «хотя». Однако, по замечанию Ю.С. Степанова, тот, кто, изучая чужой язык (в данном случае французский), еще не овладел им в достаточной степени, выражаясь на нем, избегает таких выражений, «которые в норме ничему не соответствуют в его родном языке, т.е. являются там лакунами» [Степанов, 1965: 121]. Отсюда свидетельством того, что он освоил французскую речь, является частое использование указанных союзов.

В качестве примера можно, наверное, привести довольно высокочастотные русские существительные, которые выражают ключевые для русской культуры концепты типа *тоска, душа, судьба* [цит. по: Турунен, Харченкова, Электронный ресурс]. Вместе с тем английские лексеммы, которые являются коррелятами указанных существительных, довольно редко употребляются в английском языке, и поэтому их считать относительными лакунами. Можно добавить здесь примеры из кабардинского языка типа *гу* «сердце» и *ицхъэ* «голова», которые чрезвычайно частотны в КЯ, но гораздо реже используются в русском языке.

2.4.3. Векторные лакуны в анализируемых языках

Векторные лакуны объясняются В.Л. Муравьевым с точки зрения несовпадения понятийных объемов соотносительных слов в разных языках, что приводит к количественным и качественным различиям. В результате этого

коррелирующие понятия можно рассматривать как вступающие в родовые(гиперо-гипонимические) отношения.

Для объяснения сути векторных лакун ученый приводит несколько убедительных примеров. Так, русской лексеме *часы* во французском языке соответствуют три единицы – *horloge, pendule, montre*, каждая из которых обозначает денотат с особым функциональным предназначением. В связи с этим автор считает, что русская лексема *часы* является родовым именем (родовой лакуной) по отношению к видовым французским коррелятам [Муравьев, 1975], поскольку во французском языке нет родового названия, под которое можно было бы подвести все три лексемы.

Вместе с тем *horloge, pendule, montre* не являются лакунами для русского языка – все они могут быть обозначены русской лексемой *часы* и при необходимости переведены посредством устойчивых словосочетаний (ср. *настенные часы, наручные часы* или *часы* вообще). Следовательно, – считает он, – в случае родовых лакун понятие одного языка является родовым в отношении видовых понятий другого языка. Ср.:

часы –	horloge montre pendule	свеча –	bougie (стеариновая) cierge (восковая, церковн.) chandelle (сальная)
--------	------------------------------	---------	--

(все примеры взяты из [Муравьев, 1975: 16 и далее].)

Несовпадение по объему лексически фиксированных понятий в двух сравниваемых языках – явление довольно частое. Как и в случае с русско-французскими векторными соответствиями, понятия, имеющие лексическое выражение в одном языке, оказываются шире соответствующих понятий другого языка.

Такие случаи в этих терминах были впервые описаны, на наш взгляд, в указанной работе В.Л. Муравьева, который обратил внимание на то, что указанное явление с позиции логики (науки) именуется отношением включения или подчинения (*subordinatio notionum*). Свою интерпретацию векторных лакун исследователь представляет в «метафоризованном» виде, уподобляя

сравниваемые языки двум наблюдателям, «один из которых рассматривает вещь издали, в то время как другой наблюдатель находится вблизи предмета и различает более мелкие детали» [Муравьев, 1975: 14–15].

Здесь необходимо, на наш взгляд, обратить внимание на следующие моменты: в отечественном языкознании еще до появления когнитивной лингвистики роль человеческого фактора в языке никогда не выпадала из поля зрения ученых. Более того, в приведенной цитате ученого мы уже видим роль человека как наблюдателя и как категоризатора в когнитивных процессах освоения мира.

Когнитивные исследования, по мнению Е.С. Кубряковой, – получили широкое распространение в отечественной науке, прежде всего потому, что они обращаются «к темам, всегда волновавшим отечественное языкознание: языку и мышлению, главным функциям языка, роли человека в языке и роли языка для человека» [Кубрякова, 2004: 11].

Методологически важной относительно когнитивной лингвистики при этом является положение Н.Н. Болдырева о том, что «языковые формы изучаются с позиции того, как они отражают видение мира человеком, и способы его концептуализации в языке, общие принципы категоризации и механизмы обработки информации, с точки зрения того, как в них отражается весь познавательный опыт человека, а также влияние окружающей среды» [Болдырев, 2000: 5–6].

В связи с этим приведем примеры англо- и русско-английских лексических соответствий, которые широко известны, но в нашей работе рассматриваются под углом зрения векторной лакунарности.

Русско-англо-русские векторные соответствия

Родовое понятие в русском языке vs видовые понятия в английском языке:

запах – smell, odour

рука – arm, hand

заработная плата – wages, salary

житель – *inhabitant, resident, dweller*

палец – *finger, toe*

Родовое понятие в английском языке vs видовые понятия в русском языке:

bed – *кровать, постель*

father-in-law – *свекор, тесть*

blouse – *блузка, кофточка*

grey – *серый, седой*

departure – *отъезд, уход, отправление*

girl – *девочка, девушка, служанка, прислуга*

director – *директор, руководитель, начальник*

teacher – *учитель, преподаватель*

work – *работа, труд, дело, занятие*

village – *деревня, село*

wash – *мыть, стирать*

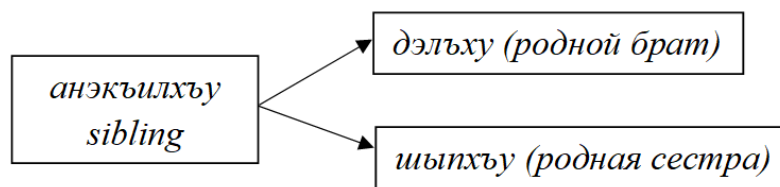
marry – *жениться, выходить замуж*

blue – *голубой, синий*

Рассматривая коррелирующих пар слов в русском и французском, В.Л. Муравьев обратил внимание на существование в этих языках определенных пар единиц с разными ономаσιологическими «задачами». Так, при сравнении лексем *цыган* и фр. *bohémien* обнаруживаются любопытные моменты: французская лексема в своем родном языке является родовым обозначением по отношению к следующим существительным, которые служат для именованья этой этнической группы: ср. *gitan* (*испанский цыган*); *tzугane* (*о музыканте*); *romanichel* (*уничижит.*). Отсюда получается, что в самом французском языке слово *bohémien* является родовой лакуной для *gitan* (*испанский цыган*); *tzугane* (*о музыканте*); *romanichel* (*уничижит.*). Одновременно эти же существительные являются видовыми лакунами по отношению к русскому «цыган»:

цыган – bohe'mien – $\left[\begin{array}{l} \text{gi tan (испанский цыган)} \\ \text{tzigane (о музыканте)} \\ \text{romanichel (уничижит.)} \end{array} \right.$

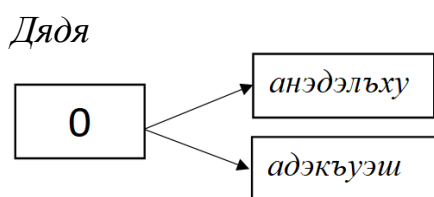
Термины родства в свете векторных лакун. Векторные лакуны основаны на несовпадении объемов понятий в двух языках. Например, в английском языке есть слово *siblings* – термин, используемый в разных гуманитарных науках, как то: этнология, социальная антропология, психология, генеалогия и др. Он обозначает детей одних родителей (родственников второй степени родства). Считается, что терминологическое значение этой единице придано английскими антропологами, которые возродили в 1903 г. лексему *sibling*, которая восходит к древне- и среднеанглийскому *siblings* в значении *родство, родственник*. В русском языке этот концепт невербализован, т.е. такой лексемы нет, и он заимствован из английского в виде *сиблинги* или *сибсы* (ср. также полусибсы от англ. *half-sibs*). В связи с этим термин может считаться межъязыковой векторной лакуной для русского языка. Еще раз подчеркнем, что мы ввели термин *лакунофор* во избежание разночтений. В соответствии с нашей терминологией английскому *siblings* соответствует пустое место, белое пятно в лексической системе русского языка. Поэтому такие лексемы и названы нами *лакунофорами*. В КЯ существует лексема *анэкълхъу* – обобщенное (родовое) название для обозначения детей одних родителей, т.е. родственников второй степени родства как и в английском языке:

Данное родовое название представляет собой сложное слово, которое состоит из двух основ *анэ* (*мать*) + *къэлхун* (*родить*), т.е. букв. *рожденные одной той же матерью*.

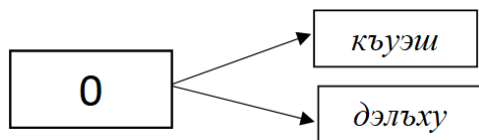
Рассмотрим еще некоторые примеры векторных лакун на примере этих же языков.

Так, в русском и английском языках существует обобщающее слово *дядя* (ср. *uncle*) в качестве родового термина для обозначения брата матери или брата отца. В КЯ такого соответствия, т.е. обобщающего слова, нет: концепт нелексикализован, не существует в виде отдельного слова, а как бы расщеплен на два концепта, каждый со своим названием – *анэдэльху* букв. *матьбрат* и *адэкъуэи* букв. *отецбрат*¹

Иными словами, и русское *дядя*, и английское *uncle* выступают в качестве *лакунофора* для кабардинского языка:

Брат

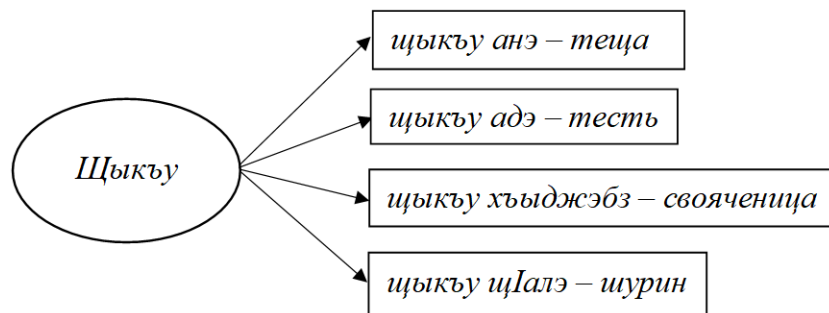
- 1) сыновья от одной матери и отца по отношению друг к другу (*къуэи*);
- 2) брат по отношению к сестре называется *дэльху*.

С другой стороны, английское слово *siblings*, которое обозначает детей одних родителей, является эквивалентом кабардинского *анэкъильху* (или *зэанэкъильху*). Но при этом оно создает лакуны для русского языка, в котором эта лексема не имеет универбального обозначения. Эквивалентность наблюдается в обозначении родственников по крови и родственников по закону. Ср.: родственники по крови *Ихълы* – *relatives* – *родственники*, с одной стороны, и родство по закону.

¹ Здесь уместно обратиться к особенностям знакообразования в КЯ в свете теории Э. Бенвениста.

В КЯ есть концептуальная категория *щыкъу* и обобщающий термин, который обозначает всех родственников со стороны жены. В английском и русском языке этой лексеме соответствует лакуна, т.е. в этих языках таких обозначений нет. С другой стороны, можно возразить, что в русском языке есть лексема *свойство* (родственники по браку – *тесть, теща, свекор, шу-рин, свояк и т.д.*) и в английском – *co-in-laws: father-in-law, mother-in-law*. Эти термины, как видно, обозначают всех тех людей, которые стали родственниками в результате брака, но языки специально не выделяют термина для обозначения родственников жены.

Родственники жены

2.4.4. Стилистические лакуны

Этот тип лакун выделяется также при сравнении слов или фразеологизмов двух языков, т.е. принадлежит к лакунам, которые именуются межъязыковыми. Если в сравниваемых языках слова имеют в определенной степени идентичное значение (т.е. коррелируют по своему значению), но имеют разную стилистическую окраску, то перед нами стилистические лакуны [Муравьев, 1975: 18 и далее].

Это положение справедливо и в отношении фразеологических единиц. Иллюстрируя феномен стилистических лакун, автор приводит ряд книжных слов, которыми изобилует французский язык: *dominical, verbal, domestique, maturite, cecite, calvitie, catenaire*. Эти слова являются немотивированными с

точки зрения французского, но, будучи книжными, отмечены определенной стилистической отнесенностью: они относятся к области профессионализмов, принадлежат к публицистической и официально-деловой стили речи.

Все эти характеристики предоставляют возможность рассматривать их в терминах стилистических лакун для русского языка, так как этот язык не имеет соответствующих слов-коррелятов с совпадающей стилистической окраской (ср. *dominical* редкое литературное и русское повседневное *воскресный*), *cécité* и *слепота*, *empreintes digitales* и *отпечатки пальцев*, русское четко мотивированное сочетание *мое второе я* и французский латинизм *mon alter ego*, *книголюб* и *bibliophile*¹.

Аналогичные лакуны можно выделить и в других стилистических пластах русского и французского языков. Как считает В.Г. Гак: «При первом же взгляде на французско-русский словарь нельзя не заметить, что нередко одному французскому слову соответствуют два русских, из которых одно является общеупотребительным, стилистически нейтральным, а другое относится к «повышенному поэтическому стилю» [Гак. Цит. по: Муравьев, 1975: 19]:

<i>oeil</i>	<i>глаз</i>	<i>око</i>
<i>bouche</i>	<i>рот</i>	<i>уста</i>
<i>marcher</i>	<i>идти</i>	<i>шеествовать</i>
<i>trainer</i>	<i>тянуть</i>	<i>влачить</i>
<i>trembler</i>	<i>дрожать</i>	<i>трепетать</i>

При рассмотрении и анализе стилистических лакун подобного рода возможна двоякая интерпретация, по мнению В.Л. Муравьева: с одной стороны, «отсутствие во французском языке слов с повышенной, поэтической окраской, соответствующих русским церковно-славянизмам, можно воспринять как существование стилистических лакун во французской лексике на месте данных русских слов; с другой же стороны, эти соотношения можно рассматривать, как стилистические векторные лакуны на том основании, что

¹ Эти примеры вслед за В.Л. Муравьевым подробно рассмотрены в соответствующем разделе в [Быкова, 2003].

французское слово «как бы включает в себя стилистически оба русских слова, т.е. соответствует как стилистически нейтральному, так и русскому поэтическому слову» [Муравьев, 1975: 20].

Межъязыковые стилистические лакуны в большом количестве обнаруживаются также при сопоставлении английского и русского языков, материал которых непосредственно вовлечен в наше исследование. Ср.:

глаза, очи – англ. *eyes*

рот, уста – англ. *mouth*

щека, ланита – англ. *cheek*

грудь, перси – англ. *breast*

Что касается анализируемого материала (терминов микросистемы «семья»), стилистические лакуны нехарактерны для кабардинского языка. Как мы уже отмечали ранее, в русском языке имеется разветвленная сеть синонимов слова *отец*. Ср.: *батька, батюшка, батя, батяня, отче, па, папа, папанюшка, папаня, папаша, папашенька, папашечка, папенька, папка, папоротник, папочка, папуленька, папулечка, папуля, папундер, папусенька, папуся, пахан, тятенька, тятька, тятя, фазер*.

Нетрудно видеть, что в стилистическом отношении этот список слов неоднороден. Здесь мы имеем уменьшительно-ласкательные слова, которые подаются как разговорные, книжные, ироничные, ласкательные:

1) *па, папа, папанюшка, папаня, папаша, папашенька, папашечка, папенька, папка, папочка, папуленька, папулечка, папуля, папусенька, папуся*;

2) *пахан* – жаргонное;

3) *фазер* – арготическое выражение;

4) *тятенька, тятька, тятя* – устаревшее.

Список этот можно продолжать сколько угодно, но все эти русские синонимы слова *отец* (ср. синонимы слова *мать* – *мама, маман, маманюшка, маманя, мамаша, мамашенька, мамашечка, маменька, мамонька, мамочка, мамулечка, мамулька, мамуля, мамунька, мамусенька, мамусечка, мамуся, мамушка*)

являются лакунофорами для кабардинского языка, т.е. они потенциально «не-сут» лакуну в этом языке. Иными словами, в КЯ нами обнаружены только стилистически нейтральные слова *анэ* и *адэ*, которые не имеют ни разговорных, ни книжных, ни уничижительных, ни жаргонных и т.д. соответствий.

С другой стороны, их, однако, можно считать словообразовательными лакунами для кабардинского языка. То есть в русском и английском языках эти морфологические средства в соответствии с нашей терминологией выступают в качестве морфологических (словообразовательных) лакунофоров, вызывая к жизни пустые места, белые пятна в кабардинской языковой картине мира, что объясняется особенностями языкового поведения носителей кабардинского языка.

2.4.5. Этнографические лакуны

Как мы уже указывали, в интерпретации лакун мы следуем классификации, предложенной В.Л. Муравьевым. В соответствии с ней все лакуны, в первую очередь лексические лакуны, подразделяются на лингвистические и этнографические. Первые, как явствует из названия, обусловлены, как правило, чисто лингвистическими причинами и не связаны с членением окружающей действительности, в то время как вторые обусловлены разнообразными экстралингвистическими причинами.

Напомним, что лингвистические лакуны (далее ЛЛ) подразделяются ими на: абсолютные, относительные, векторные и стилистические. Что касается этнографических лакун (далее – ЭЛ), автор, комбинируя эти два понятия, а именно ЛЛ и ЭЛ, вводит следующие термины, как то: абсолютные этнографические лакуны (АЭЛ), относительные этнографические лакуны (ОЭЛ), стилистические этнографические лакуны (СЭЛ) и так называемые ассоциативные лакуны (АЛ).

В нашей работе мы не разграничиваем этнографические лакуны на абсолютные, относительные, векторные, рассматривая их под одной рубрикой –

этнографические лакуны (ЭЛ). Как полагает В.Л. Муравьев абсолютные этнографические лакуны не могут быть выявлены с достаточной степенью достоверности только путем «простой констатации отсутствия в одном из языков слова (фразеологизма) для выражения понятия, закрепленного в лексике другого языка» [Муравьев, 1975, 31]. В этой связи для идентификации лакун подобного рода ученый считает целесообразным и даже необходимым использование дополнительных критериев, поскольку «этнографические лакуны непосредственно связаны с внеязыковой национальной реальностью» [там же: 31]. Но при этом очень важно то, что «сохраняется возможность» передать данное понятие свободным словосочетанием (пояснительной перифразой). Отсюда все лакуны, которые при сравнительном анализе двух языков обнаруживаются в одном из них ввиду идиоэтнической специфики означивания мира, вызванной географическими, социокультурными и иными (нелингвистическими) факторами, считаются нами этнографическими лакунами.

Иное понимание и иное терминологическое обоснование предложено в теоретических построениях более позднего времени в [Попова, Стернин, 2009]. Рассматривая проблему лакун с позиции теории и практики перевода в терминах межъязыковой лексической эквивалентности, авторы довольно четко выделяют три основных типа лексических соответствий: к первому типу относят так называемые **линейные соответствия**. В таких случаях наблюдается денотативное совпадение лексем двух языков – оригинала и перевода. Так, при сравнении некоторых английских и русских лексем для обеспечения переводимости, например: *голова* – англ. *head*; *дерево* – англ. *tree*; *кошка* – англ. *cat* и др. мы наблюдаем линейное соответствие или, иначе говоря, эквивалентность. Иными словами, каждой из английских лексем соответствует русская лексема и наоборот [Попова, Стернин, 2009]. Вместе с тем зачастую не представляется возможным достичь линейных соответствий (=эквивалентности) и тогда перед нами налицо, согласно теории З.Д. Поповой и И.А. Стернина, векторные соответствия. Такие соответствия наблюдаются в

тех случаях, когда какая-либо единица языка оригинала обладает настолько обобщенным значением, что позволяет ему иметь сразу несколько единиц в языке перевода, каждая из которых «представляет» общее значение лексемы языка-оригинала как бы в конкретизированном виде. Для иллюстрации данного положения авторы сравнивают существительное *палец* и его два его английских коррелята – *finger* и *toe*. Такая же ситуация наблюдается в случае с английским *strawberry* и двумя его коррелятами *клубника* и *земляника*, которые демонстрируют расщепление денотата английского существительного. Или наоборот – *клубника* и *земляника* в русском, *strawberry* – в английском. Нам представляется, что классификация некоторых видов соотнесенности коррелирующих лексем в языке перевода и языке оригинала представляют собой модернизированную и усовершенствованную интерпретацию векторных лакун, предложенных в работе В.Л. Муравьева [Муравьев, 1975]. В работе Л.С. Бархударова такие примеры несовпадения семантических структур интерпретируются в терминах семантической недифференцированности слова. Так, английская лексема *cheese* является семантически обобщенной (недифференцированной, по терминологии ученого, по сравнению с русскими *сыр* и *творог* [Бархударов, 1969]. Третий тип межъязыковой лексической эквивалентности в концепции З.Д. Поповой и И.А. Стернина связан с отсутствием эквивалентности лексемы языка оригинала в языке перевода. В этой связи авторы предлагают считать подлинными лакунами именно третий тип. Отсюда в соответствии со своими теоретическими установками понятие *лакуны* эти исследователи предлагают применять по отношению к двум случаям, а именно: а) полного отсутствия эквивалента (безэквивалентная лексика) и б) векторных соответствий, когда «возможен перевод только лексемой родового значения, без дифференциальных сем или только лексемой с более конкретным значением с дополнительными дифференциальными семами» [Попова, Стернин, 2009: 76]. В случае векторных соответствий, по их мнению, перевод оказывается возможным. При этом требуется привлечение дополнительных

лексических единиц и – шире – экспликативных конструкций, в связи с чем они названы авторами *частичными*. Логическим продолжением такого подхода к лакунам является их деление на *мотивированные* и *немотивированные* [там же: 76]. Мотивированные лакуны, по их мнению, возникают в случае отсутствия самой реалии у того или иного народа (ср. отсутствие таких реалий, как *квас, лапти, щи* и др. у англичан, французов, японцев и т.д. в сравнении с русскими). Очень важное и существенное замечание этих ученых заключается, на наш взгляд, в том, что мотивированные лакуны обнаруживаются в сфере так называемой безэквивалентной лексики. При этом немотивированные лакуны не поддаются объяснению через отсутствие реалии. Это происходит в виду того, что соответствующие реалии могут существовать, но носители языка и культуры в силу разнообразных причин могли оставить их без языковой привязки. Для иллюстрации своих рассуждений авторы приводят следующие примеры немотивированных лакун: «*совокупность детей одних родителей; всякий нависающий предмет* для русского языка, такие слова, как «*кипяток, однолюб, сутки* – для французского» [там же: 76].

Судя по нашему материалу, этнографические лакуны, как правило, являются мотивированными. Это означает, что если в опыте какого-то народа отсутствует определенная реалья (предмет, явление), то, следовательно, народ не обозначает ее языковыми средствами.

В связи с этим мы рассматриваем их как лакунофоры, т.е. такие лексемы, которым в другом языке (английском и русском соответствуют пустые места или лакуны). Эти лексемы большей частью служат для обозначения обычаев и традиций, хотя мы в предыдущем разделе рассмотрели и термины родства, как то: *сваты, кумовья, восприемники, крестные*, которые являются лакунофорами. Эти единицы мы считаем лакунофорами для кабардинского языка, поскольку в опыте народа таких реалий не существует, и концепты, стоящие за ними, остаются без языковой привязки в КЯ. С другой стороны такие лакуны можно назвать мотивированными, т.е. такими единицами, су-

ществование которых объяснимо с точки зрения отсутствия соответствующих денотатов. Иными словами, пустые места, которые соответствуют им в КЯ, можно считать мотивированными, этнографическими, а также культурными или культурологическими. В эту подгруппу можно отнести слова, которые обозначают термины, относящиеся к обрядам и традициям, связанным с созданием семьи, рождением детей и т.д.

Нысашэ, нысаплэ, мальхээтешэ, нэчыхытх, гуцэхэпхэ, лэтеувэ

Определения [СКЧЯ]:

Нысашэ – обряд привода невестки из дома ее родителей в дом жениха и связанное с этим торжество.

Нысаплэ – этн.: обряд приезда родственников жениха на свадьбу.

Мальхээтешэ – торжество в доме родителей жены по поводу их знакомства с зятем.

Гуцэхэпхэ – обряд в честь новорожденного, когда его первый раз укладывают в колыбель.

Лэтеувэ – этн.: название обряда в честь того, что ребенок начал ходить.

Ни один из этих терминов, как нетрудно заметить, не имеет универсально-го эквивалента ни в английском, ни в русском языках, поскольку в этих культурах нет соответствующих реалий (напомним, под реалиями мы понимаем предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи или процессы, которые не оформлены лексически в других языках). Для сравнения можно в качестве примера привести такие концепты, как «венчание», «крещение», которых не существует в кабардинской языковой картине мира. Итак, этнографические лакуны определяются, как этнокультурные реалии, которые функционируют в языке как безэквивалентная лексика, т.е. лакуны, образующие белые пятна и пустоты в семантической системе языка. Они занимают особое место в национальных картинах мира и демонстрируют неповторимость обработки и сортировки опыта.

Выводы

Включение практического материала кабардинского языка для сравнительного анализа в терминах указанной темы не случайно: по данным ЮНЕСКО, он принадлежит к так называемым уязвимым языкам, поэтому его всестороннее исследование представляет собой актуальную задачу. Вместе с тем наиболее изученными областями этого языка до настоящего времени являются фонетика и морфология. Гораздо меньше внимания получили, в силу целого ряда объективных причин, проблемы семантики.

Сравнительные лингвокультурологические работы, в частности в области межкультурной коммуникации, еще набирают силу в качественном и количественном отношении. Одна из угроз исчезновения КЯ и ему подобных заключается, на наш взгляд, в бурном развитии киберкультуры, т.е. цифровизации (в широком смысле) всех сфер жизнедеятельности. Несбалансированное двуязычие как объективная черта билингвизма в КБР способствует тому, что молодежь при общении на родном языке – даже на бытовом уровне – широко обращается к лексическим средствам русского языка, что согласуется с принципом языковой экономии – явление, на которое впервые обратил внимание французский лингвист А. Мартине. Этот принцип, по другой терминологии, «принцип наименьшего усилия» [Мартине, 2006: 126] исходит из того, что естественный язык, представляя собой до известной степени саморегулирующуюся систему, всегда идет по пути экономии средств практически на всех уровнях языка.

Вместе с тем реализация этого принципа до настоящего времени рассматривалась на примере отдельно взятого языка (ср., например, *Павел Павлович* и узуальный вариант *Пал Палыч*). В условиях кабардино-русского билингвизма принцип языковой экономии действует на межъязыковом уровне: носители для облегчения физиологических усилий при произнесении таких терминов, как *зэшыхъурьльхуэгъу* (гипероним для обобщенного обозначе-

ния всех двоюродных и троюродных детей любого пола, но рожденных от сестер), вместо «изобретения» облегченного фонетического варианта этого термина обращаются к русскому языку, т.е. заимствуют русские лексемы.

В результате в узусе носителей КЯ на современном этапе его развития вполне нормативно функционируют такие слова, как *двоюроднэ* (*двоюродные брат/сестра*), *троюроднэ* (*троюродные брат/сестра*). Иными словами, выявлено, что принцип языковой экономии «действует» не только в пределах одного языка, но и на межъязыковом уровне – явление, которое требует подробного рассмотрения в дальнейших исследованиях.

Применительно к нашему материалу из лексикона современных кабардинцев уходят такие, казалось бы, исконные термины родства и семейных отношений: *къуэрыльху* (букв. *рожденный от сына*), *пхъурыльху* (букв. *рожденный от дочери*), *зэш бын* (букв. *рожденные от братьев*), *къыщалхуа махуэ* (*день, когда родился/родилась*). Эти кабардинские термины в силу действия того же самого закона заменяются привычными русскими словами – *внук, внучкэ; племянник, племянницэ; ден рожденэ; свадьбэ; регистрацэ; молодежнэ* и т.д. Это объективная данность, тенденция, которой невозможно противостоять.

В терминосистеме *семья* и *родство* КЯ зачастую обобщающие гиперонимические обозначения некоторых родственных отношений образуются при помощи словосложения, которое является типологической чертой кабардинского языка, отличающей ее от русского и английского языка (ср. *родители, parents* и *анэ-адэ*, букв. *мать-отец*; *дядя – анэдэльху – мать-брат; адэкъуэши – букв. отец-брат*). Это явление рассмотрено нами с позиции теоретических установок Э. Бенвениста.

Во всех трех лингвокультурах родственники категоризируются по принципу *кровное/некровное родство*, и каждый из языков располагает отдельными терминами для обозначения категории родства. Ср. *родство vs свойство; kin vs in-laws; Ихьлы* (родственники по крови) *vs благъэ* (родственники по браку). Наибольшая вариативность наблюдается при субкатегоризации

внутри терминов правой (кровные родственники) и левой части (некровные родственники).

В современном русском языке в последние годы наблюдается тенденция, в соответствии с которой некоторые термины родства выходят из употребления – например, такие термины, как деверь, шурин, сноха, золовка, заменяются лексемами типа невестка или описательными конструкциями, например, *сестра брата* и др.

Важно также отметить, что русский и английский лингвокультуры полагают терминами, которые обозначают родство по крещению (ср. *крестный/крестная* и *Godfather* и *Godmother*). Крестный и крестная по другой терминологии именуются, как *восприемники*. В это же время в кабардинской лингвокультуре в силу религиозной принадлежности этноса, который исповедует ислам, эквиваленты терминов *крестный/крестная* (ср. английские корреляты) существовать не могут.

Кроме этого, в русской лингвокультуре особое место занимают такие термины свойства, как *кум, кума, кумовья*, которых нет ни в английском, ни тем более в кабардинском языках. Данные примеры свидетельствуют о том, однако, что наличие или отсутствие языковой привязки концепта как единицы мышления не влияет на факт его существования в сознании других народов.

Отсутствие единицы является показателем коммуникативной нерелевантности данного концепта для народа: то есть этому народу в силу определенных причин нет необходимости обсуждать этот концепт и передавать его другим носителям языка в ходе коммуникации, поэтому он его и не вербализует. Причины вербальной неактуальности концепта, по мнению многих ученых, представляют собой определенный интерес для лингвокультурологического и социального анализа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с целью и задачами диссертационной работы мы провели разносторонний анализ специфики языкового осмысления – категоризации и концептуализации – семьи, родства и родственных отношений в разносистемных языках.

В связи с этим мы проанализировали также базовые теоретические понятия когнитивной лингвистики, как то: концептуализация и категоризация, языковая картина мира, ее взаимосвязь с концептуальной картиной мира. При интерпретации таких сложных понятий мы вслед за авторами книги «Человеческий фактор в языке» принимаем точку зрения, в соответствии с которой эти явления, будучи тесно связанными между собой, представляют собой две самостоятельные области.

Концептуальная картина мира (ККМ), или языковая модель мира в другой терминологии, богаче, шире и разнообразнее ЯКМ, поскольку в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные. При этом мы также следуем за теми отечественными лингвистами, которые считают, что язык ни на одном этапе своего развития не представляет собой самостоятельную креативную сущность, оставаясь при этом средством формирования мысли. ЯКМ наряду с универсальным характером обладает идиоэтническими чертами.

Каждодневный опыт общения человека с окружающей действительностью предполагает классификационную деятельность. Именно эта деятельность человека предопределяет центральное место в ней процессов концептуализации и категоризации. При этом концептуализация имеет своим результатом образование определенных представлений о мире в виде концептов (единиц знания, фиксированных в сознании человека), как то: концепт дома, семьи, времени, пространства, вечности, движения и т.д. Понятие семьи как важнейшей социологической и лингвокультурологической категории является предметом изучения многих дисциплин: культурной антропологии,

этнологии и психолингвистики. Наше внимание в работе сосредоточено на изучении когнитивной категории *семья* и его составляющих: члены семьи, термины родства, родственные отношения, основанные на кровном родстве и на браке, концептуальные сценарии, связанные со становлением семьи в исследуемых лингвокультурах.

Центральная, или ключевая, лексема искомой микросистемы, а именно *семья* и ее корреляты исследованы в работе также с точки зрения эпидигматической активности, которая, как оказалось, является самой высокой в лексической системе английского языка. При этом выявлено, что в русском и английском языках направление метафорической производности (концептуального расширения) строится на идентичных когнитивных основаниях: ср. семья как группа родственников (исходная область) > группа животных > группа растений > группа грибов > группа химических элементов.

Подобное когнитивное развитие, как оказалось, невозможно для кабардинской лексемы *унагъуэ*, которая представлена в словаре единственным значением. Причина этого, как мы обнаружили, кроется в этимоне слова, т.е. в первородном зачаточном концепте, который лежит в основе лексем *семья* и *family* (*коллектив* или *группа*), в то время как концептуальную основу кабардинской лексемы *унагъуэ* составляет *дом, жилище, здание*, что делает невозможным ее концептуальное расширение по типу английской и русской лексем-коррелятов.

Нами также проанализированы основные термины родства в нуклеарной семье, как то: *отец, мать, сын, дочь*. На примере двух терминов (*мать, отец – father, mother*) показано, что семантическое развитие лексем в этих языках осуществляется по метафорическому типу (ср. *father of modern art* и *отец космонавтики*). Отчасти мы связываем этот факт с тем, что единственным творцом и создателем в исламской традиции является Аллах, единый бог, который выступает в одной единственной ипостаси. В связи с этим в когнитивном сознании кабардинцев не существует таких концептов, как *Бог-отец, Бог-сын* (ср. *God The Father, God The Son*). В это же время кабардинские лексем-корреляты

принципиально не получают семантического развития: никакой иной категоризации, кроме как «родителя», *отец* и *мать* в КЯ не имеют.

Анализ ономаσιологического аспекта проблемы также выявил, что в отличие от английского и (особенно!) русского языков кабардинские лексемы-корреляты (*адэ* и *анэ*) практически не имеют синонимов. Так, например, денотативное значение слова отец – *мужчина по отношению к своим детям*, в когнитивном сознании и коммуникативном поведении *русских* категоризируется разнообразно, благодаря, в первую очередь, разветвленной системе морфологических средств выражения эмоционального отношения к родителю мужского пола (ср. *папуля*, *пахан*, *папанюшка*, *папаня*, *папаша*, *папашенька*, *папашечка*, *папенька*, *тятка*, *батяня* и др.).

Как видно, некоторые из этих слов устарели, другие – эмоционально окрашены как в отрицательном, так и положительном смысле, некоторые – просторечные, некоторые – фамильярные, ироничные, есть и жаргонизмы. Вместе с тем сложившиеся веками традиции кабардинского народа диктуют обязательное соблюдение дистанции в коммуникативном, а отсюда и речевом поведении родителей и детей (сверху вниз и наоборот). С другой стороны, умеренность и даже сдержанность в выражении эмоций как положительных, так и отрицательных в кабардинской лингвокультуре всячески приветствуется.

Особо отметим создание как бы двойной эмоциональности в русских словах. Ср., например, *папа* > *пап-ул-я* > *пап-ул-ечк-а*. Здесь обращает на себя внимание двухступенчатая идентификация подчеркнутого эмоционального отношения к отцу.

Ср. *папуля* – уменьш.-ласк. к *папа*; *папулечка* – уменьш.-ласк. к *папуля*. Иными словами, мы имеем уменьшительно-ласкательное отношение к отцу в двойной степени. Это характерно только для русского языка.

Если сравнить с кабардинским *адэ*, то можно сказать, что специфическая «кабардинская» категоризация денотата слова *отец* не позволяет ему выступать в эмоционально отрицательных контекстах.

В соответствии с одной из важнейших задач выполненной работы нами осуществлена классификация исследовательского материала и с точки зрения лакунологии, которая позволила выявить универсальные и идиоэтнические принципы формирования искомого фрагмента ЯКМ.

Так, нам впервые на фоне сравнения эмпирического материала КЯ с другими разносистемными языками (в том числе французским и арабским) удалось идентифицировать следующие разновидности лакун: векторные, стилистические, словообразовательные, культурные и этнографические. Нам также удалось показать, что чрезвычайно интересным продолжением анализа могло бы стать исследование грамматических лакун КЯ, одного из уникальных во многих отношениях языка, на фоне грамматического материала других языков Северного Кавказа и Европы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акай О.М. Языковая лакунарность и смежные категории / О.М. Акай // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики – 2019. – № 3. – С. 30–39.
2. Апресян Ю.Д. Статичность словаря и динамичность языка / Ю.Д. Апресян // Предисловие. Новый Большой англо-русский словарь: в 3 т. Э.М. Медникова и др. – М.: Рус. яз., 1999. – 832 с.
3. Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 910 с.
4. Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика её исследования: на материале имени существительного: монография / И.В. Арнольд. – Л.: Просвещение, 1966. – 191 с.
5. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык: К проблеме «языковой картины мира» / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3 – 19.
6. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. Введение / Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 1999. – С. 3–10.
7. Арутюнова Н.Д. Язык о языке / Н.Д. Арутюнова // Сборник статей / под. ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 624 с.
8. Атрощенко Е. О. Парадигматические и эпидигматические семантические отношения имени концепта «мать» в русском языке / О.А. Атрощенко // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2014. – № 1. – С. 173–178.
9. Ахаминова К.С. Языковая репрезентация феномена игры в адыгской и английской лингвокультурах. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / К.С. Ахаминова. – Нальчик, КБГУ. – 2010. – 22 с.
10. Байрамова Л.К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны / Л.К. Байрамова. // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011. – Вып. 58. – С. 22–27.

11. Баранов А.Н. Лео Вайсгербер в когнитивной перспективе / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка – 1990. – Т. 49, № 5.
12. Бархударов Л.С. Двенадцать названий и двенадцать вещей / Л.С. Бархударов // Рус. язык за рубежом. – 1969. – № 4. – С. 79 – 86.
13. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
14. Барышников Н.В. Профессиональная межкультурная коммуникация: монография / Н.В. Барышников. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – 264 с.
15. Барышников Н.В. Дидактический трилингвизм / Н.В. Барышников. Теоретическая и экспериментальная лингводидактика: сборник статей – Пятигорск, 2003. – С. 6 – 15.
16. Барышников Н.В. Русский язык как основа формирования мультилингвизма в образовательной системе России / Н.В. Барышников // V Педагогический форум. – Сочи, 2017. – С. 577–581.
17. Батанова И. А. Концепт «семья» в русской и турецкой лингвокультурах / А.И. Батанова // Молодой ученый. – 2017. – № 3 (137). – С. 645–648 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://moluch.ru> (дата обращения: 04.06.2023).
18. Бгажноков Б.Х. Социальная организация семьи / Б.Х. Бгажноков. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ. – 2010. – 128 с.
19. Бгажноков Б.Х. Семантика и прагматика адыгских терминов родства / Б.Х. Бгажноков С.Д. Берзгова // Вестник КБГНИИ, Нальчик, 2005. – 254 с.
20. Бенвенист Э. Синтаксические основы именного сложения / Э. Бенвенист // Общая лингвистика. – М., 1974. – 448 с.
21. Берзгова С.Д. Термины родства и родственные отношения в традиционной культуре адыгов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / С. Д. Берзгова. – Нальчик, 2008. – 23 с.
22. Бибок К. Проблемы концептуальной семантики русского и венгерского языков / К. Бибок // Вопросы языкознания – 1996. – № 2. – С. 156–165.

23. Богданов А. В. Описание гэппинга в системе автоматического перевода / А.В. Богданов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая–3 июня 2012 г.). Т. 1: Основная программа конференции. – М.: Изд-во РГГУ, 2012. – Вып. 11 (18) – С. 61–71.
24. Болдырев Н. Н., Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2000. – 163 с.
25. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: изд-во Воронежского университета, 2001. – С. 25–36.
26. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н.Н. Болдырев. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. – 4-е изд., исп. и доп. – 2014. – 236 с.
27. Брутян Г.А. Гипотеза Сепира-Уорфа: лекция, прочитанная в Лондонском ун-те в 1967 г. / проф. Г. А. Брутян. – Ереван: Луйс, 1968. – 66 с.
28. Брутян Г. А. Язык и картина мира / Г.А. Брутян // Филос. науки. – 1973. – № 1.
29. Брутян Г. А. Языковая картина мира и ее роль в познании / Г.А. Брутян // Методологические проблемы анализа языка. – Ереван, 1976.
30. Брутян Г. А. Очерки по анализу философского знания. – Ереван, 1979. – 288 с.
31. Бурас М.М. Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика. / М.М. Бурас, М.А. Кронгауз // Вопросы языкознания. – 2013. – № 12. – С. 121–131.
32. Буянова Е.В. Культурный феномен традиционной английской семьи Викторианской эпохи. / Е.В. Буянова // Международный научный журнал «Инновационная наука» / Е.В. Буянова. – 2017. – № 4–2. – С. 198–200.
33. Быкова Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г.В. Быкова. – Воронеж, 1999. – 33 с.

34. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии / Г. В. Быкова. – Благовещенск: БГПУ, 2003. – 276 с.
35. Бэкон Ф. Опыты, или Наставления нравственные и политические: сочинения. / Ф. Бэкон. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – С. 348–481.
36. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. – 2-е изд., испр. и доп. / Й.Л. Вайсгербер / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. – М.: УРСС, 2004. – С. 229.
37. Васильева Ю.О. Языковые лакуны как проблема в обучении иностранному языку. / Ю.О. Васильева // Вестник науки и образования. – 2020. – Ч. 3. – № 12(90). – С. 94–96.
38. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицка. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
39. Величко А.В. Закон экономии как условие функционирования и развития языка / А.В. Величко // Мир русского слова – 2005. – № 2. – С. 12–16.
40. Верещагина А.В. Типологическая характеристика семьи в современном российском обществе / А.В. Верещагина // Вестник института ИАЭ. – 2012. – № 2. – С. 79–91 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 02.02. 2022).
41. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Собр. соч. в 6-ти томах. – Т. 2: Проблемы общей психологии. – М., 1982. – 504 с.
42. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков) / В.Г. Гак. - М.: Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
43. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак. – М.: Просвещение, 1989. – 288 с.
44. Гарипова Э.В Вербализация социокультурного понятия «семья» в произведениях Л. Толстого «Война и мир» и Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах» / Э.В. Гарипова, Р.А. Аюпова. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2020. – 176 с.
45. Гейжан Н.Ф. Тенденции развития семьи и семейного просвещения / Н.Ф. Гейжан // Человек и образование. – 2009. – № 3. – С. 96–100.

46. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – 2-е изд., испр. / Г. Гийом. М.: Едиториал, УРСС, 2002. – 224 с.
47. Глазачева Н.Л. Лакуны и теория межкультурной коммуникации / Н.Л. Глазачева // Лакуны в языке и речи: сб. науч. тр. – Благовещенск: Изд-во БГПУ – 2005, Вып. 2. – С. 31–34.
48. Глухов В.П. Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов / В.П. Глухов. – М.: АСТ: Астрель, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pedlib.ru> (дата обращения 03.06.2021)
49. Гольдберг В. Б. Лексика современного английского языка в свете лингвистических парадигм: учеб. пособие для студентов вузов / В.Б. Гольдберг. – Тамбов: Гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru> (дата обращения 20.03.2021).
50. Гончарова Т.С. Российская семья: история и современность / Т.С. Гончарова // Вестник ТГТУ. – 2013. – Т. 19, № 1. – С. 226–231.
51. Горелов И.Н. О вербальных и невербальных составляющих речевого поведения / И.Н. Горелов // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 13–18.
52. Гришаева Л. И. Перевод как источник знаний о концептуализации внеязыковой действительности. / Л.И. Гришаева // Материалы Международной конференции Перевод: язык и культура. – Воронеж, 2000. – С. 29–31.
53. Гурджиан М.В. Русская философия о природе семьи и брака / М.В. Гурджиан [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 23.03. 2021).
54. Демьянков В.З. Концептуальный анализ языка: современные направления исследования / В.З. Демьянков // Сборник науч. трудов РАН. Ин-т языкознания; Мин-во образ. и науки РФ. ТГУ им. Г.Р. Державина. – 2007. – С. 26–33.
55. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35–47.

56. Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография / Е. В. Дзюба. – Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – 286 с.

57. Добровольская Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: автореф. ... канд. филол. наук / Е.В. Добровольская. – Томск, 2005. – 24 с.

58. Добронравин Н.А. Термины родства, имена родства и компаративистика // Алгебра Родства. – СПб.: МАЭ РАН, 1998. – Вып. 2.

59. Дружина Н.Л. Семантическое поле «семья» в разных типах дискурса (на материале русского, белорусского и немецкого языков) / Н.Л. Дружина. Витебский государственный университет имени П.М. Машерова. – Минск, 2020 – 160 с.

60. Думанов Х.М. Некоторые вопросы изучения большой семьи и патриимии у адыгов / Х.М. Думанов // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. – Нальчик, 1971. – Вып. 4. – С. 70–81.

61. Егорычев А. М. Основы традиционной русской семьи: истоки, особенности, перспективы / А.М. Егорычев, Т. К. Ростовская, А.Г. Ахтян // ЦИТИСЭ. – 2022. – № 2. – С. 268–282.

62. Езаова М. Ю. Языковые культурные коды в лексико-семантическом поле родства кабардино-черкесского языка / М.Ю. Езаова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 11–3 (77) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 27.05.2023).

63. Езаова М.Ю. Структурно-семантические и прагма-коммуникативные характеристики лексико-семантического поля «родство» в кабардино-черкесском языке: лингвокультурный аспект: дисс... канд. филол. наук / М.Ю. Езаова – Майкоп, 2018. – 180 с.

64. Жельвис В. И. К вопросу о характере русских и английских лакун / В.И. Желвис // Национально-культурная специфика речевого поведения. – Ин-т языкознания РАН. – М., 1977. – С. 136–146.

65. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н.И. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26–38.
66. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – С. 83.
67. Залиняк Анна. Языковая картина мира / Анна Зализняк // Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.krugosvet.ru> (дата обращения 13.04.2021).
68. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование / Е.А. Земская. – М., 1973 – С. 112.
69. Калашаова Д.А. Социокультурные трансформации в современной адыгской семье / Д.А. Калашаова, А.А. Безрукова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Майкоп, 2016. – № 2. – С. 104–108.
70. Караулов Ю.Н. Словарь как компонент описания языков / Ю.Н. Караулов // Принципы описания языков мира. – М., 1976. – С. 344.
71. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 354 с.
72. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1981. – 363 с.
73. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис. – 2004. – 389 с.
74. Кимов Р.С. Когнитивный анализ сложных соматизмов / Р.С. Кимов // Вестник Тамбовского университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 4. – С. 175–181.
75. Кимов Р.С. Метафора и метонимия как когнитивные и эпистемологические механизмы формирования языковой картины мира: монография / Р.С. Кимов. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т. – 2010. – С. 183
76. Кимов Р.С. Соматизмы кабардинского языка. / Р.С. Кимов // Грамматикализация: монография. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2010. – С. 122.

77. Кимов Р.С. Специфика организации семантической структуры лексемы семья и ее коррелятов в английском и кабардино-черкесском языках / Р.С. Кимов, М.Ю. Мурзаканова // Сборник «Казанская Наука». – Казань, 2021. – № 12. – С. 166–169.

78. Киселева Е.В. Семья как социокультурная ценность / Е.В. Киселева // Вестник славянских культур. – М., 2016 – № 1(39). – С. 76–83.

79. Коблева З.Х. Социокультурные ценности адыгской семьи в условиях современных трансформаций / З.Х. Коблева // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп, 2021. – №1 (274). – С. 72 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 27.05.2023).

80. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС. – 2000. – 350 с.

81. Колшанский Г.В. Логика и структура языка / Г.В. Колшанский. – М.: Высш. шк. – 1965. – 239 с.

82. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). / В.Н. Комиссаров: учеб. для ин-тов и фак. иностр. языков. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

83. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М., 1999. – 187 с.

84. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М., 2003. – 347 с.

85. Кравец А.О. Теоретические основы рассмотрения лакун / А.О. Кравец // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 37 – № 3. – С. 415–421.

86. Красных В.В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? / В.В. Красных. // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 122–130.

87. Кронгауз М.А. Семантика / М.А. Кронгауз: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2005. – 352 с.

88. Крюков М.В. Эволюция систем родства: механизм трансформации / М.В. Крюков // Доклады Советской делегации IX Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук. – М: Наука, 1973. – 15 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusneb.ru> (дата обращения 14.06.2021).

89. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа (на материале германских языков) / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, – 1974. – 324 с.

90. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова. // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, – 1988. – С. 141–173.

91. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Изд-во МГУ, – 1996. – С. 92.

92. Кубрякова Е.С. Глоссарий к краткому словарю когнитивных терминов (Приложение к: Краткий словарь когнитивных терминов) / Е.С. Кубрякова. – М., 1997. – С. 10.

93. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова // РАН. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 11.

94. Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие / Е.С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. – 2005. – Т. 65, № 2. – С. 3–13.

95. Кубрякова Е.С. Предисловие / Е.С. Кубрякова // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сборник науч. трудов. – М., 2007. – 276 с.

96. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

97. Леонович Е.О. Английские термины родства и внутрисемейных отношений как обращения / Е.О. Леонович // Университетские чтения: Пятигор. гос. лингв. ун-т. – Пятигорск, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pglu.ru> (дата обращения 10.03.2023).

98. Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка. / А.А. Леонтьев. – М., 1963. – 139 с.

99. Леонтьев А.Н. Образ мира / А.Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения. – М.: Педагогика, – 1983. – С. 251–261.

100. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия АН Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9.

101. Мануковская Т.В. Понятие «языковая лакуна» в современной лингвистике на основе славянских и романо-германских языков / Т.В. Мануковская, И.В. Смотровая, Л.В. Сложеницына [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gramota.net> (дата обращения 12.05.2021)

102. Марковина И.Ю. Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / И.Ю. Марковина. – М., 1982. – 26 с.

103. Марковина М. Ю. Культура и текст. Введение в лакунологию. / М. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин // Учебное пособие. – М.: ГЕОТАР-Медиа, 2008. – 144 с.

104. Мартине А. Механизмы фонетических изменений / А. Мартине // Проблемы диахронической фонологии. – М., 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusneb.ru> (дата обращения 09.06.2021).

105. Меркулова И.А. Квантитативные характеристики русской лексики на общеславянском фоне / И.А. Меркулова // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 3. – С. 100–107.

106. Муравьев В. Л. О языковых лакунах / В. Л. Муравьев // Иностранные языки в школе. – 1971. – № 1. – С. 31–40.
107. Муравьев В.Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков) / В.Л. Муравьев. – Владимир, 1975. – 96 с.
108. Муравьев В.Л. Проблемы возникновения этнографических лакун: пособие по курсу типологии рус. и франц. языков / Муравьев В.Л. – Владимир: Изд-во Владимирского гос. пед. ин-та, 1980. – 106 с.
109. Огурцова О.А. К проблеме лакунарности / О.А. Огурцова // Функциональные особенности лингвистических единиц // Сборник тр. Кубан. ун-та. – Вып. 3. – Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1979. – С. 77–83.
110. Ом Я. Киберкультура / Я. Ом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/2009/08/28/1077> (дата обращения: 23.03.2023).
111. Омелянчук С.В. Брак и семья в Древней Руси IX–XIII веков: учеб. пособие / С.В. Омелянчук. – Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та. – 2010. – 118 с.
112. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павилёнис. – М.: Мысль. – 1983. – 286 с.
113. Павлова Т.А. Репрезентация концепта «Family» в английской концептосфере (на материале стихов для детей) / Павлова Т.А. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2011. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 04.06.2023).
114. Панова Г.Г. Лингвистический анализ безэквивалентной лексики русского языка: дисс... канд. филол. наук / Г.Г. Панова. – Л., 1988. – 236 с.
115. Платон. Сочинения в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Loseва и В.Ф. Асмуса. – СПб., 2007. – Т. 3. – Ч. 2. – С. 89–513.
116. Плунгян В.А. Владимир Плунгян о лингвистике / В.А. Плунгян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://intalent.pro> (дата обращения 02.05.2021).

117. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 192 с.
118. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира. – 3-е изд., перераб. и доп. / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 61 с.
119. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова И.А. Стернин. – М.: АСТ–Восток-Запад, 2007а. – 314 с.
120. Попова З.Д., Лексическая система языка: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Либроком, 2009. – 172 с.
121. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира – 4-е изд., стер. / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.-Берлин, 2015. – 101 с.
122. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – Т. I–II. – М., 1958. – 536 с.
123. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология: учеб. пособие / Л.Г. Почебут. – СПб.: Питер, 2012. – 336 с.
124. Прохоров Ю.Е. Язык, сознание, коммуникация / Ю.Е. Прохоров // Сборник статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005 – Вып. 30. – 260 с.
125. Радченко О.А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства / О.А. Радченко. – Т. 1–2. – М., 1997.
126. Райгородский Д. Я. Психология семьи: учеб. пособие / Д. Я. Райгородский. – Самара, 2002. – 752 с.
127. Рамишвили Г.В. Языкознание в кругу наук о языке / Г.В. Рамишвили // Вопр. филос. – 1981. – № 6. – С. 104–110.
128. Рахилина Е.В. Семантика русских «позиционных» предикатов СТОЯТЬ, ЛЕЖАТЬ, СИДЕТЬ и ВИСЕТЬ / Е.В. Рахилина // Вопросы языкознания – 1998. – № 6. – С. 69–80.
129. Рахилина Е.В. О лексико-семантической типологии / Е.В. Рахилина, В.А. Плунгян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://linghub.ru> (дата обращения 06.06.2023)

130. Рахилина Е.В. О работе Московской лексико-типологической группы / Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rakhilina.ru> (дата обращения: 04.06.23).

131. Рахилина Е.В. «Без конца и без края» / Е.В. Рахилина // Исследования по семантике предлогов. – М.: Русские словари, 2000. – С. 243–262.

132. Рахмат А. Концепт семья в русской паремике: лингвокультурологический аспект: автореф. ... канд. филол. наук / А. Рахмат. – СПб., 2005. – 24 с.

133. Рogaва Г.В., Грамматика адыгейского языка / Г.В. Рogaва, З.И. Керашева. – Майкоп, Краснодар, 1966. – 462 с.

134. Савицкий В.М. Онтология языковых лакун типологии. / В.М. Савицкий // Вестник МГОУ: электрон. журнал. – 2013. – № 2. – С. 1–18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vestnik-mgou.ru (дата обращения: 23.03.2021).

135. Селезнёва Е.А. Анализ понятий семья и семейные ценности / Е.А. Селезнёва // Проблемы современного образования. – 2021. – № 5. – С. 270–280.

136. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ.

137. Семененкова И.Е. Безэквивалентная лексика в системе языка. типологии / И.Е. Семененкова // Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов XII Международной научно-практической конференции. – Минск: БГУ. – 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by> (дата обращения: 14.02.2022).

138. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

139. Серебренников Б.А. Типы мышления // Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 242.

140. Смирницкий А.И. К вопросу о слове: Проблема тождества слова / А.И. Смирницкий // Труды Института языкознания АН СССР. – Т. IV. М. – 1954. – С. 8–101.

141. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. Филологический факультет МГУ / А.И. Смирницкий. – М., 1998. – 259 с.
142. Сомкин А.А. Трансформация понятий «семья» и «брак» в современном российском обществе / А.А. Сомкин, О.А. Данилова // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2018. – № 2. – С. 205–219.
143. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 689 с.
144. Степанов Ю.С. Французская стилистика / Ю.С. Степанов. – М., 1965. – 355 с.
145. Степанов Ю.С. Константы / Ю.С. Степанов // Словарь русской культуры. – М.: Яз. рус. культуры, 1997. – 824 с.
146. Степанов Ю.С. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
147. Стернин И.А. Концепты и лакуны / И.А. Стернин // Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета. – 2016. – Т. 16, № 8. – С. 49–52.
148. Суша Т.Н. Лингвистические основы лексикографии: учеб. пособие / Т.Н. Суша. – Минск: МГЛУ, 1999. – 84 с.
149. Терпак М. А. Английский лингвокультурный концепт «семья» и способы отражения его коннотативного содержания в языке (на материале семантического поля «Родственные отношения»): автореф. ... канд. филол. наук. / М. А. Терпак. – Самара, 2006. – 24 с.
150. Титкова С.И. Языковая лакуна в практике преподавания РКИ (из опыта обучения русскому языку англоговорящих учащихся) / С.И. Титкова // Русский язык за рубежом. – 2007. – № 3. – С. 39–50.
151. Токарев Г.В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта: (На примере концепта «трудовая деятельность»): учеб. пособие / Г.В. Токарев. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та, 2000. – 92 с.

152. Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) / С.М. Толстая // Категория родства в языке и культуре – М.: Индрик, 2009. – 312 с.
153. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин / Н.И. Толстой // Толстые Н. И. и С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. – М.: Институт славяноведения РАН, 2013. – С. 19–32.
154. Томашева И.В. Понятие «лакуна» в современной лингвистике. Эмотивные лакуны / И.В. Томашева // Язык и эмоции: сборник науч. тр. / отв. ред. В.И. Шаховский. – Волгоград: Перемена. – 1995. – С. 50–60.
155. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О.Н. Трубачев. – М.: КомКнига, 2006. – 242 с.
156. Турунен Н. Опыт выявления лакун при изучении русского языка в финской аудитории / Н. Турунен, Л.И. Харченкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sterninia.ru> (дата обращения 18.03.2023).
157. Узакова С.А. Социологическое осмысление семьи и семейных ценностей / С.А. Узакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sgu.ru> (дата обращения 20.03.2023).
158. Урусов Х.Ш. Морфемика адыгских языков / Х.Ш. Урусов. – Нальчик, 1980. – 300 с.
159. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы / А.А. Уфимцева. – М.: Наука. – 1962. – 286 с.
160. Уфимцева А.А. Лексическое значение слова / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
161. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие / А.В. Федоров. – 5-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ. – 416 с.
162. Фергюсон Ч. Проблемы влияния языковой ситуации на обучение второму языку / пер. с английского Е.Р. Сквайре / Ч. Фергюсон // Новое в зарубежной лингвистике: научная литература. Вып. XXV. Контрастивная лин-

гвистика. – 1989 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru> (дата обращения 15.06.2023).

163. Филипенко М.В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор) / М.В. Филипенко // Исследования по семантике предлогов. – М.: Русские словари, 2000. – С. 12–54.

164. Хамидуллина А. Понятие «лакуна» в лингвистике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pandia.ru> (дата обращения 19.06.2022.)

165. Хараева Л.А. Этносоциолингвокультурная детерминация педагогического общения в условиях двуязычия: Теоретические основы: автореф.. дис. ... д-ра пед. наук. – Волгоград, 2000. – 45 с.

166. Харитончик З.А. О принципах единства и целостности категорий. / З.А. Харитончик // Филология и культура. – Ч. 1. Международная конференция 12-14 мая 1999 г. – Тамбов, 1999. – С. 21–22.

167. Харчев А. Г. Социология семьи: проблемы становления науки / А.Г. Харчев. – М.: Центр социального прогнозирования, 2003. – 339 с.

168. Холмурадова Л. Э. Семейные ценности англичан, отраженные в английской фразеологической картине мира / Л.Э. Холмурадова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 5 (259). Филология. Искусствоведение. – Вып. 63. – С. 161–163.

169. Хомский Н. Отзыв о словаре / Н. Хомский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.amazon.com> (дата обращения 22.05.2023).

170. Чернов Г.В. Вопросы перевода русской безэквивалентной лексики на английский язык / Г.В. Чернов // Учен. зап. МГПИЯ. – Т. 16: Грамматика, лексикология и стилистика. – М.: 1958. – С. 223–255.

171. Шатков Г.В. Перевод русской безэквивалентной лексики на норвежский язык: автореф. дисс... канд. филол. наук. / Г.В. Шатков– М.: 1952. – 16 с.

172. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика / А.Д. Швейцер. – М.: Воениздат., 1973. – 279 с.

173. Шведова Д.В. Роль семьи в американском обществе и семейная политика / Д.В. Шведова. – 2011. – С. 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 09.04.2021).

174. Шнейдер Л.Б. Основы семейной психологии: учеб. пособие / Л.Б. Шнейдер. – М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та, Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. – 928 с.

175. Шортаева И.Х. Кабардинская семья: традиции и современность: автореф. дис. ... к.ист.н. / И.Х. Шортаева. – Нальчик, 2004. – 22 с.

176. Экзогамные и эндогамные браки – что это такое? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sunmag.me> (дата обращения 20.01.2023)

177. Яровая Т. Ю. Явление лакунарности в процессе изучения русского языка и культуры в иностранном вузе / Т. Ю. Яровая // Вестник Воронежского государственного университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik.vsu.ru>.

178. Ярослав Ом. Киберкультура (Cyberculture) / Ом. Ярослав [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru> (дата посещения: 23.04.2023).

179. Anokhina T. The linguistic lacunicon: cognitive mapping in schemes and terms / T. Anokhina // Journal of Education Culture and Society. – Wrocław, 2013. – P. 1–299.

180. Barsalou L. Frames, Concepts, and Conceptual Fields / L. Barsalou // In Lehrer, A. & Kittay, E.F. (eds.) Frames, Fields, and Contrasts, Lawrence Erlbaum Associates Publishers. – 1992. – P. 21–74.

181. Chomsky N. Editorial reviews. / N. Chomsky. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.amazon.com> (date of the application 12.03.2021).

182. Evans, V. Glossary in Cognitive Linguistics / V. Evans. – Edinburgh University Press Ltd. – Edinburgh, 2007. – 239 pp.

183. Heine, B. Cognitive Foundations of Grammar. Oxford / B. Heine – Oxford University Press, 1997. – 200 pp.

184. Herskovits, A. Language and spatial cognition: An interdisciplinary study of the prepositions in English / A. Herskovits. – Cambridge, 1986. – 208 p.
185. Hoffman, D., Parts of recognition / D. Hoffman, W. Richards // *Cognition*. – 1984. – P. 1–17 [Electronic resource]. – Access mode: <http://wexler.free.fr/library> (date of the application 10.03.2021).
186. Hockett Ch. F. Chinese versus English: An exploration of the Whorfian thesis / Ch.F. Hockett // *Language in culture*. Chicago, University of Chicago Press, 1954. – P. 120–143.
187. Karamian Mais Mark – Отзывы на словарь НБАРС / Mais Mark Karamian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ozon.ru> (дата обращения 16.04.2023).
188. Lakoff, J., *Metaphors We Live By* / J. Lakoff, M. Johnson – Chicago, 1980. – 242 p.
189. Lakoff, G. *Women, Fire, and Dangerous things: What categories reveal about the Mind* / G. Lakoff [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.metodolog.ru> (date of the application 20.01.2022).
190. *The Lauderdale Papers 1884* [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.google.ru> (date of the application 18.01. 2022).
191. Lapaire J-Rémi *Grammaire cognitive des prépositions : épistémologie et applications*. – 2017 [Electronic resource]. – Access mode: <https://doi.org> (date of the application 22. 05. 2021).
192. Landau, Jackendoff «What» and «where» in spatial language and cognition // *Behavioral and brain sciences* – 1993. – № 16 (2). – P. 255–265.
193. Matasović R. *A Short Grammar of East Circassian (Kabardian)* / R. Matasović. – 2010.
194. Pasternak B. *Introduction to kinship and social organization* / B. Pasternak. – 1976 [Electronic resource]. – Access mode: <https://openlibrary.org> (date of the application 12.08. 2021).
195. Rosch E.H. *Natural Categories*. / E.H. Rosch // *Cognitive Psychology*. – 1973. – Vol. 4, № 3. – P. 326–350.

196. Rosch E.H. Principles of Categorization / E.H. Rosch // Cognition and Categorization. – Hillsdale: N.J.: Erlbaum. – 1978. – P. 27–48.

197. Vinay J.-P and Darbelnet J. Stylistique Comparée du Français et de l'Anglais. / J.-P. Vinay et J. Darbelnet. – Paris, Didier, et Montréal, Beauchemin, 1958. – 331 pp.

198. Vinay J.-P and Darbelnet J. Comparative Stylistics of French and English / J.-P. Vinay, J. Darbelnet. – Trans. and ed. by Juan C. Sager and M.-J. Hamel. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1995. – 359 pp.

СЛОВАРИ. СПРАВОЧНИКИ. ЭНЦИКЛОПЕДИИ

199. Англо-русский словарь онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wooordhunt.ru> (АРСО).

200. Апажев М.Л. Кабардино-черкесско-русский словарь / М.Л. Апажев, Дж.Н. Коков – Нальчик, 2008 (КЧРС).

201. Большой словарь-справочник синонимов русского языка онлайн. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/synonyms> (Синонимы РЯ).

202. Большой энциклопедический словарь онлайн. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/bes> (БЭСО).

203. Большой юридический словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/law> (БЮС).

204. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

205. Викисловарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki>.

206. КартаСлов.Ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru> (дата обращения 25.03.2022).

207. Крипто словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://crypto.slovaronline.com> (дата обращения 25. 03. 2022).

208. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tapemark.narod.ru/les/> (ЛЭС).
209. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с. (ТПС).
210. Новейший философский словарь. [Электронный ресурс.] – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy.
211. Новый Большой англо-русский словарь: в 3 т. / Ю. Д. Апресян и др. – М.: Рус. яз., 1999. – 832 с. (НБАРС)
212. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me> [СО].
213. Педагогический терминологический словарь. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://gufo.me/dict/pedagogy_terms.
214. Прохоров А.М. Советский энциклопедический словарь. – 4-е изд. / А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – 1600 с. (СЭС).
215. Сверхкраткий философский словарь: Краткое изложение книги «Буквы философии» / Ал. С. Акулов. – СПб., 1999. – 52 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://terme.ru> (СФС).
216. Словарь галлицизмов русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/gallicisms> (СГРЯ).
217. Словарь иностранных слов современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – 800 с. (СИССРЯ)
218. Словарь кабардино-черкесского языка. – М.: Дигора, 1999. – 860 с. (СКЧЯ)
219. Словарь русского языка: в 4 т. (Малый академический словарь) / под ред. А.П. Евгеньевой. 1985–1988 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru> (МАС).
220. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой Т. Ф. / Т.Ф. Ефремова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova>. (СТСРЯ)

221. Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова / Д. Н. Ушаков – 1935 – 1940 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ushakov>. (ТСУ)
222. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков / А.К. Шагиров. – М.: Наука. – 1977. (ЭСАЧЯ)
223. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/shansky> (дата обращения 23.01.23). (ЭСРЯ).
224. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://academic.ru>. (дата обращения 25.06.23).
225. Энциклопедия инвестора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://investments.academic.ru> (дата обращения 20.03.23).
226. Энциклопедия «Русский язык» / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд. – 1997. 721 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org> (дата обращения 06.05.22)
227. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2 изд. – Большая российская энциклопедия. 2000. – 685.
228. American Heritage® Dictionary of the English Language, Fifth Edition . Copyright © 2016 by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.thefreedictionary.com>. (FARLEX). (date of the application 14.03.2021).
229. Crystal D.A Dictionary of Linguistics and Phonetics / D.A Crystal. – Published by Wiley Blackwell – 6-th edition – 560 pp.
230. Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners. 3-rd edition. – Harper Collins Publishers. 2001. – 1824 pp. (Collins)
231. Collins English Dictionary. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.thefreedictionary.com>. (FARLEX) (COED).
232. Collins Online Dictionary. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.collinsdictionary.com/>. (CollOD).

233. Father Resource. [Electronic resource] – Access mode: <https://fatherresource.org> (date of the application 04.04.2023)

234. The Free Dictionary by Farlex. <https://www.thefreedictionary.com>. (Farlex).

235. Online Etymology Dictionary. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.etymonline.com/>. (OETD). (date of the application 20.07.2021).

236. Oxford Advanced English Learner's Dictionary. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>. (OALD). (date of the application 20.06.2022).

237. The Random House Dictionary. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.thefreedictionary.com>. (FARLEX).

238. Thesaurus.com: Synonyms and Antonyms. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.thesaurus.com/>. (date of the application 17.04.2021).

239. Type. Today и Tomorrow? [Electronic resource]. – Access mode: <https://type.today/ru>.